

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р) 30-1
С 718

Рецензенты

Ковалев Александр Иванович – д.э.н., профессор кафедры «Экономика, менеджмент и маркетинг» Омского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Клисторин Владимир Ильич – д.э.н., в.н.с. ФГБУН Институт экономики и организации промышленного производства

С 718 **Спецификация региональной промышленной политики с использованием элементов кластерного подхода (на материалах Омской области) / под общ. ред. В.В. Карпова, В.В. Алещенко – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. – 480 с.**

ISBN 978-5-89665-304-2

В монографии представлены результаты комплексного научного исследования, выполненного коллективом сотрудников Лаборатории экономических исследований Омской области ИЭОПП СО РАН при участии научных и практических работников. Книга посвящена теоретико-методологическим вопросам и прикладным аспектам промышленной политики Омской области. Рассматривается методология анализа и прогнозирования региональной промышленной политики, анализируются основные направления кластерной поддержки (на примере кластера высокотехнологичных компонентов и систем Омской области), разрабатываются методические основы оценки эффективности управления промышленной политикой региона.

Адресуется научным и практическим работникам, представителям государственного и муниципального управления, предпринимателям, обучающимся ВО, интересующимся вопросами развития региональных промышленных кластеров в современных условиях.

Алещенко В.В. – д.э.н. (гл.3: 3.1, 3.4)
Алещенко О.А. – (гл.3: 3.4)
Бреусова А.Г. – к.э.н. (гл.4: 4.4, 4.5)
Гарафутдинова Н.Я. – к.э.н. (гл.3: 3.2)
Жильцов В.В. – к.т.н. (гл.3: 3.1)
Карпов В.В. – д.э.н. (введение)
Колда А.В. – (гл. 1: 1.2, 1.3)
Кораблева А.А. – к.э.н. (гл.4: 4.1, 4.4, 4.5)
Лаздин А.Ю. – к.ф.-м.н. (гл.3: 3.4, гл.4: 4.2, 4.5)

Лизунов В.В. – к.ф.-м.н. (гл.2: 2.1, 2.2)
Логинов К.К. – к.ф.-м.н. (гл.4: 4.2, 4.5)
Новосельцев Д.А. – к.т.н. (гл.3: 3.1)
Симанчев Р.Ю. – к.ф.-м.н. (гл.4: 4.3)
Суспин С.А. – д.э.н. (гл.1: 1.1, 1.2, 1.3)
Снежанская Н.Н. – к.ю.н. (гл.2: 2.4)
Хаиров Б.Г. – к.э.н. (гл.3: 3.3)
Чупин Р.И. – к.с.н. (преамбула, гл.2: 2.3)

УДК 338.98
ББК 65.9 (2Р) 30-1

ISBN 978-5-89665-304-2

© Коллектив авторов, 2016 г.
© ИЭОПП СО РАН, 2016 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

http://lib.ieie.su/docs/2016/Specifikacija_regionalnoj_prom_politiki2016Omsk.pdf

Глава 2

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

2.1. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Развитие региона как социально-экономической системы

Заселенные и обладающие хозяйством территории, а также крупные предприятия (корпорации), строго говоря, не могут называться системами, поскольку использование классического системного анализа в этих случаях приводит к появлению нескольких разнородных и разнокачественных систем («системам систем»), а также пронизывающих друг друга *инфраструктур*.

Проблема сосуществования нескольких систем, которые нельзя представить как подсистемы одной системы, рассматривались ещё в 1970-е годы В.А. Лефевром в работе «Конфликтующие структуры»¹, который представлял их как «системы, нарисованные на системе», а известным методологом Г.П. Щедровицким в этих целях введена категория «полисистемы»². Современное понятие *инфраструктуры* также несколько выходит за пределы классического системного анализа. В этом плане понятие инфраструктуры означает такую полисистемную организацию материала, которая позволяет существовать на ней и обеспечивать развитие нескольких разнокачественных систем, не предопределяя ни одной из них. При этом развитие полисистемы обеспечивается развитием и избыточностью инфраструктуры³.

Используя системный, функциональный и исторический подходы, можно рассматривать *динамику* различных систем и подсистем социально-экономической полисистемы, а также прони-

¹ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973.

² Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта // Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: Наука, 1975.

³ Попов С.В. Организация хозяйства в России. – Омск: Курьер, 1999. – 288 с.

зывающих друг друга инфраструктур: транспортно-дорожной сети, систем связи и информации, финансовой системы, научно-инновационной инфраструктуры и др.

Необходимыми факторами эффективного функционирования и саморазвития региона как социально-экономической полисистемы являются не только наличие взаимосвязанных и инновационно восприимчивых отраслей производства и социальной сферы, но и эффективных институтов управления, а также профессиональной общественности и активного населения (экономически, научно, технически, социально, политически, культурно и т.д.)¹.

Основателем *системной динамики* заслуженно считается Дж. Форрестер, известный специалист в области промышленного управления, который, начиная от моделирования промышленного предприятия как сложной динамической системы, создал *методологию* междисциплинарных исследований сложных динамических систем. Системная динамика впоследствии была расширена для анализа широкого класса динамических систем: экономических, социальных, экологических и успешно использовалась для моделирования, исследования и развития урбанизированных территорий различного уровня².

Очевидно, что различные социально-экономические полисистемы значительно отличаются друг от друга сложностью и масштабом – вплоть до глобального уровня, для описания которого в 1970-х годах И. Валлерстайном были разработаны методы *миросистемного анализа*, предусматривающие *взаимозависимость* регионов и *цикличность* развития мировой системы как целого³.

Большую роль в оценке динамики мирового хозяйства играют теория «*длинных волн*» Н.Д. Кондратьева, доказавшая свою дос-

¹ Карпов В.В., Лизунов В.В. О динамике социально-экономических полисистем и инновационной инфраструктуре // Мат-лы 5-й Междунар. научно-технич. конф-ции «Динамика систем, механизмов и машин», 16–18 ноября 2004 г., книга 4: Динамика социальных систем. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004, с.21.

² Форрестер Дж. Динамика развития города. – М.: Прогресс, 1974. – 287 с.; Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: АСТ, 2003. – 379 с.

³ Wallerstein I. The Modern World-System. Т.1, 2, 3. – N.-Y.: Academic-Press, 1974, 1980, 1989;

Бентли Д. Макроистория и социальные науки в XX веке // Время мира. Альманах. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. – С. 27–66.

товерность на практике, и концепция «деловых циклов» Й.А. Шумпетера, описывающая колебания мировой экономики за счет волнообразной динамики *технических и технологических нововведений*. Хорошо проработанными в настоящее время являются также практические представления об *этапах циклического развития* производственных комплексов и организаций, которые давно и успешно используются не только в зарубежном, но и отечественном управлении¹.

Под *динамикой* социально-экономических полисистем следует понимать *силы, структуры и процессы*, изменяющиеся (развивающиеся) как во времени, так и в пространстве.

В отличие от физических, технических и биологических систем социальные системы отличаются *особой сложностью*, связанной с разнообразием и *стохастичностью* (что при анализе приводит к неопределенности вплоть до непредсказуемости) *поведения субъектов, зависящей* не только от личных и групповых (семейных, корпоративных, классовых) *целей и интересов*, но и от факторов психологической и иной природы, связанных со скрытыми индивидуальными и коллективными *неосознанными* процессами и проявляющихся в особенностях *культур*.

Более того, социально-экономические полисистемы включают в себя физические, технические и биологические системы, что на практике приводит, например, к учету технических и биологических аспектов при исследовании и управлении социальными процессами. В качестве довода для доказательства уникальности и неповторимости социальных явлений, а поэтому – невозможности построения общих теорий, сторонники *постмодернизма* и эмпирического подхода к истории и социологии приводят также наличие *открытости* социально-экономических систем и разнообразие влияния на их динамику различных *надсистем*. Однако эти проблемы прекрасно решаются в естествознании, кибернетике и гомеостатике, технике и управлении, за счет использования граничных условий, внешних и обратных связей.

¹ Шумпетер Й.А. Экономические циклы. – М.: Неон, 1996;

Шумпетер Й.А. История экономического анализа (в трех томах), том 3. – М.: Институт «Экономическая школа», Высшая школа экономики, 2001;

Антикризисное управление: Учебник / Под ред. Э.М. Короткова. – М.: ИНФРА-М, 2001.

При всей *противоречивости* и даже *несовместимости* общественных процессов все сильнее проявляется их *взаимоопределенность* и *дополнительность*. Появляется осознание не абсурдности, а «полифоничности» развития человечества и реального единства мира, что приводит к установлению новых смыслов и тенденций в глобальных и региональных процессах ¹.

Исторический опыт человечества подтверждает необходимость реализации на всех региональных уровнях именно *полисистемного подхода*, обеспечивающего *сосуществование и синтез* различных культур. В этих целях необходимо развитие мировых и региональных *инфраструктур* (обеспечивающих возможность существования разнородных и разнокачественных систем) и решение проблемы организации эффективных контактов между *субъектами инновационных процессов* в социуме ².

Современные проблемы региональных социально-экономических систем

По официальным и экспертным оценкам, технологическое отставание России от развитых стран по целому ряду направлений не сокращается, а растет. Инновационно-инвестиционная ак-

¹ Гомеостатика живых, технических, социальных и экологических систем: Монография / Под ред. Ю.М. Горского. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. – 350 с.;

Карпов В.В., Лизунов В.В. О динамике социально-экономических полисистем и инновационной инфраструктуре // Мат-лы 5-й Междунар. научно-технич. конф-ции «Динамика систем, механизмов и машин», 16–18 ноября 2004 г., книга 4: Динамика социальных систем. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004. – С. 20–30;

Лизунов В.В. Проблемы управления и формирования новой науки и учебной дисциплины «Философия управления» // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. Научный журнал. – 2006. – № 3 (15). – С. 94–101;

Лизунов В.В., Метелев С.Е., Соловьев А.А. Кластеры и кластерные стратегии. Монография / Изд. 2-е исправл. и дополн. – Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012, с. 97.

² Карпов В.В., Лизунов В.В. Полисистемные задачи Омской региональной организации ВЭО России и регионального многодисциплинарного семинара // Материалы IV Международной научно-технической конференции «Динамика систем, механизмов и машин» (12–14 ноября 2002 г.). Книга 3. – Омск: ОмГТУ, 2002. – С. 56–59.

тивность подавляющего большинства российских предприятий остается низкой, рынок привлекательных бизнес-проектов крайне деформирован и ограничен. Интересы отечественных и зарубежных инвесторов по-прежнему устремлены в основном в минерально-сырьевой сектор, что закрепляет за Россией роль сырьевого агента мирового рынка и препятствует ее переходу на высокотехнологичный, наукоемкий путь развития¹.

Региональные аспекты этой проблемы в общем виде представлены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.².

Согласно этой Концепции инновационный социально-ориентированный путь развития предполагает многополярное развитие территории страны и формирование новых региональных и межрегиональных *зон опережающего развития*. Конфигурация пространственного развития становится более разнообразной, не привязанной жестко к сложившимся энерго-сырьевым и финансовым зонам развития. Появляются новые центры инновационного роста, опирающиеся на концентрацию человеческого и технологического потенциала.

К уже *сформировавшимся региональным зонам опережающего развития* относятся:

– крупнейшие агломерации федеральных городов с наиболее устойчивым экономическим ростом, обеспечивающим приток населения и инвестиций; регионы, в которых сосредоточена нефтегазовая и металлургическая промышленность; их рост менее устойчив и зависит от конъюнктуры цен, но значительные бюджетные ресурсы позволяют поддерживать человеческий капитал и инфраструктуру;

– крупные многофункциональные города – центры регионов, их рост обеспечивается концентрацией сервисных функций и промышленных производств (с растущей долей обрабатывающих отраслей, ориентированных преимущественно на внутренние рынки), но пока еще недостаточно поддерживается миграционным притоком населения и инвестициями;

¹ Плахова Л.В. Региональный разрез проблемы модернизации экономики России // Вестник ОрелГИЭТ. – 2010. – № 3 (13). – С. 26–33.

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Министерство экономического развития и торговли РФ // URL: www.economy.gov.ru.

– портовые регионы Европейской России, расположенные на путях основных торговых потоков и, особенно, вблизи агломераций; более плотно заселенные области и края российского Юга с развитой инфраструктурой и выходом к морскому побережью, рекреационными ресурсами.

Инновационное развитие предполагает ускорение темпов экономического развития на базе более полного использования инновационного потенциала страны, сконцентрированного в городах (муниципальных образованиях) со значительным инновационным и человеческим капиталом. При этом важнейшее значение будет иметь «инфраструктурный эффект» формирования городских агломераций, связанный со строительством новых энергоемностей, крупных транспортных комплексов, мультимодальных логистических центров и информационных узлов, образовательной и инновационной инфраструктуры.

К перспективным региональным зонам опережающего роста в рамках инновационного пути развития авторы Концепции отнесли:

– регионы Поволжья и Урала с развитой индустрией, сочетающей ресурсодобывающие и высокотехнологичные отрасли, и крупные города, уже ставшими точками роста;

– города Сибири с более высоким уровнем развития человеческого капитала и потенциалом развития инновационной экономики;

– портовые города Дальнего Востока;

– новые зоны роста на основе разработки первичных ресурсов – добыча углеводородов на Европейском Севере, в Восточной Сибири и на Сахалине, энергетики и металлургии в Нижнем Приангарье, Южной Якутии, Читинской области и др.;

– зоны освоения вокруг новых инфраструктурных проектов (Севсиба, расширения Восточного БАМа, новых автомагистралей).

В результате формирования новых и изменения позиций существующих центров опережающего развития меняется соотношение основных макрорегионов России и *пространственное размещение производительных сил*.

Реализацию задач инновационного развития регионов в Концепции 2020 связывают с решением общих задач территориального развития в долгосрочной перспективе:

1) рост территориальной мобильности населения и преодоление депопуляции;

2) формирование устойчивой системы региона;

3) развитие транспортной инфраструктуры для сокращения издержек бизнеса и роста мобильности населения;

4) развитие энергетической инфраструктуры и энергоснабжения пространственных зон роста;

5) развитие экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Реализация «*сценария инновационного развития*» (в формулировке разработчиков) должна способствовать решению общих задач социально-экономического развития регионов. Однако при этом нет ни постановки, ни предложений по сути вопроса, а именно – по инновационному развитию регионов¹.

Фактически в Концепции развития России до 2020 года сохраняются неэффективные подходы к решению проблем преодоления технологической отсталости страны и перехода на инновационный путь развития. Задачи, касающиеся как бизнеса, так и территориальных органов управления и подведомственных им структур, изложены в эклектическом смешении, поскольку нет понимания региона как диалектически противоречивого *единства территориальной и производственной систем*.

Более содержательными являются идеи и предложения, заложенные в *Прогнозе научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 года*² и *Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года*³.

По замыслу разработчиков этих прогнозов, для успешного развития инновационной экономики в регионах необходимо, прежде всего, создать условия для построения сетевого взаимодействия между организациями, участвующими в производстве инновационного продукта. А с целью достижения эффекта масштаба деятельности инновационных фирм необходимо создание инновационных агломераций *по типу кластеров* с использованием зарубежного опыта. В «Силиконовой долине» (США) работает около 3 тысяч инновационных фирм. Аналогичная ситуация складывается и в новых мировых научно-технологических зонах. В зоне

¹ Плахова Л.В. Региональный разрез проблемы модернизации экономики России // Вестник ОрелГИЭТ. – 2010. – № 3 (13). – С. 26–33.

² Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 года // URL – <http://old.mon.gov.ru/files/materials/5053/prog.ntr.pdf>.

³ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // URL – <http://government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>.

опережающего научно-технологического развития Чжунгуаньцунь (Zhōngguāncūn) в районе Хайдянь, северо-западной части Пекина, называемой «китайской Силиконовой долиной», работают 361 тыс. чел. и 10 тыс. предприятий. Последние 10 лет Чжунгуаньцунь, включая построенные там парки, поддерживает темпы роста в 30 % в год.

В России в инновационном центре «Сколково» на особой территории созданы специальные условия для проведения исследований и разработок по ряду перспективных направлений: энергоэффективность и энергосбережение; ядерные, космические, медицинские и стратегические компьютерные технологии. В проекте федерального закона «Об инновационном центре «Сколково»¹ исследователям предоставляется возможность получения преференций по компенсации расходов по уплате таможенных платежей в связи с ввозом товаров, необходимых для соответствующей деятельности, и льгот по налогу на прибыль, на имущество и др.

Предусматривается, что создаваемый комплекс (его ядро и территория) предназначен для решения глобальных проблем, агломерирования тематики конференций, функционирования исследовательских сетей, национальных и глобальных инициатив, обеспечения работы структурных центров (например, специализированных технопарков, в качестве резидентов которых должны привлекаться мировые лидеры). Особое значение приобретают глобальные сети, в которые включаются участники кластера (например, в связи с этим можно создавать на территории РФ филиалы передовых зарубежных технопарков, университетов и проч.).

Для поддержки инновационных региональных центров со стороны государства необходимо обеспечить:

- проведение в регионе технологического форсайта;
- создание специального конференциального фонда;
- отбора и приоритетной поддержки предприятий с высокой культурой «управления знаниями», исследовательского и прикладного блоков.

В регионах также должны поддерживаться инновационные структуры современного уровня (технопарки третьего поколения,

¹ Федеральный закон «Об инновационном центре «Сколково» от 28 сентября 2010 года N 244-ФЗ (в редакции от 23 мая 2015 № 135-ФЗ) // URL – <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=180096>.

новые венчурные бизнесы и т.д.), привлекаться организации и инициативы, способные выступить ядром комплекса. Приоритетными должны являться те секторы рынка, инновации и технологии, которые являются наиболее перспективными для роста масштабов влияния на экономику территории, рынок занятости, бюджет, развитие сетей.

При формировании инновационно-технологической политики на региональном уровне в России все большую роль играет технология *форсайта* (англ. *foresight* – *взгляд в будущее*), основанная на групповой творческой работе экспертов по оценке стратегических направлений социально-экономического и инновационного развития, выявлению технологических прорывов, способных оказать воздействие на экономику и общество в средне- и долгосрочной перспективе¹.

Форсайт используется как инструмент не только прогнозирования, но и проектирования перспективных рынков. Он сильно зависит от достижения согласия в видении будущего между сообществами профессионалов, бизнесом и властью².

Выбор региональных приоритетов научно-технологического развития является многокритериальной задачей, решение которой должно учитывать различные факторы. Выделяются следующие *основные критерии*:

- соответствие долгосрочным приоритетам социально-экономического развития региона;
- соответствие накопленному технологическому потенциалу и научно-технологическим задачам предприятий региона;
- высокая социально-экономическая эффективность, то есть максимальное отношение достигнутого социального и экономического эффектов к затратам на их получение.

Ключевыми показателями эффективности развития регионального производства являются *наукоемкость* и *конкурентоспособность* выпускаемых товаров на мировом рынке.

Низкая наукоемкость при высокой конкурентоспособности предупреждает о возможной потере экономических позиций на рынке в будущем. *Высокая наукоемкость* при низкой конкурентоспособности говорит о низком качестве научного потенциала; при

¹ История Форсайта // URL – <http://foresight.sfu-kras.ru/node/47> .

² Плахова Л.В. Региональный разрез проблемы модернизации экономики России // Вестник ОрелГИЭТ, 2010, №3(13). С. 26–33; с. 28.

высоком научном потенциале – о низкой инновационной восприимчивости производства. Таким образом, высокий научный потенциал можно рассматривать как резерв эффективности производства.

Научный потенциал включает три основные составляющие: *творческую, финансовую и материально-техническую*. Творческая составляющая научного потенциала показывает способность научного комплекса решать научные и научно-практические задачи, стоящие перед производственным предприятием на мировом или превышающем его уровне. Существенным *ограничителем* инновационных процессов на общенациональном и региональном уровнях является объем финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). В условиях кризиса российская наука относилась к отраслям, финансируемым по остаточному принципу, поэтому были потеряны многие достижения и школы; очевидно, что деградация науки без поддержки государства неизбежна¹.

Структура источников финансирования должна соответствовать характеру выполняемых работ и структуре экономики, поэтому необходима оптимальная и дифференцированная система финансирования. Так, фундаментальные и теоретико-прикладные исследования, крупные научно-технические программы финансируются из государственного бюджета и внебюджетных фондов. Важнейшие научно-технические программы финансируются на смешанной основе. Государство участвует в финансировании их разработки и реализации, если половина и более средств выделяется из других источников.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) сегодня широко используется и в России, и в мире; существует понимание, в каких сферах применяется ГЧП, какие используются модели для реализации проектов ГЧП и какой формируется инструментарий. ГЧП в целом ряде развитых и развивающихся стран уже продемонстрировало свою эффективность в сфере решения инфраструктурных проблем, являясь хорошо проработанной – на основе практического опыта – экономической концепцией. В России же понимание важности и возможностей использования ГЧП до сих пор четко не сформировано, что препятствует разви-

¹Плахова Л.В. Региональный разрез проблемы модернизации экономики России // Вестник ОрелГИЭТ, 2010, №3(13), с. 29.

тию российского рынка проектов ГЧП и не позволяет использовать этот эффективный механизм для развития общественной инфраструктуры как в региональном, так и в общероссийском масштабе¹.

Целесообразно затраты на науку и инвестиции закладывать в индикативных народнохозяйственных планах по основным источникам финансирования: государственный бюджет, внебюджетные фонды, собственные средства крупных корпораций и других предприятий, государственные и коммерческие кредиты, льготы налогообложения. Материально-техническая составляющая технологического развития производства и научного комплекса должна рассматриваться в разрезе отраслей по производственным объектам. Поскольку в течение долгого времени выбытие как промышленных средств, так и научных приборов и оборудования не восполнялось, средний срок службы лабораторного оборудования фактически в 2 раза превышает нормативный срок в 10–12 лет, что привело к накоплению в организациях науки и научного обслуживания морально устаревших технических средств и сказалось на качестве НИОКР.

Поэтому, в первую очередь необходимо увеличение инвестиций в техническое оснащение и перевооружение организаций науки и научного обслуживания, что повысит качество и эффективность разрабатываемой техники.

Для ускорения связей между научными, образовательными и промышленными организациями, развития НИОКР и инновационных процессов необходимо реанимировать российскую систему научно-технической информации (НТИ). В каждом регионе и отраслевом предприятии информационные научно-технические системы должны обеспечивать:

- накопление научно-технической информации и информации об эффективно используемых нововведениях, о возможностях диверсификации производства без принципиального изменения технологической базы;

- формирование программ научно-технического обновления производственных мощностей предприятий, разработки инвестиционных проектов.

¹ Сайт Центра государственно-частного партнерства государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» // URL – http://www.pppinrussia.ru/main/ppp_in_russia/about .

В этих целях можно объединить информационные ресурсы региона, крупных корпоративных структур, научных, внедренческих и специализированных организаций.

Особое значение для регионов имеют создаваемые по инициативе вузов, компаний, органов государственной и местной власти *инновационные корпорации* (корпорации развития), центры технической помощи, кооперативные научно-исследовательские центры, центры поддержки нововведений, научные и технологические парки и другие структуры.

Сегодня большинство регионов нуждается не просто в стратегиях привлечения инвестиций, а в стратегиях *пространственного развития*. Часто под «стратегией пространственного развития» и в регионах, и на федеральном уровне понимают безальтернативные схемы размещения производительных сил по директивному образцу, которые в одностороннем порядке разрабатываются и утверждаются «сверху вниз» федеральными и территориальными органами власти. Такие схемы не могут привлекать инвесторов, поскольку они не оставляют им возможности выбора. Инвесторов привлекает другое: им необходимо «меню» возможностей, сформулированное в пределах ограничений, которые диктуются, в первую очередь, не предпочтениями властей, а объективными условиями развития (география, экология, инфраструктура, геология, социальные приоритеты, национальная безопасность и т.д.). В этих целях регионам необходимо использовать новые технологии управления, прогнозирования и проектирования, привлечение и подготовку соответствующих кадров¹.

В процессе формирования конкурентоспособной экономики и развитой социальной сферы необходимо учитывать климатические и географические особенности регионов, существующие (или успешно развивавшиеся в прошлом) традиционные хозяйственные уклады, наличие инфраструктуры и исторически сложившихся производств, которые могут стать основой *социально-производственно-экологических зон* перспективного развития территорий.

В качестве наглядного примера экономического парадокса приводится в настоящее время состояние регионов Сибири, которые, будучи одними из самых мощных регионов страны по вели-

¹ Плахова Л.В. Региональный разрез проблемы модернизации экономики России // Вестник ОрелГИЭТ, 2010, №3(13), с. 30–33.

чине промышленного и природно-ресурсного потенциала, занимают одно из последних мест по уровню материального благосостояния населения. Главной их слабостью является огромная диспропорция между большим ресурсным потенциалом экономического развития, с одной стороны, и малонаселенностью, неразвитой инфраструктурой и перерабатывающей промышленностью, с другой. Это не позволяет эффективно формировать достаточно ёмкие рынки и собственные накопления, необходимые для создания современной экономической инфраструктуры и использования имеющегося природно-ресурсного потенциала для своего социально-экономического развития¹.

Современные исследования пространственного развития экономики регионов направлены на использование эффективных форм *кооперации* и *интеграции*, разработку и применение перспективных технологий производства и управления, оптимальное использование и восстановление различных возобновляемых ресурсов и т.д. Такие научные исследования и разработки носят как экономический, социологический, экологический, технологический, так и экономико-географический характер, что объясняется актуальностью и важностью территориальной организации производительных сил регионов, необходимостью максимального использования внутреннего потенциала каждой территории. Это требует проведения анализа и оценки различных факторов, использование которых позволит значительно улучшить положительную *динамику* социально-экономических региональных процессов².

¹ Соколов С.Н. Пространственно-временная организация производительных сил регионов Азиатской России. Дисс.докт.геогр.н., – Нижневартовск: Нижневарт. гос. гуманитар. ун-т., 2009. – 393 с.;

Лизунов В.В. Кластерный подход к развитию региональной экономики: концепция, опыт, проблемы // Кластерный подход к развитию агропромышленного комплекса Омской области / под ред. В.В. Карпова, В.В. Алещенко. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2014. – 416 с., с.27.

²Зубаревич Н.В: Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. 3-е изд. М: ЛКИ, 2007. – 264 с.;

Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. – 2009. – №2. – С. 166–178;

Головков А.Н. Пространственное развитие как экономическая категория // Управление экономическими системами. – 2011. – №2. URL – <http://www.uecs.ru/marketing/item/325-2011-03-25-11-33-26>.

Природно-ресурсный, производственный и кадровый потенциал территории, уровень хозяйственной освоенности, экологическое состояние, исторические предпосылки, менталитет населения, хозяйственная ёмкость и культурная освоенность ландшафтов и др. рассматриваются как основа для формирования и развития экономических и социальных *процессов*, партнерских и конкурентных *отношений*, рыночных и культурных *связей*, что фактически и определяет будущее развитие региона, муниципальных образований и поселений.

В настоящее время важнейшими задачами для российских регионов является исследование *причин* резкого различия хозяйственного развития и культурной среды территории, а также выявление условий, при которых в одних регионах формируется высокий экономический и культурный потенциал, а другие становятся очагами экономической деградации, социальной напряженности и культурного регресса. Необходимо эффективно использовать особенности, неоднородности и разнообразие ресурсов территории для решения задач ее гармоничного развития¹.

В разрабатываемом методологическом аппарате таких исследований вводятся понятия «*хозяйственной емкости*», «*рекреационной емкости*» и «*экологической емкости*» ландшафта, а также «*культурного ландшафта*» территории, структура которых формируется в виде определенной системы социальных, экономических и коммуникативных феноменов².

Для осуществления успешной хозяйственной деятельности и формирования культурных связей в регионах чрезвычайно

¹Федоров Р.Ю. Морфология культурного ландшафта региона // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. Т. 4. – М.: Современные тетради, 2005, с. 648–649;

Пермиловская А.Б. Культурный ландшафт Русского Севера как объект наследия в аспекте региональной политики // Власть. 2011. – № 3. – С.84–86;

Лизунов В.В. Историческая роль культурного ландшафта в социокультурной жизни и социальном управлении // Власть. 2011. – №6. – С. 85–88;

Lizunov V.V. The role of route development and cultural landscape in social and cultural life and in the development of tourism // Człowiek, Świat, Polityka (Warszawa). – № 4/5, 2012–2013.– S.111–115. URL – <http://wssmia.edu.pl/wp-content/uploads/2011/09/czlo-swiat-pol-4.pdf>.

² Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. – М.: Мысль, 1975;

EdwART. Словарь экологических терминов и определений, 2010.

важна *коммуникативная структура* ландшафтов, которая связывается с двумя основными формами коммуникаций. Первая из них включает *транспортные коммуникации*: речные и воздушные пути, сухопутные и железные дороги. Ко второй форме относятся экономические, социальные и культурные *межсубъектные связи*: информационные коммуникации, связывающие личности, группы, предприятия и организации, социокультурные общности и т.д.

Каждая из этих коммуникаций связана с определенными *институтами* (от лат. *institution* – обычай, наставление) и системами ценностей, присущими той или иной форме деятельности. При этом *институты* являются первичными элементами движущих сил общества (материальные, моральные, этические и правовые факторы), рассматриваемые в *историческом развитии*.

Важнейшим фактором успешного развития является *социальное партнерство* – конструктивное взаимодействие, эффективные решения в межкультурном общении, групповая деятельность, партнерские отношения и кооперация, формирование определенного «общего языка», общих целей, интересов и ценностей. При этом появляются активные субъекты (акторы), имеющие *социально организованный* процесс мышления и определенный *менталитет*, которые и являются основой для разработки и реализации реальных предпринимательских схем и культурных проектов, программ перспективного социально-экономического развития поселений и территорий¹.

Большое значение для формирования и развития эффективной кооперации имеет наличие научной и технологической *инфраструктур*, а также психологическая готовность потенциальных участников к взаимодействию и передаче знаний, достаточный уровень доверия между ними, что требует развития соответствующей *культуры* и уровня *образования*.

¹Марача В.Г. Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр, 1997. – С. 10–11;

Лизунов В.В. О роли нравственности и рефлексивного управления в социальном партнерстве и эффективном развитии // Экономические системы и социальные структуры: Материалы II межвузовского семинара (3–6 апреля 2009 г.). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. – С. 135–155;

Лизунов В.В. О проблеме социальной дисгармонии в современной России // Философские науки. – 2011. – Спецвыпуск 2. – С. 70–84.

Эффективно развивающиеся формы кооперации и социального партнерства, их общественные и экономические результаты, наличие научных, производственных и образовательных творческих коллективов, значительно влияют на формирование человека «знающего» и «понимающего», на уровень компетенций и качество жизни населения, что позволяет региону повышать не только свой технологический и экономический, но и образовательный и научный, а также общий культурный потенциалы, формировать эффективные программы социально-экономического развития, усиливая этим свои конкурентные преимущества.

Главной задачей органов регионального и муниципального управления в этих условиях является формирование *инновационной инфраструктуры* территорий и создание благоприятных условий для развития научного, инженерного и предпринимательского сообщества, устранении ограничений к развитию инноваций.

Такой подход в корне меняет *принципы* государственной и региональной промышленной политики, особенно в постсоветском пространстве, поскольку требуется полная перестройка аппарата государственного управления, изменение менталитета местных органов управления, другие аспекты контроля и анализа информации о состоянии дел в экономике – не по отраслям, а на уровне отдельных рынков и объединений предприятий и организаций¹.

Влияние процессов глобализации, конкуренции и корпоратизации

В настоящее время усиливаются объективные процессы глобализации, формируются планетарные информационные, финансовые, транспортные, научные, образовательные и другие мегасистемы. Происходит масштабная интеграция различных ресурсов:

¹Лизунов В.В., Метелев С.Е., Соловьев А.А. Кластеры и кластерные стратегии. Монография / Изд. 2-е исправл. и дополн. – Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012. – 280 с.;

Лизунов В.В. Кластерный подход к развитию региональной экономики: концепция, опыт, проблемы // Кластерный подход к развитию агропромышленного комплекса Омской области / под ред. В.В. Карпова, В.В. Алещенко. – Новосибирск: изд-во СО РАН, 2014. – 416 с.; с.31.

интеллектуальных, финансовых, трудовых, энергетических и сырьевых, производственных, технологических и т. п. Конкурентоспособность государств и их регионов теперь во многом определяется не только доступом к этим ресурсам, но и созданием новых эффективных институциональных форм взаимодействия и интеграции, крупных геоэкономических инфраструктурных и производственных программ и проектов, новой хозяйственно-технологической архитектуры регионов.

Во второй половине XX века в мире произошли существенные изменения в социально-экономической структуре и мирохозяйственных связях, которые привели к тому, что для развитых стран *государство* перестало быть основным субъектом стратегического развития, не меньшее значение приобрели крупные региональные и особенно транснациональные корпорации (ТНК). Если раньше корпорации не могли без участия государства стать транснациональными и учитывали его интересы, то теперь ТНК развивают экономику только там, где им выгодно, а государства при этом подвергаются дестабилизирующему или стимулирующему (и рисковому) воздействию со стороны крупных хозяйствующих субъектов. Поскольку, как правило, государство и регионы получает выход к мирохозяйственным ресурсам именно через эти ТНК, то для их привлечения создаются специальные экономические *зоны*, необходимая *инфраструктура* и *центры* предпринимательской деятельности, которые значительно преобразуют и развивают инициативные регионы, разрабатывающие и реализующие свои стратегические планы.

Навязанная нашей стране в результате радикальной реформы классическая либерально-рыночная доктрина развития, основанная на доминировании *конкуренции*, обеспечивала развитие стран-лидеров мировой экономики лишь до середины прошлого века. В развитых странах она сменилась *интеграционной* системой ценностей, ориентирующейся, в основном, не на состязательность и конкуренцию, а на кооперацию и интеграцию экономических систем всех уровней.

Классическая экономическая теория со времен А. Смита и Д. Рикардо считала эгоистический интерес единственной реальностью, на основе которой можно объяснить и предсказать поведение субъекта, а закон выживания сильнейшего – общим законом эволюции для природы и общества.

На самом деле не менее важным законом по сравнению с законом *конкуренции* как в природе, так и в обществе, является *закон кооперации*. «Чистый рынок» не может обеспечить устойчивое развитие, поскольку устойчивость системы обеспечивается *взаимозависимостью* элементов и *сбалансированностью* процессов (в первую очередь их цикличностью).

Доминирование конкуренции при достаточном времени развития неизбежно должно приводить к *монополизму*, так как должен выживать «наиболее приспособленный». Реально же выживает множество организмов (субъектов), в том числе и не вполне совершенных, поскольку в природных и нормальных общественных системах работает своеобразное «антимонопольное законодательство»¹.

Биологом Г.А. Заварзиным даже сформулирован тезис "анти-рынка" в природе: "Конкуренция не служит первостепенным фактором при заполнении ячейки в пространстве логических возможностей, образуящемся путем наложения внешних условий на потенциальные способности живых существ к соответствию этим внешним условиям. Эволюция представляется как серия последовательно сменяющихся *систем живых организмов*, взаимодействие между которыми обеспечивает устойчивость всей организации"².

Не существует *независимой эволюции* элементов природных (социальных) систем, а устойчивость их обеспечивается *разнообразием* взаимно дополняющих друг друга групп организмов (субъектов). Системы взаимодействия в сообществах образуют различные ниши, которые могут заполняться организмами (субъектами), способными на это. Внутри ниши в простейших случаях конкуренция может осуществляться по правилам рынка.

Развитие в биосфере осуществляется *сверху вниз*: ее эволюция как *целого* определяет спектр возможностей существования входящих в нее *экосистем*, внутри каждой из которых точно так же создаются логические возможности для входящих в нее *компонентов*. Пути же реализации этих возможностей могут быть

¹ Лизунов В.В. Проблемы рынка и необходимость нового мировоззрения. – Омск: «Курьер», 2000. – 20 с.

Лизунов В.В. О проблеме социальной дисгармонии в современной России // Философские науки. – 2011. – Спецвыпуск № 2. – С. –70–85.

² Заварзин Г.А. Анти-рынок в природе // Природа. – 1995. – № 3. – С. 46–60.

различными. Развитие кооперативного микробного сообщества на ранних стадиях эволюции Земли за счет взаимодействия с геохимической средой обеспечило устойчивость биосферы и привело к появлению системы разнородных растительных и животных организмов, в том числе через фотосинтез – к возможности использования внеземной энергии – энергии Солнца. Дальнейшее развитие и усложнение биосферы привело к появлению многоклеточных животных и человека, обладающего чрезвычайно сложным и высокоорганизованным мозгом, способным воспринимать и реализовывать не только биологические, но и социальные и духовные процессы.

Человек является целостным сложным природным и социокультурным феноменом и может быть лишь очень упрощенно представлен как «*Homo economicus*». Как участник рынка он стремится к максимальному увеличению своих прибылей, но как гражданин страны, житель города, член семьи и т.д. человек имеет другие *интересы и ценности*, и они не могут быть реализованы через решения, которые человек принимает как участник рынка. Мировым сообществом давно осознана необходимость коллективных решений и обозначен переход от базовой категории *экономика*, к более сложным категориям *экономическая жизнь, экономическая культура, экономическое сознание и поведение*.

Homo economicus эволюционирует в *Homo sapiens*, и экономическая наука все в большей степени учитывает человеческое поведение, психологические и когнитивные аспекты, особенности человеческого познания и эмоции. Появилась *институциональная экономика*, изучающая формальные и неформальные институты, трансакционные издержки, права собственности, контракты, проводится институциональный анализ организаций, регионов и государств, обсуждаются проблемы развития эффективных институтов.

Наряду с естественной *глобализацией* экономической жизни объективно необходимо усиление тенденций *социализации* и *гуманизации*, поскольку значительно возрастает роль *социокультурных* аспектов. Повышение значимости кооперационных процессов приводит к развитию не только материального, но и управленческого труда, не только технологических, но и информационных, психологических, нравственных мотивационных составляющих. Что требует не только внешнего *правового* регули-

рования, но и внутреннего – *ценностного*. В связи с этим возрастает роль *общественного сознания*, формирования современного мировоззрения и «*гражданского общества*».

В условиях глобализации противоречивые ценности, интересы и цели, сложная динамика развития разных стран и регионов, различных слоев общества, создают чрезвычайные трудности для их регулирования и обеспечения оптимального системного сотрудничества. Планы переустройства общества всегда должны реально учитывать сложность социальных систем. При этом осознание глобальных проблем, формирование адекватного мировоззрения, развитие сети институтов и использование эффективных *методов* взаимодействия может успешно *координировать* поведение людей, социальных групп и государств, побуждая их *сотрудничать* друг с другом в формировании и достижении своих целей, преодолевать негативные и разрушительные проявления *монополизма* и *группового эгоизма*¹.

Однако, в последние десятилетия интеграционные процессы с участием ведущих фирм и предприятий США, Великобритании, Японии, Франции и т.д., реализующих вертикальную и горизонтальную интеграцию производства, привели к беспрецедентному росту концентрации капитала и прибыли, быстрому росту и усилению монопольной власти транснациональных корпораций (ТНК). Их доля в экспорте, накоплениях капитала, НИР и ОКР, инновациях стала абсолютно доминировать.

В настоящее время в ведущих странах безраздельно господствует именно экономика *вертикальной интеграции*, в противоположность навязанным извне странам постсоветского пространства *принципам реформирования*, в которых была провозглашена экономика *частнокапиталистической стихии, дезинтеграции и децентрализации*. В отличие от навязываемых периферийным странам представлений о конкуренции, малом и среднем бизнесе как «*локомотивах*» инноваций, лидеры мировой экономики сде-

¹Лизунов В.В. Проблемы рынка и необходимость нового мировоззрения. – Омск, «Курьер», 2000. – 20 с.;

Thaler R. From Homo economicus to Homo sapiens // Journal of Economic Perspectives. – Winter 2000. – Vol. 14. – № 1. – P. 133–141. (перевод: //Логос. – № 1 (97). – 2014. URL – http://logosjournal.ru/arch/73/97_8.pdf);

Одинцова М.И. Институциональная экономика: учебник для академического бакалавриата. – 4-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 459 с.;

Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Catallaxy, 1997. – 704 с.

ляли ставку именно на крупные и сверхкрупные компании, мощные экономические кластеры, в то время как роль малых и средних предприятий снижается. Они играют, в основном, региональную, локальную, социальную и вспомогательную роль и занимают оставшиеся «экономические ниши».

Очевидно, что *неолиберальная* идеология, основанная на уходе государства из экономики, совершенно не соответствует характеру развития мировой экономики и особенностям современных рыночных отношений, особенно в период нарастания кризисных явлений, что приводит к резкому социальному расслоению, значительному дисбалансу и противоречиям, деградации, нарушению условий не только безопасности, но и основ жизнедеятельности, ряду других негативных явлений в развитии стран и регионов¹.

Проблемы и перспективы корпоратизации экономики

При формировании и развитии *корпоративных структур* происходят трансформационные процессы в региональной институциональной среде, приводящие к изменению как систем и методов управления, так и технико-технологических основ промышленного производства, которые могут порождать проблемы неустойчивости и снижения качества социально-экономических систем.

Цели и деятельность *корпоративных структур* не должна противоречить региональным и государственным социальным и экономическим интересам, а новая *институциональная среда* должна создавать *предпосылки* и *стимулы* для развития форм организации производства, обладающих *гибкостью* и способностью к *самоорганизации*.

Корпоратизация приводит к формированию корпоративного сектора в структуре региональной и национальной экономики, который, участвуя в процессе модернизации экономики регионов, естественно стремится расширить зоны своего влияния

¹Примаков Е.М. Доклад на заседании "Меркурий-клуба" 13.01.2015 // URL – <http://www.tpp-inform.ru/audio/311.html>; URL – <http://universe-tss.su/main/politika/1281-evgeniy-primakov-neoliberalnaya-politika-redit-rossii.html>

и эффективной реализации собственных интересов. Поэтому требуются *механизмы*, необходимые для регулирования деятельности корпоративных структур и преодоления *корпоративного эгоизма*.

Могут также появиться дополнительные проблемы, связанные с обеспечением устойчивого функционирования регионального производственного комплекса, поскольку эффективные корпорации могут привести к рискам *дисбалансов* в социально-экономической полисистеме. К числу основных факторов *риска* относят следующие факторы:

1). Корпорации для решения стратегических задач развития требует привлечения дополнительных источников инвестиционных ресурсов, что создает условия для недружественного поглощения. Следствием этого может стать ухудшение рыночной конъюнктуры и монополизация рынка, снижение *экономической безопасности*.

2). Расширение сферы интересов корпорации, как правило, сопровождается структурной трансформацией бизнес-системы, масштабным привлечением внешних источников финансирования, что объективно усложняет организацию бизнес-процессов и коммуникации с внешней средой, приводит к накоплению корпоративных долгов и, как следствие, к снижению *финансовой безопасности*.

3). Процесс развития корпорации часто противоречит интересам персонала, владельцев, менеджеров, населения региона и даже уставным целям корпорации. Это может привести к организационным и социальным конфликтам, вызвать рост коррупционных процессов и снизить *социальную безопасность*¹.

Это значит, что корпорации могут использовать заведомо *выгодные для себя* условия модернизации, но при этом увели-

¹Коврыжко В.В. Экономическая модернизация трансформирующихся экономик // Вопросы регулирования экономики. – 2010. – № 1.;

Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. – 2011. – № 2.;

Сенько А.Н. Корпоратизация как фактор модернизации и развития национальной экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10. – С. 27–38.;

Сенько А.Н. Система обеспечения экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь: методология формирования и механизм реализации. – Минск: Акад. упр., 2008.

чивать *затраты общества* на ее проведение. Вследствие чего могут возникать конфликты экономических интересов, дисбалансы в структуре хозяйства региона, нарушения динамики в деятельности социально-экономической полисистемы и другие проблемы.

Теоретически в современных исследованиях *корпоратизация* трактуется как *институционализация* различных интересов общества (социальных слоев и социальных групп) и как *экономическое явление* связана с процессами разгосударствления и приватизации. Она отражает преобразование различных форм собственности с помощью механизмов акционирования и является предпосылкой концентрации производства, при которой формируются новые *формы* организации деятельности, позволяющие выстраивать иерархическую систему контроля над материальными и финансовыми потоками в рамках единой структуры, что позволяет создавать благоприятные условия для обеспечения собственной экономической безопасности.

Различные аспекты становления и развития корпоративных структур в региональном и национальном производстве исследованы во множестве работ, посвященных крупным корпорациям, экономическим кластерам, аутсорсингу, преимуществам крупных сетевых образований. При этом исследуются организационные формы вертикально интегрированных корпоративных структур, определяются методы включения в их внутреннюю среду механизмов управления развитием.

Формирование *интегрированных структур* в социально-экономической полисистеме обычно связывается со способом организации отношений в корпоративной коммуникационной системе, основанном на балансировке *межсубъектных взаимодействий*. За счет этого формируются предпосылки получения корпорациями конкурентных преимуществ без ущемления экономических интересов других участников институциональной среды:

- согласование целей и интересов основных субъектов внутренней среды корпорации (собственников капитала, менеджмента, персонала);
- выстраивание устойчивых отношений между элементами корпоративной структуры, обеспечивающих ее управляемость и адаптивность к внешним условиям хозяйствования;

– удовлетворение потребности в воспроизводстве капитала корпорации при минимальных транзакционных издержках¹.

Модернизация на основе корпоратизации экономики имеет два направления: *горизонтальная и вертикальная интеграция* хозяйствующих субъектов. *Горизонтальная интеграция* имеет место при соединении на экономической платформе предприятия-интегратора мощностей предприятий, связанных с ним по отраслевому признаку и участию в выпуске общего продукта. Она часто проводится за счет поглощения родственных предприятий и создает проблемы монополизации. В зависимости от объединяющего принципа: доступа к источникам сырья либо приближения к конечному потребителю, горизонтальная интеграция подразделяется на «*обратную*» и «*опережающую*» интеграцию.

Вертикальная интеграция отражает процесс объединения участников, находящихся на различных уровнях производственного цикла и характеризуется *сопряженностью* производственных мощностей включаемых в нее субъектов. Она уменьшает транзакции, обладает синергетическим эффектом и дает возможность создавать конкурентные преимущества, мультиплицировать положительный эффект при модернизации экономики.

В кризисной ситуации корпоративные структуры, благодаря значительным потенциалам и способности к территориальной и отраслевой диверсификации деятельности, а также преимуществам сетевой организации, ослабляют отрицательный эффект рецессии в национальной и региональной экономике.

Ряд исследований показывает, что наиболее отчетливо стабилизационная функция корпоративных структур проявляется в чувствительных к условиям рецессии отраслях промышленности:

– выпускающих средства производства (особенно производственное оборудование, транспортные средства и сложную тех-

¹ Лизунов В.В. О роли нравственности и рефлексивного управления в социальном партнерстве и эффективном развитии // Экономические системы и социальные структуры: Материалы II межвузовского семинара (3–6 апреля 2009 г.). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. – С. 135–155;

Сенько А.Н. Корпоратизация как фактор модернизации и развития национальной экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10, с. 29;

Сенько А.Н. Формирование системы обеспечения экономической безопасности промышленного комплекса Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2005.

ническую продукцию), так как инвестиционные возможности в кризисной ситуации резко уменьшаются;

– выпускающих предметы потребления длительного пользования, поскольку под воздействием инфляции меняется структура потребления и формируется «отложенный спрос»;

– строительная промышленность, так как при сокращении производства уменьшается спрос на строительство зданий производственного назначения.

Поэтому при модернизации экономики эффективное государственное *регулирование* при создании корпоративных структур в этих отраслях способно обеспечить значительный эффект, повышающий устойчивость функционирования регионального и национального производства. Опыт постсоветских стран последних лет убедительно показывает необходимость *усиления роли государства* как *института* системной интеграции экономики и общества.

Корпоратизация и повышение конкурентоспособности производства при обеспечении *адекватных форм государственного регулирования* приводят к усилению положительных характеристик модернизации экономики.

При этом элементами эффективной промышленной политики являются:

- инновационные технологии в управлении;
- проектно ориентированная деятельность;
- ориентация на всеобщее качество;
- инновационный менеджмент;
- сетевая организация бизнеса;
- информатизация производства и управления бизнес-процессами;
- инвестиционное сотрудничество.

Корпорации вносят значительный вклад в модернизацию экономики региона:

– формируют спрос на процессные инновации и стимулируют развитие рынка инновационных продуктов;

– ускоряют принятие и реализацию инвестиционных программ, увязывающих комплекс стратегических решений корпоративного развития с условиями внешней экономической среды;

– стимулируют применение современных технологий и стандартов в производстве продукции, включая сертификацию продукции и системы качества; создают внутрикорпоративную среду, восприимчивую к инновациям;

- формируют альянсы в бизнес-среде;
- координируют управление внутри цепочек поставок и товаропроводящих сетях;
- решают задачи автоматизации управления путем внедрения интегрированных корпоративных информационных технологий;
- обеспечивают участие в масштабных инвестиционных программах, в том числе – международных.

Модернизация экономики за счет корпоратизации приводит к следующим результатам:

- создание систем управления инновационного типа;
- обеспечение устойчивости корпоративного бизнеса в долгосрочном периоде;
- повышение качества продукции, работ и услуг;
- снижение затратности экономики;
- повышение эффективности инновационных решений;
- повышение качества работы в сфере управления, экономия управленческих затрат;
- ускорение процессов формирования инновационной экономики;
- расширение масштабов инвестирования и сотрудничества¹.

В мировой практике выделяется *специфическая* группа корпоративных структур, которые называются «*бесприбыльными корпорациями*». Их особенность в том, что получение прибыли не определено основной целью их деятельности, а их роль в процессе модернизации состоит в организационно-управленческом обеспечении и сопровождении крупных прикладных научно-практических работ, государственных, межрегиональных и региональных программ. Они могут быть востребованы органами управления для создания *нематериальных*

¹ Байнев В.Ф. Неоиндустриализация – прорывной интеграционный проект Союзного государства России и Беларуси. URL – <http://ruskline.ru/analitika/2010/06/29/>;

Карпов В.В., Лизунов В.В. О динамике социально-экономических полисистем и инновационной инфраструктуре // Мат-лы 5-й Междунар. научно-технич. конф-ции «Динамика систем, механизмов и машин», 16–18 ноября 2004 г., книга 4: Динамика социальных систем. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2004, с. 23;

Сенько А.Н. Корпоратизация как фактор модернизации и развития национальной экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10. – С. 27–38. – с. 30–31.

стимулов участия в многоотраслевых интегрированных комплексах, обладающих признаками корпоративных структур в приоритетных направлениях социально-экономического развития страны и региона.

Специализированные бесприбыльные корпорации осуществляют, например, управление государственными программами межрегионального и регионального развития, в которых занято большое число исполнителей и участников. Их преимущество в том, что они могут занимать независимую от государственных и частных исполнителей позицию и выполнять функции проектирования и управления, опираясь на объективные данные.

Эффективной формой инновационного развития является создание *творческого субъекта* нового типа, который представляет собой сплоченные группы людей из управленцев, ученых, инженеров и бизнесменов, которые формируют перспективные *социотехноструктуры* на эффективных и прорывных направлениях экономики. Эта стратегия, например, стала государственной политикой США, которые используют самые разнообразные ресурсы и методы для эффективного достижения целей, которые эти субъекты вырабатывают и реализуют. Такой исследовательской корпорацией (*«фабрикой мысли»*) может быть *бесприбыльная корпорация*, способная внести прямой вклад в формирование инновационного компонента при проведении модернизации экономики, осуществляющей крупные прикладные разработки, заказчиком которых выступают правительство и государственные ведомства.

Отрицательные эффекты корпоратизации, как правило, появляются при отсутствии целенаправленного государственного контроля над процессами концентрации и интеграции в сфере производства. При технологической модернизации, проводимой в рамках стратегий *«догоняющего развития»* и *«преодоления технологической отсталости»*, подобные ситуации трактуются специалистами как неизбежные. Существует так называемое *«ложное развитие»*, которое связано с политикой достижения высоких темпов экономического роста за счет добычи и экспорта сырьевых ресурсов и сопровождается *ухудшением* экологии и природной среды. *«Ложное развитие»* складывалось в конце 1990-х годов в странах с переходной (транзитивной) экономикой при параллельном проведении крупномасштабной приватизации, вызывающей изменения в структуре собственности.

Решение указанных проблем возможно на основе механизма, обеспечивающего *сочетание* корпоратизации и модернизации, которое предполагает разработку методологических подходов к управлению процессами корпоратизации с учетом баланса экономических интересов и рационального использования *всех общественных ресурсов*.

Одновременная деятельность множества хозяйствующих субъектов в едином экономическом пространстве при *ограниченности* ресурсов и предмета удовлетворения интересов образует (наиболее сложный для выявления и оценки опасности) фактор воспроизводимости субъективных угроз *экономической безопасности*. Управление крайне осложняется вследствие изменчивости характера и мотивов *межсубъектных* экономических интересов, несмотря на то, что современная хозяйственная деятельность основана на *контрактных* отношениях и *коалиционных* принципах, которые помогают обнаруживать такие взаимосвязи интересов.

При использовании *жестких* административных ограничений уменьшается возможность выбора легитимных способов реализации интересов, что усиливает их *противостояние*. Скрытое конфликтное противостояние возникает также в случае, если устанавливается диктат и контроль со стороны *доминирующих* факторов. При этом возникают ситуации *монополии* или *монопсонии*, при которых доминируют интересы либо товаропроизводителей, либо потребителей.

Кроме того, во *внешней среде* функционирования промышленного комплекса формируются интересы *транснациональных структур*. Их появление традиционно объясняется усилением международного разделения труда и интернационализацией производства. Как говорилось выше, в сфере мирового производства в наибольшей степени представлены экономические интересы транснациональных корпораций (ТНК), многонациональных корпораций и транснациональных финансово-промышленных групп. По сделанным оценкам в настоящее время ТНК контролируют от 1/3 до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, 4/5 мирового банка патентов и лицензий на новую технику, технологии и ноу-хау. Около 40% международных потоков товаров и услуг носят внутрикорпоративный характер. Накопленные инвестиции составляют около 4,8 трлн долл. США, глобальные активы – не менее 17,7 трлн долл. Очевидно, что про-

тивостоять подобной экономической мощи даже для регионального объединения стран весьма сложно.

При оценке зарубежного опыта выявлена серьезная проблема согласования экономических интересов хозяйствующих субъектов при использовании иностранного капитала для развития региональных и национальных промышленных комплексов. Например, в странах Центральной и Восточной Европы иностранные корпорации осуществляют контроль над целыми отраслями промышленности. Так, в Польше предприятиями с иностранными инвестициями производится более 50% ЭВМ, более 60% резинопластмассовых изделий, печатно-издательской продукции и электрооборудования. Доля производства пищевых продуктов в Польше, контролируемого иностранным сектором, определяется в пределах от 30 до 45%¹.

Крупные транснациональные структуры в среде национального производства появляются за счет быстрого развития системы международных отношений, объективно сложившихся предпосылок развития производства, что способствует возникновению новых корпоративных форм хозяйствования и организации производственной деятельности по *сетевому принципу*. Поскольку они являются носителями собственных экономических интересов, они объективно ориентированы на территориальную и межотраслевую экспансию хозяйственной деятельности.

Экспансия иностранного присутствия в национальном производстве не только усложняет его структуру, но и оказывает негативное влияние на результативность реализации *собственной* промышленной политики. Происходит подмена *национальных* экономических целей и интересов – *корпоративными* целями и интересами, что дезориентирует систему обеспечения экономической безопасности промышленного комплекса. Может также усилиться *политическое давление* в пользу либерализации инвестиционного режима для иностранных инвесторов и вложения инвестиций в наиболее прибыльные для региона и страны отрасли

¹Белых В.С. Модернизация экономики: понятие, цели и средства. URL – http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat = 798;

Голиченко О. Модернизация и реформирование инновационной стратегии России: проблемы и решения // Вопросы экономики. – 2010. – № 8;

Сенько А.Н. Корпоратизация как фактор модернизации и развития национальной экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10, с. 32.

промышленности. В результате появляется угроза *деиндустриализации* и потери экономической независимости региона¹.

Поскольку корпоративные структуры ориентируются только на собственные корпоративные интересы, игнорируя общественные потребности (особенно в периоды трансформации экономики и развития кризисных явлений), то требуются эффективные *методологические подходы* и разработка инструментов, обеспечивающих управление корпоратизацией и модернизацией, которые должны быть адаптивны как к ситуации рецессии, так и к ситуации экономического подъема.

В основе современных методов, позволяющих оценивать фактор корпоратизации и эффективность его использования в интересах прогрессивного экономического развития регионов, лежат следующие концептуальные положения:

– *технологические достижения* и структурные сдвиги национального и регионального производства под воздействием перехода к технологическим укладам более высокого уровня;

– развитие *производственных кластеров*, в том числе – в качестве организационной предпосылки для последующего формирования вертикально и горизонтально интегрированных структур (квазикорпораций);

– использование принципов *управления проектами* в механизмах взаимодействия корпоративных структур с внешней средой, придающих необходимую структурированность связям и обеспечивающих управляемость процессов модернизации².

Корпорация для организации своей деятельности в качестве инструмента управления может использовать *сетевые структуры*. Но в то же время сеть может существовать и как самостоятельный экономический объект, включающий группу автономных предприятий, которые функционируют скоординировано. Причем в сетевой структуре допускается определенная свобода прини-

¹Полухин П.Ю. Оценка эффективности корпоративной интеграции в промышленно-производственной сфере. Дисс. ... канд.экон. наук. – Москва, 2007;

Гераськин М.И. Согласование экономических интересов в корпорациях. URL – www.mathnet.ru/php/archive.phtml?show=paper&jmid=ubs&paperid=225&option_lang=eng.

²Романова О.А. Условия и факторы структурной модернизации региональной промышленной системы // Экономика региона. – 2011. – № 2;

Полухин П.Ю. Оценка эффективности корпоративной интеграции в промышленно-производственной сфере. Дисс. ... канд.экон. наук. – Москва, 2007.

маемых управленческих решений каждым из участников, несмотря на то, что они территориально близки.

Это создает объективную основу для поддержки процесса корпоратизации, который при условии управляемой концентрации производства и наличии конкурентной среды в экономике обеспечивает получение, накопление и распространение *синергетического эффекта* в экономике.

Например, в Японии при проведении модернизации национального производства приоритетная государственная поддержка направляется в отрасли, которые способны не только обеспечить экономический рост, но и *минимизировать* использование общественных ресурсов. При этом допускается, что уровень производительности труда в этих отраслях в кратко- и среднесрочном периоде ниже среднего. То есть достижения этих отраслей определяются по *интегральному* количественному критерию – степени их роста, но при этом игнорируется *частный* критерий эффективности – производительность труда¹.

Зависимость результатов модернизации от деятельности участвующих в ней корпоративных структур определяется путем определения *мультипликативного* эффекта, при этом рассматриваются существенные характеристики модернизации с выделением вклада корпоративного сектора в ее реализацию.

Поскольку *модернизация* замещает устаревшие производства новыми технологическими укладами, меняются формы взаимодействия экономических субъектов. При этом межсубъектные взаимодействия организуются в рамках территориальных социально-экономических комплексов, которые формируют благоприятное экономическое пространство, стимулируют приток капитала в высокотехнологичные производства.

Благодаря корпоратизации появляются новые институциональные формы, обеспечивающие организационно-финансовую основу неоиндустриализации и распространение передовых технологий. Механизм управления модернизацией должен быть основан на *балансе* национальных, региональных и корпоративных интересов и стимулировать реализацию инновационных проек-

¹ Полухин П.Ю. Оценка эффективности корпоративной интеграции в промышленно-производственной сфере. Дисс. ... канд.экон. наук. – Москва, 2007.

Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3–27.

тов. Он должен проявляться также и в стратегическом партнерстве государств, участвующих в региональных объединениях и экономических альянсах. Инструментом при этом являются согласование стратегий, единая экономическая политика, совместные инновационные проекты и программы, в том числе – на основе государственно-частного партнерства (ГЧП). В них фактор корпоратизации определяется в качестве основного элемента, обеспечивающего ожидаемую результативность модернизации экономики и обеспечения экономической безопасности производства.

В настоящее время в *России* эта стратегия реализуется в промышленной политике по созданию мощной государственной инфраструктуры, поддерживающей разработку инновационных продуктов и высоких технологий; в *Беларуси* – в принципах выбора приоритетных объектов для модернизации крупных производственных структур, созданных в форме акционерных обществ и являющихся системообразующими для экспортоориентированных отраслей; в *Казахстане* – в формировании национальной программы реиндустриализации «30 корпоративных лидеров Казахстана», в соответствии с которой корпоративному сектору отведена роль *технологической платформы* для ускоренного экономического роста, диверсификации национального производства и экспансии на внешние рынки¹.

При восстановлении промышленности в послевоенный период Германия, Япония и Франция также широко использовали преимущества корпоративной формы организации производства, которые позволили создать благоприятные условия для притока капитала в реальный сектор экономики. В результате были созданы конкурентоспособные на мировом рынке *корпоративные структуры*, а также сформированы *кластеры* наукоемких и экспортно ориентированных отраслей при сохранении и рациональном использовании имеющихся в стране ресурсов.

Очевидно, что корпоратизация положительно влияет на процессы модернизации экономики при условии обеспечения сбалансированности частных экономических интересов за счет *оцен-*

¹ Голиченко О.Г. Модернизация и реформирование инновационной стратегии России: проблемы и решения // Вопросы экономики. – 2010. – № 8;

Сенько А.Н. Корпоративные интересы и проблемы экономической безопасности национального производства. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/37586>.

ки выигрыша или ущерба от реализации интересов в каждом конкретном случае и *согласования* интересов при их пересечении. Согласование интересов обеспечивается за счет достижения их *баланса* при условиях отсутствия «теневых» схем, стабильности межсубъектных коммуникаций, наличия элементов общей организационной структуры¹.

Неоиндустриализация как прорывной интеграционный проект

В настоящее время в научных исследованиях и на практике получают широкое распространение новые способы и факторы, повышающие управляемость и эффективность процессов интеграции и инновационного развития. Наряду с понятиями «*постиндустриального*» развития вводятся новые экономические категории, связанные с целевыми ориентирами и институтами, обеспечивающими эффективные и масштабные изменения в национальном производстве: «*неоиндустриальная модернизация*», «*вторая фаза индустриализации*», «*реиндустриализация*», «*инновационно-индустриальная модернизация*», «*технологическая модернизация*» и др.².

¹ Лизунов В.В. О роли нравственности и рефлексивного управления в социальном партнерстве и эффективном развитии // Экономические системы и социальные структуры: Материалы II межвузовского семинара (3–6 апреля 2009 г.). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2009. – С. 135–155; с. 148;

Лизунов В.В. От производственных кластеров к социально-экономическим системам // Динамика систем, механизмов и машин. Мат-лы IX Международной IEEE научно-технической конференции (11–14 ноября 2014 г.). – 2014. – № 5, с. 119.

URL – http://elibrary.ru/title_about.asp?id=50500;

Сенько А. Корпоратизация как фактор модернизации и развития национальной экономики // Проблемы теории и практика управления. – 2013. – № 10, с. 38.

² *Абалкин А.* Стратегия России: взгляд в завтрашний день (методологические размышления) // Экономист. – 2003. – № 7.;

Байнев В.Ф. Неоиндустриализация – прорывной интеграционный проект Союзного государства России и Беларуси. URL – <http://ruskline.ru/analitika/2010/06/29>;

Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3–27; с. 20.

Уровень технологического развития страны и региона полностью определяется уровнем развития *промышленного комплекса*. Именно в промышленности максимальна концентрация высокотехнологичных и наукоемких производств, обеспечивающих эффективным оборудованием и средствами труда все отрасли и сферы жизнедеятельности. О том, что *локомотивом* инновационного развития территориальных социально-экономических систем является промышленный комплекс – *индустрия*, говорит опыт технологически развитых стран, которые сегодня вступили во *вторую фазу индустриализации*, которую и называют *неоиндустриализацией*.

Постсоветским странам навязывалась концепция *постиндустриализма*, в которой доминирует экономика услуг (приводящая к деиндустриализации), в то время как производство новых *средств производства*, например, в совокупном общественном продукте США, Германии и Японии составляет более 50–60%. То есть западные страны строят, наряду с *информационным, сверхиндустриальное* общество, экономика которого основана на масштабном внедрении элементов VI технологического уклада, обеспечивающего эффективное развитие в наступившем *техно-троне XXI* веке.

Неоиндустриализация для нашей страны рядом авторов определяется как *вторая фаза* индустриализации, первый этап которой мы прошли в 1925–1940 гг., обеспечив успешный прорыв в индустриальный XX век, в результате которого аграрная Россия к середине прошлого века превратилась в мощную индустриальную державу, которая в годы Великой Отечественной войны доказала свое экономическое превосходство над хозяйственными системами Германии и поработанных ею европейских стран.

В результате дальнейшего развития этого индустриального прорыва, наша страна первой запустила в космос спутник, человека, луноход и космическую станцию, спустила на воду атомный ледокол, ввела в строй атомную электростанцию, построила мощный синхрофазотрон. Соперничая с США по ряду направлений науки и техники, мы были на самом острие научно-технического прогресса до тех пор, пока не начались радикальные рыночные, частнокапиталистические, дезинтегрирующие, разобщающие нас реформы.

По аналогии с формулой первой фазы индустриализации:

$$\begin{aligned} & \text{Индустриализация} = \\ & \text{Электрификация} + \\ & \text{Механизация народного хозяйства} \end{aligned}$$

содержание формулы второй фазы – неоиндустриализации можно представить следующим образом:

$$\begin{aligned} & \text{Неоиндустриализация} = \\ & \text{Вертикальная интеграция производства} + \\ & \text{Автоматизация народного хозяйства}^1. \end{aligned}$$

Лидеры мировой экономики уже вступили в фазу *неоиндустриализации*. Рост концентрации капитала и прибыли под контролем западных ТНК, реализующих *полный цикл* переработки сырья в готовую продукцию, говорит о высокой степени *вертикальной интеграции* производства в экономиках развитых стран. Компьютеризация рабочих мест обеспечивает возможность не только *моделирования*, но и сквозной *автоматизации* производственных процессов вплоть до передачи программно-аппаратным комплексам значительной части управленческих, регулирующих и контрольных функций.

Для России и стран – партнеров необходимы разработка и реализация скоординированной межгосударственной промышленной политики именно на основе *неоиндустриализации*, целью которой является повышение глобальной *конкурентоспособности* и выход в число лидеров научно-технического прогресса и сбалансированного развития социально-экономических полисистем и регионов планеты.

На Круглом столе 24 июня 2010 г., проведенном на базе Санкт-Петербургского центра Российского института стратегических исследований (РИСИ) и посвященном отношениям России и Белоруссии, рассматривалась концепция *неоиндустриализации* как прорывной интеграционный проект Союзного государства России и Белоруссии.

¹ Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3–27;

Губанов С.С. Путь развития России: назревшее уточнение // Экономист. – 2010. – №4. – С. 3–7.

При этом условиями эффективного осуществления неоиндустриализации были определены:

1) Переход к духовно-нравственному измерению экономики, при котором важнейшими экономическими категориями являются укрепление семьи, решение демографических и миграционных проблем.

2) Эффективная вертикальная интеграция всех промышленных процессов, которая практически отсутствует в современной экономике России, что приводит к тому, что на каждом этапе промышленного производства появляются всевозможные *посредники*, в результате чего возрастает конечная цена продукции.

3) Решительный отказ от *псевдорыночной* доктрины развития, возврат к *трудовой парадигме*, отказ от преобладания торговли в экономике.

4) Повышение производительности труда.

5) Восстановление оптимальных параметров кредитно-денежной системы¹.

На Стратегической экспертной площадке, проведенной Правительством Омской области 17 марта 2014 г., и Московском международном экономическом форуме (МЭФ) 26 марта 2014 г., посвященном тематике несырьевого будущего России, рассматривался разработанный группой омских специалистов совместно с Институтом демографии, миграции и регионального развития (ИДМРР, Москва) *Евразийский мегaproект «73-й меридиан»*, связанный с освоением Арктики и строительством нового арктического многопрофильного порта Сабетта на полуострове Ямал, а также – с необходимостью создания меридианальной структуры транспортного каркаса Сибири. Этот проект заключается в создании мультимодального транспортного коридора, связывающего Северный Ледовитый и Индийский океаны (а также восток и запад нашей страны), и образовании *«зоны новой индустриализации»*, охватывающей четыре российских региона, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Китай, Пакистан, Афганистан и Индию.

¹ Круглый стол «Отмирание или болезнь роста?» 24 июня 2010 г. Российский институт стратегических исследований (РИСИ). URL – http://ruskline.ru/news_rl/2010/06/25/otmiranie_ili_bolezn_rosta/.

Город Омск в этих проектах должен превратиться в мощный транспортно-логистический узел и машиностроительный центр на базе крупных предприятий бывшего оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и сети малых и средних инновационных предприятий, обеспечивающий эффективное развитие евразийской мультимодальной транспортной системы.

В докладе о проекте «73-й меридиан» председателя Наблюдательного совета ИДМРР, председателя Движения развития Ю.В. Крупнова на Московском международном экономическом форуме 26 марта 2014 г. были изложены системные представления о зоне новой – *третичной* – индустриализации в Сибири, связанные с развитием зон *первичной* и *вторичной* индустриализации, создаваемых в Арктике, Центральной и Южной Азии. Схема Ю.В. Крупнова, иллюстрирующая этот проект, представлена на рис. 2.1¹.

¹Крупнов Ю.В. Омский консенсус – на смену Вашингтонскому и Пекинскому, или как запустить новую индустриализацию в России? Доклад на Московском международном экономическом форуме 26 марта 2014 г. URL – <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/news/0223/>

URL – <http://kroupnov.ru/news>;

Крупнов Ю.В. Омск должен стать драйвером новой индустриализации. // URL – <http://www.proektnoegosudarstvo.ru/news/0211;>

Лизунов В.В., Метелев С.Е. Роль инфраструктуры в социально-экономическом развитии региона // Закон и право. – 2008. – № 4. – С. 10–14.;

Маликов А. Москвичи предложили создать New-Omsk вокруг недостроенного аэропорта "Фёдоровка" (18 марта 2014), URL – <http://omskzdes.ru/economics/23561.html> ;

Соколов В.Г., Горбунов П.И., Лизунов В.В. Масштабное строительство транспортной инновационной инфраструктуры как механизм реализации стратегии развития Сибири // Наука и образование в диалоге российской и корейской культур: Мат-лы региональной научно-практич. конф-ции (Омск, 1–2 ноября 2011) / Отв ред. Сон Л.А. – Омск: КАН, 2011. – 204 с., с. 192–200.

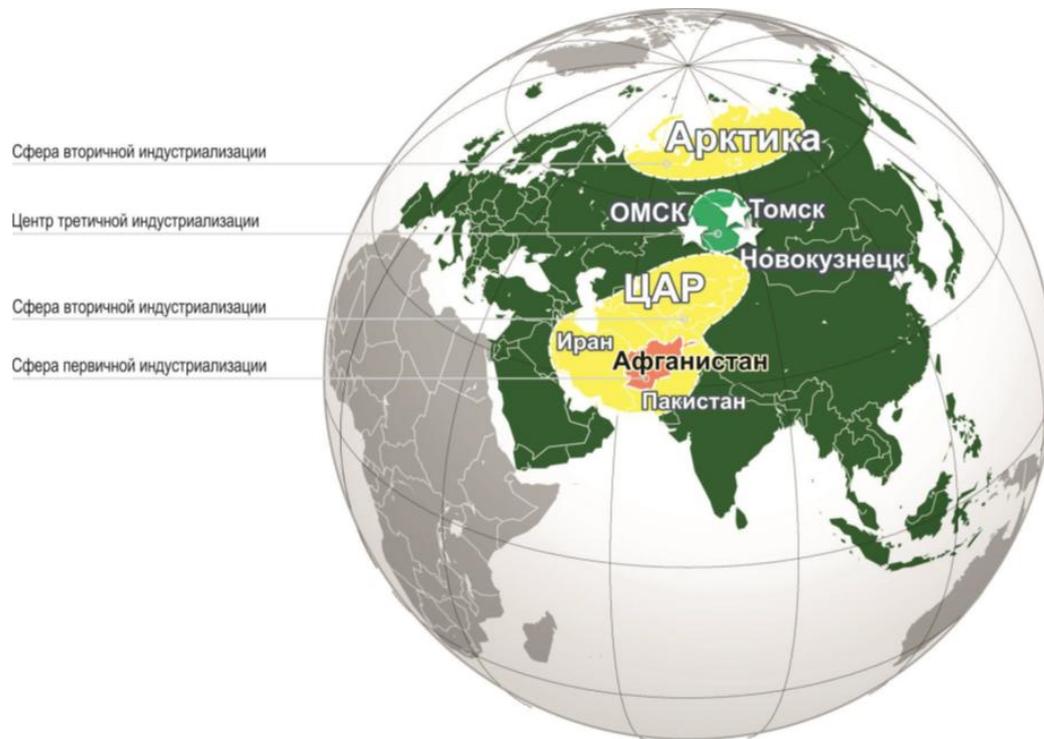

Рис. 2.1 Зоны третичной, вторичной и первичной индустриализации в Евразийском мегапроекте «73-й меридиан»

Выводы по разделу 2.1

Рассмотрены особенности современных социально-экономических систем, выводящие их за пределы классического системного анализа, эффективность использования для их описания полисистемного подхода (В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий, С.В. Попов), методологии междисциплинарных исследований сложных динамических систем (Дж. Форрестер), обеспечивающих возможность моделирования, исследования и развития урбанизированных территорий различного уровня, вплоть до глобального, с учётом *взаимозависимости* регионов и *цикличности* развития мировой системы как целого (Н.Д. Кондратьев, Й.А. Шумпетер, И. Валлерстайн).

Показана ключевая проблема *противоречивости* и даже *несовместимости* ряда социально-экономических процессов при их *взаимоопределенности* и *дополнительности*, необходимость осознания не абсурдности, а «полифоничности» развития человечества и реального единства мира, что приводит к установлению новых смыслов и тенденций в глобальных и региональных процессах. Отмечено, что именно *полисистемный подход* и целевая инфраструктура могут обеспечить *сосуществование и синтез* различных культур, эффективное взаимодействие различных *субъектов инновационных процессов* в социуме.

Проведен анализ проблем России как сырьевого агента мирового рынка и её перехода на высокотехнологичный, наукоемкий путь развития с использованием материалов «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года», согласно которым инновационный социально-ориентированный путь развития предполагает многополярное развитие территории страны и формирование новых региональных и межрегиональных *зон опережающего развития*, целевой инфраструктуры, мультимодальных транспортных центров, меняется соотношение основных макрорегионов России и *пространственное размещение производительных сил*.

Однако предложенные в концепции *сценарии* не содержат конструктивных предложений по инновационному развитию регионов, задачи для действующих акторов смешаны, не рассмотрено диалектическое единство территориальной и производственной систем. В этом плане более содержательными являются идеи и предложения, заложенные в «Прогнозе научно-

технологического развития Российской Федерации до 2025 года» и «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года», предусматривающие создание инновационных агломераций *по типу кластеров*. Показано, что при формировании инновационно-технологической политики на региональном уровне в России все большую роль играет технология *форсайта*. Выделены основные критерии приоритетов, показатели и составляющие научно-технологического развития региона, отмечена особая роль разработки механизмов выявления и привлечения ресурсов, а также *стратегий пространственного развития* и создания социально-производственно-экологических зон.

Рассмотрена методология многомерных исследований территории с использованием таких понятий, как «*хозяйственная емкость*», «*рекреационная емкость*» и «*экологическая емкость*» ландшафта, а также «*культурного ландшафта*» территории, структура которых формируется в виде определенной системы социальных, экономических и коммуникативных феноменов. Такой подход в корне меняет *принципы* государственной и региональной промышленной политики, поскольку требует значительной перестройки аппарата государственного управления, изменения менталитета местных органов управления и профессиональной общественности.

Проведен подробный анализ влияния на социально-экономические системы объективных процессов глобализации, конкуренции и корпоратизации. Отмечено, что *неолиберальная идеология*, основная на уходе государства из экономики, совершенно не соответствует характеру развития мировой экономики и особенностям современных рыночных отношений, особенно в период нарастания кризисных явлений, что приводит к резкому социальному расслоению, значительному дисбалансу и противоречиям, деградации, нарушению условий не только безопасности, но и основ жизнедеятельности, ряду других негативных явлений в развитии стран и регионов.

Рассмотрены проблемы и перспективы корпоратизации экономики, которая для обеспечения эффективного развития социально-экономических систем требует *адекватных форм государственного регулирования и проведения* эффективной промышленной политики. Опыт постсоветских стран показал необходимость обеспечения социального партнерства и *усиления роли государ-*

ства как института системной интеграции экономики и общества, а эффективной формой инновационного развития является создание *творческого субъекта* нового типа, который представляет собой сплоченные группы людей из управленцев, ученых, инженеров и бизнесменов, которые формируют перспективные *социотехноструктуры* (фабрики мысли) на эффективных и прорывных направлениях экономики.

Представлен вывод о том, что навязанная постсоветским странам концепция *постиндустриализма*, в которой доминирует экономика услуг, приводит к деиндустриализации, в то время как в развитых странах доминирует производство новых *средств производства*, то есть западные страны строят, наряду с *информационным, сверхиндустриальное* общество, экономика которого основана на масштабном внедрении элементов VI технологического уклада, обеспечивающего эффективное развитие в наступившем технотронном XXI веке.

Рассмотрена концепция *неоиндустриализации* как *вторая фаза индустриализации*. В нашей стране первый этап был пройден в 1925–1940 гг., в результате чего аграрная Россия к середине прошлого века превратилась в мощную индустриальную державу, которая в годы Великой Отечественной войны доказала свое экономическое превосходство над хозяйственными системами Германии и порабощенных ею европейских стран. Описаны условия проведения перспективной неоиндустриализации в России.

Представлен разработанный с участием омских специалистов *Евразийский мегапроект «73-й меридиан»*, связанный с освоением Арктики и необходимостью создания меридианальной структуры транспортного каркаса Сибири и Центральной Азии. При этом предусматривается формирование зон первичной, вторичной и третичной индустриализации, а город Омск должен превратиться в мощный транспортно-логистический узел и машиностроительный центр на базе крупных предприятий бывшего оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и сети малых и средних инновационных предприятий, обеспечивающий эффективное развитие евразийской мультимодальной транспортной системы.

2.2. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Пространственная кооперация и конкуренция. Отличие кластеров от территориально-производственных комплексов

Очевидно, что *пространственная кооперация и конкуренция* являются основными факторами, определяющими конкретные эффективные формы территориальной организации производства; они требуют использования *комплексного подхода* как метода научных и предплановых исследований в регионах, получившего широкое распространение в XX веке.

Идеология комплексного исследования факторов развития регионов появилась в научных кругах европейских стран ещё в конце XIX века, а в США – в начале XX века. При этом существовали и существуют определенные различия между научными школами европейских государств и Северной Америки.

В 1930-х годах Национальный исследовательский совет США провел в Вашингтоне конференцию, посвященную «региональным явлениям», тем самым обратив внимание правительства на проблему комплексного развития регионов. В середине XX века (1950–1960 гг.) мировую известность получили работы американского экономиста У. Айзарда (Walter Isard), посвященные вопросам регионального анализа. У. Айзард провел специальное исследование по выделению факторов комплексообразования технологически взаимосвязанных производств. Он писал: «Промышленный комплекс – это совокупность видов деятельности, осуществляемых в определенном месте и объединенных в определенную группу (подсистему) тесными производственными, коммерческими или другими связями»¹.

У. Айзард также подчеркивал, что промышленный комплекс может возникнуть из базисной группы видов деятельности или даже из видов деятельности, сосредоточенных вокруг единичного (в широком смысле слова) конечного продукта или услуг, напри-

¹Изард У. Методы регионального анализа: Введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966, с. 328.

мер, из деятельности по обеспечению жильем или изготовлению одежды.

Н.И. Ларина отмечает, что вероятно в США идеи У. Айзарда не получили широкого распространения¹, во всяком случае, М. Портер, занявшись изучением региональной экономики, никаких ссылок на его работы не делал. Объяснить это можно, по-видимому, тем, что У. Айзард обращал внимание только на региональные проблемы, а М. Портер пришел к региональной проблематике от отраслевой, где на первом плане стоит *конкуренция*, а не *комплексность*.

Примерно в то же время, когда на западе появились публикации У. Айзарда, среди экономических географов и экономистов в СССР велась дискуссия о *комплексном подходе*, как методе научных исследований и плановых разработок, и *комплексе*, как объекте планирования и управления. Она основывалась на идеях Н.Н. Колосовского, который еще в 1930–1940 гг. предложил использовать для определения мест размещения производств метод, получивший в дальнейшем название «*метод энергопроизводственных циклов*» (ЭПЦ).

Логика метода ЭПЦ предполагала анализ сначала условий и мест добычи энергетических и минерально-сырьевых ресурсов, а далее – последовательности производств по переработке сырья, вплоть до производства конечной продукции, пользующейся спросом у разных потребителей. Проанализировав все разнообразие производственных процессов, существовавших в то время, Н.Н. Колосовский обосновал существование в экономике СССР восьми ЭПЦ, а его ученики представили в них более детальные производственные цепочки.

Н.Н. Колосовский считал, что, следуя логике производственного цикла можно сформировать территориально-производственный комплекс (ТПК), под которым следует подразумевать «взаимообусловленное (соподчиненное) сочетание производственных предприятий и селитбы (населенных мест) либо на ограниченной территории (локальные комплексы), либо на территории экономического района (районные комплексы). Не следует называть комплексом простое сосуществование предпри-

¹Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с., с. 290.

ятий, которое лучше называть группировкой. При условии глубоких технологических связей комплекс может переходить в форму комбината»¹.

Понятие комплекса как формы территориальной организации производства в СССР широкое распространение получило в послевоенные годы и стало применяться как для характеристики развития сложившихся административно-территориальных образований, так и для описания схем размещения и вариантов развития производств в регионах².

М.К. Бандман предложил различать два типа ТПК – традиционные и программно-целевые. При этом традиционные ТПК «представляют собой форму организации материально-технической базы любой таксономической единицы экономического районирования и административного деления страны».

А программно-целевой ТПК – это «планово создаваемая, пропорционально развивающаяся совокупность устойчиво взаимосвязанных объектов отраслей народного хозяйства (сфер материального производства и непроектной сферы), трудовых и природных ресурсов, которая формируется и функционирует с целью совместного решения определенного типа и ранга народнохозяйственных проблем в целом или их частей»³.

В качестве примера программно-целевых ТПК, создаваемых в Сибири, М.К. Бандман называл Братско-Усть-Илимский, Средне-Обский и Саянский ТПК.

И.В. Пилипенко сравнивал *современную концепцию кластеров* с теорией программно-целевых ТПК, появившейся в СССР в период крупномасштабного освоения природных ресурсов Сибири. По его мнению, они не являются прообразами кластеров, как маршалловы *промышленные узлы* и итальянские *промышленные округа*. В СССР программно-целевые ТПК создавались, как правило, на пустом месте. Модель их функционирования базировалась на *жесткой схеме* организации межотраслевых связей довольно крупных предприятий. Кластеры же, наоборот, характери-

¹ Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: Мысль, 1969, с. 142;

² Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с., с. 291;

³ Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. – Новосибирск: Наука, 1980, с. 32–33.

зуются *гибкой схемой* организации производства (именуемой «постфордизм») и образуются там, где уже сформировалась определенная предпринимательская среда. Для их функционирования важно, чтобы все участники кластера работали в условиях конкуренции, которая заставляет их постоянно совершенствоваться и вводить инновации¹.

Производственные кластеры в настоящее время стали считаться наиболее эффективной формой региональной пространственной организации производства.

Термин *кластер* (от англ. *cluster* – скопление) используется для *объединения* нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами. В статистике *кластер* – это множество результатов поиска, связанных единством темы, или класс родственных элементов статистической совокупности; в *информатике* – единица хранения данных на дисках компьютеров или же группа компьютеров; в *астрономии* – группа звёзд, связанных друг с другом силами гравитации или суперструктура, состоящая из нескольких галактик; в *химии* – сложное объединение нескольких атомов или молекул; в *физике* – коррелированная группа элементарных частиц; в *лингвистике* – группа близких языков или диалектов; в экономике – группа связанных между собой отраслей.

Майкл Портер, профессор Гарвардской школы бизнеса, *экономическим кластером* назвал группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний (разработчиков, производителей, поставщиков и др.) и связанных с ними организаций (образовательных учреждений, органов государственного управления, институтов инфраструктуры), действующих в определённой сфере и взаимодополняющих друг друга. По М. Портеру конкурентоспособность региона или страны должна рассматриваться с точки зрения конкурентоспособности не отдельных её предприятий и комплексов, а именно *кластеров* – объединений организаций и предприятий различных отраслей, способных эффективно использовать внутренние ресурсы.

¹ Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.

М. Портером также были разработана диаграмма для определения конкурентных преимуществ региона («конкурентный ромб» – «алмаз») с четырьмя группами преимуществ: I – факторные условия – людские и природные ресурсы, научно-информационный потенциал, капитал, инфраструктура, в т.ч. качество жизни; II – условия внутреннего спроса – качество спроса, соответствие тенденциям развития спроса на мировом рынке, рост объёмов спроса; III – смежные и обслуживающие отрасли – сферы поступления сырья и полуфабрикатов, оборудования, сферы использования сырья, оборудования, технологий; IV – стратегия и структура фирм, наличие конкуренции – цели, стратегии, способы организации, менеджмент фирм, внутриотраслевая конкуренция.

Он выделил также ещё два независимых фактора: I – правительство и II – чрезвычайные ситуации или особые случаи (например, войны или пожары). Поскольку ТНК также оказывают огромное влияние на государства, регионы и их конкурентную позицию в мировом хозяйстве, то современные исследователи добавляют в ромб М. Портера еще один независимый элемент – «деятельность международного бизнеса», который обладает одинаковым с «государством» и «случаем» независимостью и вместе с тем влияет на «государство» и «случай»¹.

Современные экономика и управление рассматривают формирование *кластеров* как комплексные механизмы развития, обеспечивающие рост конкурентоспособности региона на основе инноваций и синергетических эффектов территориальной *самоорганизации* и *партнёрства*, обеспечивающих формирование *инновационного сообщества* как субъекта развития территории.

Кластеры создают особую форму инноваций – *совокупный инновационный продукт*, поскольку *спонтанная концентрация* разнообразных научных и технологических новшеств заменяется *оптимальной системой* распространения и реализации новых знаний и технологий.

¹Портер М. Конкуренция: / Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2002. – 496 с.;

Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с.; с.100.

Фактически происходит отказ от отраслевого подхода и пересмотр инновационных стратегий территориального развития, основ экономической и промышленной политики, а также моделей централизованного развития.

При этом, специфическими особенностями кластеров являются: элементная однородность, взаимодополнительность; наличие центростремительных сил; нечёткость, подвижность границ и внутренней структуры; частичное обобществление ресурсов.

Выделяют 3 типа кластеров, связанных с особенностями структуры и функционирования: I – региональные структуры с экономической активностью внутри родственных секторов экономики, обычно привязанные к научным учреждениям или вузам (НИИ, университетам и т.д.); II – вертикальные производственные цепочки, в которых последовательные этапы производственного процесса образуют ядро кластера («поставщик – производитель – сбытовик – потребитель»), или сети, формирующиеся вокруг головных фирм; III – предприятия отраслей промышленности, имеющих высокий уровень агрегации (например, «химический кластер») или совокупности секторов более высокого уровня агрегации (например, «агропромышленный кластер»).

Как показано выше, в СССР существовали понятия «научно-производственный комплекс» и «территориально-производственная кооперация», однако плановая система и отраслевой принцип управления экономикой накладывали жёсткие ограничения на их деятельность. Например, выбор поставщика зачастую определялся не интересами предприятия, а распоряжением «сверху». В результате нередко сырьё или комплектующие изделия, которые производились в регионе, завозились из других республик. *Главным отличием* кластера от территориально-производственного комплекса (ТПК) является то, что кластер максимально учитывает *рыночный механизм*, является гибкой формой организации и сохраняет конкурентность внутри кластера.

Кластерный подход радикальным образом изменяет содержание государственной промышленной политики: усилия органов власти теперь направляются не на поддержку отдельных предприятий или отраслей, а на развитие *системы взаимоотношений*: между поставщиками и производителями; между конечными потребителями и производителями; между самими производителями и государственными институтами и т. д.

М. Портер утверждает, что необходимо поддерживать развитие всех кластеров без исключения, поскольку невозможно предугадать, какой кластер будет развиваться быстро и эффективно, а какой – нет. Поэтому кластерная политика, при которой помощь оказывается только тем кластерам, которые имеют более высокие темпы развития, неверна. Очевидно, что не все кластеры будут успешными, но это определит рынок, а не властные структуры.

Главная задача органов власти *на раннем этапе* – улучшение инфраструктуры и устранение неблагоприятных начальных условий, а затем – устранение ограничений к развитию инноваций.

Известный американский исследователь промышленных и региональных кластеров М. Стоппер также активно поддерживал политику развития конкурентных преимуществ за счет формирования региональных кластеров. Он рассматривает *агломерацию* как источник промышленной динамики малых и средних предприятий. Его *схема идеального развития* регионального кластера включает в себя шесть стадий:

- 1) образование фирм-пионеров на основе местных специфических традиций производства;
- 2) появление системы специальных поставщиков, обслуживающих фирмы, и специализированного рынка рабочей силы;
- 3) образование новых организаций (чаще государственных) для оказания поддержки фирмам, работающим в кластере;
- 4) привлечение в кластер внешних отечественных, а затем и иностранных фирм, высококвалифицированной рабочей силы как новых стимулов для организации новых кластерных фирм;
- 5) создание нерыночных активов между фирмами, которые стимулировали бы диффузию инноваций, информации и знаний;
- 6) период упадка кластера из-за ситуации, когда кластер исчерпал свой инновационный потенциал, а ограниченность кластера не позволяет ему заимствовать инновации с внешнего рынка.

Естественно, что каждый кластер обладает определенной спецификой в своем развитии, поэтому приведенная схема может варьироваться; не все кластеры проходят шесть этапов развития, некоторые этапы выпадают, другие, возможно, будут пройдены в будущем. Тем не менее, она дает представление об *общих закономерностях* развития кластеров в мире. Отклонения в схеме идеального развития кластеров происходят из-за особенностей местных социально-экономических систем: особенностей производст-

ва, региональных традиций, сложившегося менталитета, этнических составляющих, экономико-географического положения, транспортной и инновационной инфраструктуры и т.д.¹

Еще одной проблемой является *политизированность* самого термина кластер. Многие регионы сегодня активно используют кластеры как современный, модный бренд. Нередки случаи, когда власти часто называют какую-либо промышленную структуру кластером, надеясь тем самым привлечь дополнительное внимание и инвестиции в регион. Такие кластеры относят к “политически поддерживаемым” или “желательным”. Они характеризуются весомой поддержкой со стороны органов власти, предпочтение им отдается в основном по *политическим* или *корыстным* основаниям, а не по результатам анализа. Основанием для стимулирования подобных кластеров является убеждение, что политические усилия в состоянии создавать кластеры на относительно *неблагоприятной* почве. Такие политически ангажированные кластеры, как правило, не имеют не только критической массы, но и многих других конкурентных преимуществ, способствующих *органическому развитию*. Многие «псевдокластеры» такого типа включаются в региональные программы, но не получают развития.

И, наконец, *сложность* в разработке и реализации кластерной политики заключается в том, что она призвана объединять и взаимоувязывать интересы различных сторон, вовлеченных в процесс кластеризации, мотивировать и стимулировать их развитие с учетом разноплановых (порой противоречивых) интересов участников. Кроме того, кластерная политика существует на разных уровнях власти и требует координации их действий².

¹Storper M. The Regional World: Territorial Development in Global Economy. N.Y.; Guilford Press, 1997. – 338 p.;

Портер М. Конкуренция: / Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2002. – 496 с.;

Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с., с. 270;

Лизунов В.В., Метелев С.Е., Соловьев А.А. Кластеры и кластерные стратегии. Монография / Изд. 2-е исправл. и дополн. – Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012. – 280 с., с. 61.

²Марков Л.С. Проблемы реализации кластерной политики в России // Научный эксперт. – 2007. – № 4. URL – <http://www.cluster-center.ru/about1.html>.

Н.И. Ларина сравнивает региональные кластеры с существовавшими в плановой экономике *межотраслевыми комплексами*, которые формировались с целью преодоления жестких барьеров между отдельными отраслевыми министерствами и ведомствами¹. Таким путем шло освоение нефтяных и газовых ресурсов в Западной Сибири, где с 1960-х годов стал формироваться Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗС НГК). Он легко адаптировался к рыночным условиям, является конкурентоспособным на мировом рынке и обладает определенными признаками кластера.

На принципах межотраслевого комплекса также была построена идеология освоения и использования огромных угольных запасов Канско-Ачинского бассейна. В СССР в 1980-х годах здесь формировался Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс (КА ТЭК). В отличие от ЗС НГК его нельзя строго назвать кластером, так как процесс формирования не был закончен, а его продукция не была ориентирована на внешний рынок.

Комплексный подход как метод научного исследования технологических и экономических взаимосвязей между разными видами деятельности (между отраслями) использовался для анализа производственных взаимосвязей не только в пределах отдельных регионов, но и в стране в целом.

А.И. Панченко при исследовании структур управления народным хозяйством СССР отметил «тенденцию в стремлении министерств к интеграции производственно-хозяйственных комплексов, а не к образованию узкоспециализированных «чистых» отраслей»².

В 1970-е годы все большее распространение среди ученых и плановиков СССР получала идея развития всей страны как единого народно-хозяйственного комплекса. Комплексный подход как метод планирования распространился как на отраслевые, так и на территориальные планы. В «Методических указаниях к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР» в качестве самостоятельного подраздела было

¹ Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с., с. 292.

² Панченко А.И. Межотраслевые комплексы и целевые программы их развития. – Новосибирск: Наука, 1979, с. 17.

обозначено «планирование территориально-производственных комплексов»¹.

Тогда к новым региональным комплексам, планируемых к созданию в регионах СССР, относились: народно-хозяйственный комплекс Севера Западной Сибири и система Ангаро-Енисейских комплексов, Тимано-Печорский комплекс на Европейском Севере и Южно-Якутский на Дальнем Востоке, комплексы, которые формировались в Казахстане и Средней Азии, а также ТПК и промышленные узлы, создаваемые в связи со строительством Байкало-Амурской магистрали.

Хотя созданию программно-целевых ТПК в Сибири предшествовали комплексные научные исследования, и ТПК в 1980-е годы стали объектом планирования, при их формировании, как и прежде, допускались большие диспропорции в развитии производственной и непроизводственной сфер. В годы рыночных реформ эти диспропорции еще более углубились. Причина в том, что в советский период капитальные вложения (инвестиции) и другие ресурсы выделялись на создание ТПК по отраслевым планам. В начале 1990-х годов М.К. Бандман писал, что история формирования ТПК в стране, особенно в 1960–1980 гг., свидетельствует о чрезвычайно слабой проработке организационно-правового обеспечения этой формы организации производительных сил².

В результате радикальной реформы в России, перехода на рыночную экономику и формирования субъектов Федерации, начала складываться *новая региональная политика*. А в настоящее время широкое распространение получили исследования по выделению в субъектах Федерации региональных кластеров, в том числе в тех регионах Сибири, где в советский период создавались программно-целевые ТПК.

Так, возможность формирования отраслевых кластеров в Иркутской области исследовались М.В. Винокуровой³, предпосылки возникновения кластеров в экономике Красноярского края обсуж-

¹Методические указания Госплана СССР к разработке государственных планов экономич. и социального развития СССР. – М: Экономика, 1980, с. 740.

²Бандман М.К., Ионова В.Д., Малов В.Ю., Бабенко Т.И. Территориально-производственные комплексы: Нижнее Приангарье. – Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1992., с. 70.

³Винокурова М.В. Конкурентоспособность и потенциал кластеризации отраслей экономики // ЭКО. – 2006. – № 12.

дались в статье И.С. Феровой¹. На его территории в 1970–1980 гг. формировались: на юге края – Саянский ТПК, в центральной части – Канско-Ачинский ТПК (КА ТЭК), севернее намечался Нижне-Ангарский ТПК, на Крайнем Севере расширялся Норильский комплекс.

А.Б. Пушкаренко, В.И. Филатов и В.З. Ямпольский обсуждали процесс трансформации нефтегазового комплекса в кластер в Томской области². Довольно детально современные организационно-экономические проблемы формирования и функционирования нефтегазового кластера в Западной Сибири обсуждались в исследованиях В.А. Крюкова³.

Анализируя общие и специфические черты этих исследований, Н.И. Ларина отмечала, что общий методический подход состоит в том, что анализируются межотраслевые связи действующих отраслей в регионах, а не сформированные по специальной методике «отраслевые кластеры», как это делают М. Портер и его последователи⁴. Объяснить это можно тем, что для индивидуальных исследователей в настоящее время более доступной является *официальная* статистическая информация. При этом каждый исследователь пользуется собственной методикой оценки состояния межотраслевых связей.

Проблемы трансформации советских ТПК в региональные отраслевые кластеры подробно обсуждали М.В. Винокурова⁵ и В.А. Крюков⁶.

Исследователи отмечали, что переход к рыночной экономике ликвидировал важное условие образования и функционирования

¹Ферова И.С. Предпосылки возникновения кластеров в экономике Красноярского края // Регион: экономика и социология, 2005, № 4.

²Пушкаренко А.Б., Филатов В.И., Ямпольский В.З. Нефтегазовый кластер Томской области // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 4.

³Крюков В.А. Организационно-экономические проблемы формирования и функционирования нефтегазового кластера в Западной Сибири // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1.

⁴Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 352 с., с.294.

⁵Винокурова М.В. Конкуренентоспособность и потенциал кластеризации отраслей экономики // ЭКО. – 2006. – № 12.

⁶Крюков В.А. Организационно-экономические проблемы формирования и функционирования нефтегазового кластера в Западной Сибири // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1.

ТПК – государственное задание на поставку продукции. Это привело к исчезновению налаживаемых годами *межотраслевых связей*. Существовавшая в СССР пропорциональная и плановая направленность функционирования ТПК была разрушена. И.С. Ферова писала, что «из совокупности устойчиво взаимосвязанных объектов большинство ТПК превратились в хаотичные объединения предприятий с низкой конкурентоспособностью»¹.

Выделяемые указанными авторами региональные отраслевые кластеры в большинстве своем можно отнести к группе ресурсно зависимых отраслей, способных ввиду уникальности и масштабов природных ресурсов конкурировать с подобными отраслями на национальном и межотраслевом рынках.

Руководство ряда субъектов Федерации стали использовать кластерный подход как основу политики развития. Так, губернатор Саратовской области П.Л. Ипатов отмечал в 2006 году: «Важнейшей составляющей экономической стратегии развития области является кластерная политика обеспечения конкурентоспособности как практическая основа диалога бизнеса и власти»².

Н.И. Ларина в 2008 году считала, что кластерный подход нашел отражение в стратегиях социально-экономического развития Томской и Омской областей, ориентируясь на опубликованные в 2005 году «Стратегию развития Томской области до 2020 года»³ и – в 2006 году «Стратегию социально-экономического развития Омской области до 2020 года»⁴. Она отмечала, что фактически каждый регион России разрабатывает мероприятия по стимулированию экономического развития, рассматривая соседа как конкурента, поэтому выделяемые кластеры замыкаются в границах субъекта Федерации. Однако, при дефиците высококвалифицированных кадров и инвестиций, каждому региону в отдельности

¹Ферова И.С. Предпосылки возникновения кластеров в экономике Красноярского края // Регион: экономика и социология, 2005, № 4., с. 59.

²Ипатов П.Л. Инновационная модель развития конкурентоспособности Саратовской области // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика, 2006. – № 1, с. 52.

³Стратегия развития Томской области до 2020 года // Администрация Томской области. – Томск, 2005. URL – <http://strategia.tomsk.ru/docs.html>.

⁴Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2020 года. Указ Губернатора Омской области от 13.02.2006 г. № 18 // Омская правда. – 17.02.2006. – № 12. URL – <http://www.omskportal.ru/default.asp?sidFavorites=1&sidObjectType=2&sidObjectValue=21741>.

вряд ли хватит ресурсов сформировать всю необходимую цепочку конкурентоспособных на внешних рынках предприятий.

Кроме того, ввиду крайне неравномерного размещения по территории страны научно-образовательных учреждений и промышленного потенциала, различий в стратегическом мышлении и ценностной ориентации региональной политической и экономической элиты, а также большого разрыва в бюджетной обеспеченности, далеко не все региональные власти в состоянии стимулировать инновационный путь развития своих регионов. Поэтому без соответствующей координации развития разных регионов со стороны федерального правительства следует ожидать углубления дифференциации регионального развития страны¹.

Особенно нельзя допускать чрезмерного разрыва между федеральными округами в формировании конкурентных позиций их регионов на рынках высокотехнологичной продукции. Чтобы отслеживать эту ситуацию и принимать превентивные меры, необходимо отслеживать динамику изменения конкурентных позиций регионов федеральных округов по факторам, лежащим в основе современных кластеров.

Сейчас сибирские регионы разрабатывают свои стратегии, ориентируясь на собственные ресурсы, поддержку федерального правительства и внешние инвестиции. Все регионы обладают уникальными природными ресурсами и могут быть привлекательны для инвесторов. Однако реализовывать намечаемые планы развития, в том числе по формированию кластеров, мешает *дефицит рабочих кадров*, в первую очередь квалифицированных, и *финансового капитала*.

Поэтому, по мнению Н.И. Лариной, следующий шаг региональных властей в политике развития должен состоять в разработке *Концепций совместного развития (КСР)*, позволяющих выработать общую политику стимулирования формирования конкурентоспособных на внешних рынках кластеров.

На Юге Западной Сибири кластер нефтехимической промышленности может охватить Томскую, Новосибирскую и Омскую области, а возможно, и Кемеровскую область и Алтайский край. Кластеры биотехнологического профиля должны формиро-

¹Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008., с. 295.

ваться не только вокруг научных комплексов Новосибирска и Томска, но и иметь выходы в соседние регионы – Омскую и Кемеровскую области, Алтайский край и Республику Алтай.

Кластер информационных технологий, чтобы выйти на мировой рынок, требует серьезного развития внутри страны. Полигоном для реализации его продукции и услуг могут стать регионы Сибирского федерального округа (СФО).

Разработка КСР позволит выявить кластеры, нуждающиеся в поддержке со стороны как федерального правительства, так и региональных властей. Такая политика, несомненно, будет успешной, если будет осуществляться в рамках специально разработанных *федерально-окружных целевых программ*, реализуемых на Юге Западной Сибири, в Енисейском, Байкальском регионах и в целом в СФО.

В перечень вопросов, требующих межрегиональной координации следует включить *координацию кластерной политики*, намечаемой руководством отдельных субъектов Федерации. Целесообразно формировать *территориально-производственные кластеры*, охватывающие несколько субъектов Федерации, в том числе, как с сильным, так и слабым экономическим потенциалом. Тем самым волна инновационного развития может быть быстро распространена и на экономику менее развитых регионов.

При использовании понятия *«территориально-производственные кластеры»*, а не *«региональные кластеры»*, принятое в западной литературе, подчеркивается, что кластер не имеет жестких региональных границ, то есть границ субъекта Федерации. В политике формирования конкурентоспособного на мировых рынках территориально-производственного кластера должны совместно участвовать власти разного уровня, включая органы местного самоуправления – в местах размещения ключевых звеньев кластера¹.

В России в настоящее время существует множество *«спонтанных» кластеров – протокластеров*, образованных вокруг ключевых отраслей промышленности (химической, нефтегазовой, металлургии, машиностроения, информатики и др.). Но эти структуры значительно отличаются от западных кластеров с на-

¹Ларина Н.И. Региональная экономическая политика властей разного уровня: цели, средства, результат. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008, с. 297.

личием конкуренции и хорошо отлаженной системой взаимосвязей, где использование кластерного подхода к управлению экономикой уже имеет значительную историю.

В качестве *инструмента российской кластерной политики* может выступать интеграция всех основных действующих инструментов социально-экономического развития регионов: программы поддержки малого бизнеса, технопарки, промпарки, особые экономические зоны, центры «трансфера» технологий; инвестиционные и венчурные фонды; национальные и региональные проекты; целевые и адресные инвестиционные программы и т.д.

В качестве *основного инструмента*, как на федеральном, так и на региональном уровнях, должен выступать комплекс образовательных и консультационных мероприятий с привлечением ведущих специалистов и заинтересованных сторон. В его формате могут быть: рабочие группы; семинары и совещания, «круглые столы», конференции; тематические публикации; образовательные курсы и пр.

Задачами рабочих групп такого типа – *«фабрик мысли»* (социотехноструктур) на региональном и муниципальном уровнях должны быть: выявление, диагностика и моделирование потенциальных кластеров; разработка, согласование и оптимизация программ их развития; координация взаимодействия кластеров; снятие ведомственных и отраслевых ограничений¹.

Активно стимулируют процесс развития кластерных стратегий такие формы как *«кластерные инициативы»* – проекты и программы активных субъектов (акторов), разрабатывающих и реализующих программы формирования и развития кластеров. С их появлением стал развиваться *«кластерный консалтинг»*, то есть предоставление услуг специалистов и экспертов по оценкам, прогнозам и реализации различных этапов кластерных проектов. В этих условиях крайне необходимым становится *«кластерный менеджмент»* – преподавание теоретических основ и практическая реализация управления кластерными инициативами.

¹ Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / Пер.с англ. – М.: Международные отношения, 1993. – 896 с.

Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. – 2003. – № 5.

Лизунов В.В., Метелев С.Е., Соловьев А.А. Кластеры и кластерные стратегии. Монография / Изд. 2-е исправл. и дополн. – Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012. – 280 с., с. 163–169.

Важнейшим понятием является «*ядро кластера*», под которым понимается одно или несколько предприятий, конкурентоспособных на мировом рынке, способных производить качественную продукцию для нужд большинства предприятий кластера и на экспорт, являющихся лидерами на рынке и способных улучшать конкурентоспособность своей продукции в долгосрочной перспективе¹.

Роль кластеров в инновационном развитии и конкурентоспособности регионов

В свое время Д.А. Медведев объявил в качестве современных приоритетных направлений страны «*Четыре И*»: «Институты», «Инфраструктуру», «Инновации» и «Инвестиции».

Современные мировые тенденции связаны с переходом к *новому типу* экономического развития, основанному на *непрерывном* изменении и обновлении производственной базы, технологий, товаров и услуг, при котором инновации превращаются в главный вектор развития. Наибольшую роль при этом играет появление глобальных информационных сетей, позволяющих интенсифицировать информационный обмен и сотрудничество в научно-технической сфере, культуре, бизнесе. То есть, происходит создание глобального информационного поля, генерирующего знания и оказывающего существенное влияние на появление экономики нового типа – *инновационной*, в которой решающую роль играют **знания**, а производство знаний представляет собой источник экономического роста.

¹ Карпов В.В., Лизунов В.В. Кластеры как эффективная форма развития социально-экономических систем // Динамика систем, механизмов и машин: Материалы VII Междунар. научно-технич. конф-ции (10–12 ноября 2009 г.). – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2009. – Кн.4. – 492 с. С. 39–56.

Лизунов В.В. Формирование отраслевых образовательных кластеров // Динамика систем, машин и машин: Материалы VIII Международной научно-технической конференции (13–15 ноября 2012 г.): в 5 кн. Книга 4. – Омск: изд-во ОмГТУ, 2012. – 292 с., с. 26–31.

Лизунов В.В., Карпов В.В. Предпосылки создания кластеров и стратегия Омской области // Динамика систем, машин и машин: Материалы VIII Междунар. научно-технич. конф-ции (13–15 ноября 2012 г.): в 5 кн. Книга 4. – Омск: изд-во ОмГТУ, 2012. – 292 с.; с. 21–25.

Экономика становится инновационной, если:

1) в обществе выделяется *особая роль научных знаний*, наблюдается положительное восприятие обществом и государством новых идей и технологий, появляется готовность к трансферу знаний, их практической реализации в различных сферах деятельности;

2) осуществляется автоматизация и компьютеризация всех сфер и отраслей производства и управления, в результате чего образуются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание информационных ресурсов в объёме, необходимом для поддержания растущего научно-технического прогресса;

3) сформированы инновационные инфраструктуры, способные оперативно и гибко реализовывать процессы, направленные на внедрение высоких технологий и выпуск конкурентоспособной продукции;

4) происходят радикальные изменения социальных структур, которые приводят к расширению и активизации инновационной деятельности не только в производственной, но и в других сферах – управлении, образовании, культуре, в быту;

5) создана система опережающей подготовки и переподготовки профессиональных кадров в области инноваций, эффективно реализующих комплексные проекты развития как производства, так и социальной сферы (территорий).

То есть, важнейшим условием развития является высокая *инновационная активность* на всех уровнях управления (общественном, государственном, предпринимательском), а также наличие эффективной *инновационной инфраструктуры*, которая становится базовой составляющей современного общества, фундаментом инновационной экономики.

В регионе *инновационная инфраструктура* представляет собой совокупность взаимосвязанных общественных и производственных институтов (организационно-управляющих и конструкторско-технологических систем, предпринимательских структур, научно-исследовательских организаций, высших учебных заведений, отдельных ученых и изобретателей), необходимых для эффективного осуществления инновационной деятельности¹.

¹ Лизунов В.В., Метелев С.Е., Соловьев А.А. Кластеры и кластерные стратегии. Монография / Издание 2-е исправл. и дополн. – Омск: Издатель ИП Скорнякова Е.В., 2012. – 280 с., с. 109–110.

Нестеренко Ю.Н. Мировой опыт формирования национальных инновационных систем и проблемы России // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 1. – С. 81–87.

В настоящее время, вслед за М. Портером, позитивные эффекты, появляющиеся в кластерах, традиционно рассматриваются по следующим направлениям: 1) производительность; 2) инновации; 3) создание и поддержка бизнес-образований.

В ряде современных исследований для описания инновационного развития регионов используются понятия «*инновативность*» и «*бизнес-кластер*».

При этом, под *бизнес-кластерами* понимаются добровольные неформальные (самоорганизующиеся) объединения самостоятельных хозяйствующих субъектов на условиях близости территориальной, отраслевой, культурной; взаимодополняемости по продуктам, ресурсам, процессам; взаимосвязанности потоками материальными, нематериальными, информационными.

Под *инновативностью* понимается способность генерировать инновации, поддерживающуюся в расширенном цикле их воспроизводства. Что подразумевает и постоянное внедрение *новаций* в практику хозяйственной деятельности, поддерживающее и развивающее инновативность.

Бизнес-кластеры определяются как наиболее доступный и эффективный инструмент, способствующий обретению региональными экономиками, отраслями и отдельными хозяйствующими субъектами высокой инновационной активности. Это связывается с облегчённым доступом членов кластера к более обширной и содержательной *рыночной и нерыночной информации*, что способствует более быстрому и адекватному их реагированию на изменения в среде и требование потребителей¹.

Утверждается, что в рамках бизнес-кластера экономические субъекты сильнее осознают необходимость использования инновационных подходов. Приводятся три основные причины, по которым развитие инноваций связано с кластерами: 1) потребность в снижении технической и экономической неопределённости; 2) необходимость поддержания взаимосвязей между участниками

¹Боуш Г.Д. Повышенная инновативная способность бизнес-кластеров и генерируемые ими положительные эффекты как факторы модернизации региональной экономики // Россия и Европа. Единое экономическое пространство: Сб.мат-лов Междунар. научно-практич. конф-ции: 2–3 декабря 2010 г. – Омск: Издатель Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2010. – 596 с., с. 359–364.

Lu W., Chen J., Wang C. R&D, Spatial Spillovers and Productivity Growth: Evidence from Dynamic Panel // Institute of Economics. – URL: <http://www.econ.sinica.edu.tw>.

кластера; 3) заинтересованность в непосредственном контакте и обмене информацией, создании новых ценных знаний¹.

В условиях *пространственной локализации* больше возможностей для эффективного поиска в каком-либо аспекте бизнеса, что становится основой инновационного продукта или процесса. Истоки инновативности бизнес-кластеров кроются в их сетевой природе. В экономической среде побудительным мотивом вхождения в кластер для хозяйствующих субъектов является стремление объединить свои возможности для успешного противостояния сильному конкурентному давлению извне. Сетевой характер обеспечивает бизнес-кластерам повышенную адаптивность к изменениям во внешней среде, трансформацию структуры, связей между участниками, появление новых структурных элементов и т.д.

При объединении в кластеры малых и средних компаний, они, обладая более скромными возможностями, вынуждены генерировать продуктивные новации, позволяющие им достигать высокого уровня конкурентоспособности, удерживать его и повышать. Объединяясь в кластер, они сохраняют свою высокую гибкость, адаптивность и мобильность, перенося эти характеристики на кластерное объединение в целом. В результате в кластере формируется особая среда, основанная на неформальных контактах и связях, что делает информационный обмен в кластере достаточно разнообразным, многомерным, интенсивным и динамичным.

Функционирование кластера как единого организма, связность кластерных элементов обеспечивают *инфраструктурные элементы*, создаваемые за счет обобществления ресурсов или расширения функций участников кластера. К ним относятся специальные институты взаимодействия, способствующие согласованию экономических интересов участников, поиску точек соприкосновения, созданию совместных проектов, что в целом приводит к повышению эффективности внутрикластерных взаимодействий, и, как следствие, к усилению инновативности².

¹Ketels C., Lindqvist G., Solvell O. Cluster initiatives in developing and transition economies // GCIS – global research project on cluster policy and cluster initiative. – URL: <http://www.cluster-research.org>.

²Боуш Г.Д. Повышенная инновативная способность бизнес-кластеров и генерируемые ими положительные эффекты как факторы модернизации региональной экономики // Россия и Европа. Единое экономическое пространство: Сб.мат-лов Междунар. научно-практич. конф-ции: 2–3 декабря 2010 г. – Омск: Издатель Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2010. – 596 с., с. 360.

С пространственной локализацией, возникающим «эффектом масштаба», специфическим сочетанием отношений соперничества и сотрудничества (конкуренции и кооперации) во взаимодействиях участников кластера связаны позитивные эффекты, в том числе *положительные внешние эффекты – экстерналии*.

Термин *экстерналиа* был введён в 1920 году английским экономистом, учеником Альфреда Маршалла, представителем Кембриджской неоклассической школы Артуром Пигу в книге «Экономическая теория благосостояния» (The Economics of Welfare) и означает воздействие *рыночной трансакции* на третьих лиц, не опосредованных рынком.

Трансакция (англ. *transaction*, лат. *transactio* – совершение, договор) – *минимальная* логически осмысленная операция между людьми, например, купля-продажа, пара сообщений "туда-обратно", перевод денег со счета на счет (единица взаимодействия, коммуникативный факт).

Классическим примером *положительной экстерналии* со стороны производителя является взаимодействие расположенных рядом пасеки и яблоневого сада: пчёлы способствуют повышению урожая яблок, а яблони – увеличению сбора мёда, при этом их хозяева не вступают между собой ни в какие рыночные отношения.

В настоящее время решающую роль в выборе фирмами местоположения или партнеров играют так называемые «неосозаемые факторы», в первую очередь – знания. Интенсивная конкуренция и значительный объём неcodируемых знаний, возникающих в рамках отдельных территорий, ведут к появлению *урбанизационных экстерналий* или так называемых *экстерналий Якобе*¹.

Выделяют также *диверсификационные экстерналии*, возникающие в процессе взаимного обмена различными идеями между членами кластерного образования. Все указанные положительные эффекты способствуют повышению темпов роста и конкурентоспособности участников кластера.

В кластерах существуют объективные силы, как притягивающие участников друг к другу, так и силы отталкивания, препятствующие полному слиянию, потери самостоятельности, индивидуальности. В экономических кластерах в этой роли высту-

¹ Henderson V. Externalities and industrial development // HUD USER - Policy Development and Research's Information Service. – URL: <http://www.huduser.org>.

пают конкуренция и кооперация. Сотрудничество и кооперационные связи не уничтожают конкуренцию, и внутренняя конкурентная среда создаёт дополнительные стимулы для развития инновативных возможностей участников.

Сочетание кооперации и конкуренции в кластерах приводит к тому, что компании становятся лучше осведомлены об особенностях деятельности своих рыночных соперников, появляется возможность сравнения собственных показателей с результатами конкурентов, что позволяет принимать более адекватные управленческие решения, повышать внутрифирменную эффективность¹.

Процессы кластеризации обладают динамизмом, в них одни самостоятельные единицы под воздействием центростремительной силы присоединяются к кластеру, другие в это же время испытывают на себе действие центробежных сил и кластер покидают. Поэтому границы и конфигурация кластерных структур отличается нестабильностью, изменчивостью. Свободное вхождение субъектов в бизнес-кластер и свободный выход из него, происходящие под воздействием потребности в кооперации или конкуренции, отсутствие формальных процедур вхождения и условий участия, сохранение полной индивидуальности субъектов является важным фактором проявления инновативности кластеров.

Преимущества подобного способа объединения привлекательны для новых участников с их новациями, ресурсами, опытом, что поддерживает инновативность, совершенствуя механизмы генерирования новаций и способствуя внедрению их в практику ведения хозяйственной деятельности².

Повышению инновативности, устойчивости и адаптивности кластеров к внешним условиям способствует и *общая ресурсная база*, возникающая в результате развития взаимодополняемости между элементами, обобществления и совместного использования части ресурсов участников кластера. Чаще всего это недог-

¹Boari C., Odorici V., Zamarian M. Clusters and rivalry: does localization really matter? // Dipartimento di Scienze Aziendali. – URL: <http://www2.sa.unibo.it>.

² Боуш Г.Д. Повышенная инновативная способность бизнес-кластеров и генерируемые ими положительные эффекты как факторы модернизации региональной экономики // Россия и Европа. Единое экономическое пространство: Сб.мат-лов Междунар. научно-практич. конф-ции: 2–3 декабря 2010 г. – Омск: Издатель Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2010. – 596 с., с. 361.

руженное оборудование, побочный продукт, полуфабрикаты, а также *нематериальные ресурсы*: знания, информация, квалификация, опыт работников и специалистов, которые стимулируют возникновение самых неожиданных проектов.

В результате соседнего месторасположения, наличия коммуникативных площадок и развития контактов между организациями и специалистами информация внутри кластера начинает циркулировать с гораздо большей скоростью, чем при обычных условиях. Возникает так называемый *«интеллектуальный перелив»* в виде циркуляции различного рода информации, который является мощным фактором развития кластера и территории¹.

Для эффективных кластеров характерным является быстрое распространение как *формальных* (кодируемых), так и *неформальных* (некодируемых) знаний и другой информации. Подчеркивается тот факт, что неформальные знания могут передаваться лишь на индивидуальном уровне, при этом их значение для создания новых технологий и усовершенствования старых крайне велико².

Технологические изменения, происходящие в компаниях, напрямую связаны с увеличением доли высококвалифицированных сотрудников³. Важное значение имеет наличие творческих работников и существует теория *«креативного» капитала*, противопоставляемого *социальному и человеческому*, который является сильным фактором регионального экономического роста⁴.

К накоплению «креативного» капитала, то есть специалистов высокой квалификации в различных профессиональных областях, ведет особая *региональная политика* подготовки кадров и создание необходимых условий для подготовки способных учащихся, проживания и деятельности талантливых специалистов, что значительно влияет на развитие регионов.

Пример Швеции показывает, что плотность территориального распределения работников, получивших высшее образование и

¹Glaeser E. Cities, information and economic growth // HUD USER – Policy Development and Research's Information Service. – URL: <http://www.huduser.org>.

²Fallah H., Ibrahim S. Knowledge spillover and innovation in technological clusters // Stevens Institute of Technology. – URL: <http://www.personal.stevens.edu>.

³Siegel D. Skill-biased technological change: evidence from a firm-level Survey // W.E. Upjohn Institute for Employment Research. – URL: <http://www.upjohninst.org>.

⁴Florida R. Cities and the creative class // Creative Class Group. – URL: <http://creativeclass.com>.

величина валового регионального продукта на единицу площади коррелируют между собой¹.

Накопленные результаты исследований и разработок отдельных компаний, а также пространственные экстерналии, связанные с распространением этих достижений в рамках близлежащих территорий, оказывают положительное влияние на развитие региона, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе².

Доступ к специализированным факторам производства, в особенности рабочей силе и информации, развитие взаимодействия между участниками кластера, квалифицированная рабочая сила, специализированная инфраструктура, снижающая издержки, другие положительные эффекты кооперации на территории могут рассматриваться в качестве так называемых *квазиобщественных благ*, доступ к которым требует определенных затрат, но для кластеров – значительно меньших. Влияние факторов, традиционно способствующих улучшению производительности отдельных компаний, значительно усиливается в рамках кластерных структур, что, прежде всего, обусловлено позитивными экстерналиями соседнего месторасположения.

Приводятся следующие причины, по которым развитие инноваций в регионах и их конкурентоспособность связаны с кластерами:

- 1) возрастающая потребность в снижении технической и экономической неопределённости;
- 2) необходимость в поддержании взаимосвязей между участниками кластера и специализированными институтами (включая исследования и образование);
- 3) заинтересованность в непосредственном контакте и обмене информацией, а также создании новых ценных знаний³.

Возникновение новых экономических образований приводит к качественному изменению состава участников кластера, вследствие чего будет постепенно возрастать интенсивность конкурен-

¹ Karlsson C., Pettersson L. Regional productivity and accessibility to knowledge and dense markets // The Royal Institute of Technology. – URL: <http://www.infra.kth.se>.

² Lu W., Chen J., Wang C. R&D, Spatial Spillovers and Productivity Growth: Evidence from Dynamic Panel // Institute of Economics. – URL: <http://www.econ.sinica.edu.tw>.

³ Ketels C., Lindqvist G., Solvell O. Cluster initiatives in developing and transition economies // GCIS – global research project on cluster policy and cluster initiative. – URL: <http://www.cluster-research.org>.

ции. Выделяются два уровня положительного воздействия на кластер появления новых фирм:

1) улучшение результатов деятельности благодаря повышению производительности уже существующих компаний;

2) качественный и количественный экономический рост вследствие исчезновения относительно неэффективных и притока более конкурентоспособных бизнес-структур¹.

Для того, чтобы позитивный эффект проявлялся на обоих уровнях, должно существовать конкурентное давление и присутствовать возможности для успешного развития бизнеса в рамках соответствующих рынков. Очевидно, что ключевые условия для этого имеются именно в кластерах: доступность ценной рыночной информации, отсутствие преград для создания нового бизнеса благодаря наличию накопленных ресурсов, необходимых для создания фирмы, присутствие духа кооперации и соперничества.

Достаточно эффективным процессом образования бизнеса в кластерных структурах является метод «*спин-офф*» (англ. spin-off – раскручиваться), при котором основатели нового предприятия используют опыт, накопленный в ходе работы в качестве сотрудников ранее действующих игроков рынка (по-русски ближе – отпочковаться). Это позволяет избежать большого числа ошибок и лучше организовать работу новой компании. (В литературе и кинематографе «спин-офф» является продолжением произведения, основными действующими лицами которого являются персонажи, являвшиеся *второстепенными* или вовсе не упоминающимися в исходном произведении.)

«Спин-офф» усиливается технологическими успехами участников кластера, а это, в свою очередь, ведёт к росту числа игроков рынка и повышению региональной занятости.

О позитивном воздействии на развитие региона новых участников кластера говорит так называемый *эффект Хотеллинга*, в соответствии с которым конкуренция, осуществляемая в рамках пространственной концентрации, ведёт к увеличению доли рынка, занимаемой членами кластера².

¹ Bosma N., Stam E., Schutjens V. Creative Destruction and Regional Competitiveness // Kennissite MKB en Ondernemerschap. – URL: <http://www.ondernemerschap.nl>.

²The concept of cluster and the Cleverbio project // World Scientific Bookshop. – URL: <http://www.worldscibooks.com>.

Важнейшим результатом увеличения числа участников кластера является преодоление так называемого «*инновационного фильтра знаний*», то есть барьеров на пути реализации инновационных достижений, постановки их на коммерческую основу. Инвестиции, которые вкладываются в исследования и разработки в развитых и развивающихся странах, гораздо меньше объемов реализованных инноваций и темпов экономического роста, поскольку не существует прямой зависимости между величиной инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и отдачей от них.

Преодоление «*фильтра знаний*» происходит в региональных инновационных кластерах за счет формирования научно-инновационных сетей: множества взаимосвязанных исследовательских, проектных, конструкторских и испытательных учреждений, инфраструктурных организаций и промышленных предприятий, работающих в различных инновационных проектах с координацией целей и интеграцией ресурсов.

Увеличение числа новых бизнес-образований, повышение уровня интеграции в научно-инновационной сети за счет формирования информационного пространства с потоками научного и инновационного знания приводит к созданию коллективных объектов интеллектуальной собственности, совокупного инновационного продукта, обеспечению конкурентного преимущества, то есть эффективному преодолению эффекта «*фильтра знаний*» как в стагнирующих регионах, так и в регионах роста.

Все перечисленные эффекты могут действовать в совокупности и усиливать друг друга. Связующим элементом при этом выступают знания, накапливающиеся и циркулирующие в рамках кластерных образований, поскольку аккумулируемая и передаваемая участниками кластеров информация служит основой повышения производительности, развития инновационной активности и привлечения новых рыночных игроков.

В качестве основных критериев оценки стратегической конкурентоспособности стран по методике Всемирного экономического форума используются следующие группы индикаторов

- 1) технологичность (инновационность) страны;
- 2) развитие государственных институтов;
- 3) состояние макроэкономической среды.

Эти блоки показателей полностью соответствуют кластерным преимуществам, которые вместе с позитивными экстерналиями

распространяются за пределы кластеров, повышая качество экономической среды региона. В этой среде действуют другие хозяйствующие субъекты, которые также повышают свою инновационную активность, способствуя формированию и дальнейшей реализации регионального инновационного потенциала, развитию региональной инновационной системы¹.

Активное воспроизводство инноваций приводит к совершенствованию региональной экономической системы, происходит совершенствование ресурсной базы, увеличение в её структуре доли квалифицированного, интеллектуального и творческого труда, преимуществ, связанных с фактором местоположения. Совершенствуется практика управления хозяйственной деятельностью, осуществляется переход к более высокому технико-экономическому укладу. Всё это способствует развитию научной и образовательной сфер, сектора малого и среднего предпринимательства, экономическому росту и повышению благосостояния населения.

Инновационный потенциал значительно усиливается в условиях эффективного государственного и муниципального управления, что способствует улучшению как мезоэкономической, так и макроэкономической ситуации. То есть конкурентные преимущества кластеров позволяют обеспечить высокую конкурентоспособность как на региональном, так и на федеральном уровне.

Кластеры в системе стратегического планирования

В последние годы Президентом и Правительством России формируется новый этап государственной социально-экономической политики, основным содержанием которого является инновационное развитие регионов. В первую очередь ста-

¹Эдилерская А.А. Кластерно-сетевые принципы организации современного предпринимательства // Актуальные проблемы развития общества, экономики и права. Сб. науч. трудов аспирантов. – М., 2009. – С. 6–10;

Яковлев, М.А. Диффузия инноваций как фактор экономического развития / М.А. Яковлев // Современные аспекты экономики. – 2004. – № 16(67). – С. 44–54.

Gabr, H. Research on the knowledge filter: status and potential use for policy analysis / H. Gabr, A. Hoffmann // International Consortium on Entrepreneurship. – URL: <http://www.ice.foranet.dk>.

вится задача создания *территориальных инновационных кластеров* как наиболее перспективных форм региональной производственной кооперации, обеспечивающих производство конкурентоспособной на региональных и мировых рынках продукции и эффективное развитие территорий. Формируются соответствующие *институты развития* федерального и регионального уровней, отрабатываются механизмы отбора и поддержки инвестиционных региональных проектов инновационной и инфраструктурной направленности, определяется порядок их софинансирования и управленческого сопровождения.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, предусматривалось создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. Кластерная политика указывается и в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹, в «Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года»², в Перечне поручений Президента РФ от 22.11.2011 № Пр-3484 ГС по итогам заседания президиума Государственного совета РФ от 11 ноября 2011 г., в Четырехстороннем соглашении Минэкономразвития (Минэкономразвития, ВЭБ, АСИ, Деловая Россия) от 21 декабря 2011 г. и т.д.

Следующим этапом государственного регулирования, поддержки и успешной реализации кластерной политики в России должно быть принятие соответствующего федерального и регионального законодательства.

С 11 июля 2014 г. вступил в силу Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³ который устанавливает «единые требования к системе стратегического планирования социально-экономического развития на федеральном, региональном и муниципальном уровнях».

¹Об утверждении «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Распоряжение Правительства РФ от 8.12.2011 № 2227-р.

²Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года // Распоряжение Правительства РФ от 5.07.2010 №1120-р.

³Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" //

<http://base.garant.ru/70684666/#help#ixzz3d9q2Wrfw> .

Ранее в 1995 году был принят закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РФ»¹ который теперь утратил силу и фактически был направлен лишь на разработку прогнозов, а из документов планирования указывались лишь концепции и программы социально-экономического развития на долгосрочную, среднесрочную и краткосрочную перспективы.

Только сейчас возникло понимание того, что в России должна быть создана *единая система* стратегического планирования, которая стала рассматриваться как одна из ключевых задач обеспечения национальной безопасности страны и ее регионов.

В этой системе все документы стратегического планирования на всех уровнях должны быть согласованы по целям, задачам, приоритетам и показателям достижения целей. Временной период стратегического планирования составляет от 6 до 12 лет, что позволяют обеспечить преемственность целей и задач социально-экономического развития территорий при смене руководителей, которые избираются на 5 лет.

В новом законе из перечня документов стратегического планирования исключены федеральные целевые программы (ФЦП), которые заменены госпрограммами. Исключены также долгосрочные целевые программы (ДЦП) и концепции социально-экономического развития, а отраслевые программы заменены отраслевыми и межотраслевыми стратегиями. На уровне региона остаются только государственные программы, разрабатываемые в рамках приоритетных направлений социально-экономического развития региона.

В законе 115-ФЗ введены «промежуточные» уровни стратегического планирования – межрегиональный и межмуниципальный уровни. Межрегиональный уровень – это уровень федеральных округов (они названы макрорегионами), стратегии развития которых становятся важными инструментами согласования стратегических целей, задач и приоритетов развития регионов со стратегическими документами федерального уровня. Межмуниципальный уровень вводит разработку межмуниципальных стратегий (части территории субъекта РФ). На муниципальном уровне

¹Федеральный закон РФ от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ "О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации" // <http://base.garant.ru/1518908/#help#ixzz3dA5SvZyG>.

введен набор стратегических документов, которые могут быть разработаны по решению органов местного самоуправления. В законе также описаны цель, задачи, принципы организации и порядок проведения мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

В советской планово-директивной экономике стратегия социально-экономического развития территории определялась комплексом из трех стратегических документов: «Схемой развития и размещения производительных сил» (взаимосвязь «индустрия-природа»), «Схемой сохранения и создания рабочих мест» (взаимосвязь «человек-индустрия»), «Схемой расселения» (взаимосвязь «природа-человек»).

Схема развития и размещения производительных сил разрабатывалась, исходя из планов отраслей по объемам и размещению производств в соответствии с региональным разделением труда. При этом должны были учитываться: региональные потребности; имеющиеся мощности строительно-монтажных организаций, транспорта и энергетики; научно-технический и производственный потенциал; трудовые ресурсы и т.д. Система производительных сил включала в себя 6 элементов:

- 1) *рабочую силу* с присущим ей уровнем квалификации, образования и трудовых навыков;
- 2) *науку* как накопленные знания;
- 3) *технику производства* в широком смысле (средства и предметы труда, технологии);
- 4) *силы природы* в той мере, в которой они вовлечены в производство;
- 5) *формы организации труда*, способы соединения людей в процессе производства;
- 6) *формы управления экономикой*.

Перспективный период составлял 15 лет, анализ исходной базы социального и экономического развития (ретроспективный период) – также 15 лет. Как анализ, так и разработка основных показателей размещения и развития производительных сил (в том числе – по количеству рабочих мест) проводились в разрезе отраслей народного хозяйства.

При разработке схем учитывались: партийные и государственные программные и директивные документы; концепции развития производительных сил; комплексные программы научно-технического прогресса; отраслевые программы; пятилетние пла-

ны и прогнозы; предложения местных плановых органов и научных организаций¹.

После распада СССР и упразднения Госплана и Госснаба планирование в России было фактически отменено. В новом федеральном законе 2014 года о стратегическом планировании № 172-ФЗ система стратегического планирования состоит из следующих документов.

На федеральном уровне основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития страны является ежегодное послание Президента РФ Федеральному собранию, а также указы Президента, раскрывающие суть послания. Раз в шесть лет разрабатываются Стратегия социально-экономического развития страны и Стратегия обеспечения национальной безопасности России.

Эти документы разрабатываются на основе стратегического прогноза Российской Федерации (разрабатывается на 12 и более лет), долгосрочного прогноза социально-экономического развития России и прогноза научно-технологического развития страны (разрабатываются каждые 6 лет на период 12 и более лет), бюджетного прогноза на долгосрочный период и прогноза социально-экономического развития страны на среднесрочный период (разрабатывается ежегодно).

На основе указанных выше стратегий разрабатываются отраслевые документы стратегического планирования. К ним относятся: межотраслевые стратегии и генеральные схемы (они обязательны для тех сфер, где действуют естественные монополии – топливно-энергетического и транспортного комплексов), отраслевые стратегии и стратегии отдельных сфер социально-экономического развития.

Систему стратегического планирования федерального уровня дополняют программные документы: Основные направления деятельности Правительства РФ (на шесть лет), государственные программы РФ (период их действия определяется Правительством РФ), государственная программа вооружения РФ и планы деятельности федеральных органов исполнительной власти (на шесть лет).

¹Лизунов В.В. Стратегическое планирование в условиях системного кризиса // Стратегические направления регионального развития Российской Федерации. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции (16–18 ноября 1999 г.). – Омск: Курьер, 1999. – С.121–122.

Межрегиональный уровень (уровень федеральных округов).

Новым стратегическим документом в нашей стране, необходимым для выработки и реализации сбалансированной региональной политики, становится Стратегия пространственного развития России. На ее основе будут разрабатываться Схема территориального планирования РФ и стратегии социально-экономического развития макрорегионов. Подобные стратегии существовали и ранее как стратегии социально-экономического развития федеральных округов, но они не носили легитимного и обязательного характера. Теперь стратегии макрорегионов должны обеспечить взаимное согласование (как пространственное, так и временное) реализации мероприятий, включенных в стратегии социально-экономического развития субъектов РФ и их генеральных схемы, с целями, задачами и приоритетами федеральных документов стратегического планирования.

Стратегии социально-экономического развития макрорегионов могут служить основанием для принятия решения о разработке государственных программ Российской Федерации, сформированных по территориальному принципу.

На уровне субъектов Российской Федерации система стратегического планирования включает аналогичную систему стратегических документов. В регионе должна быть разработана стратегия социально-экономического развития на срок до 12-ти лет. Эта стратегия является основой для разработки государственных программ субъекта РФ и региональной схемы территориального планирования. В обязательном порядке должен быть разработан план мероприятий по реализации стратегии.

В соответствии с законом, в регионе могут быть разработаны стратегии социально-экономического развития части территории субъекта РФ (например, для нескольких муниципальных образований), для которой требуется выработка особых целей, задач и направлений развития.

Так же как и на федеральном уровне, стратегические документы должны основываться на долгосрочном прогнозе социально-экономического развития региона, который разрабатывается каждые 6 лет на 12 и более лет, долгосрочном бюджетном прогнозе субъекта РФ и прогнозе социально-экономического развития региона на среднесрочный период.

На муниципальном уровне система стратегического планирования представлена стратегией социально-экономического раз-

вития муниципального образования, муниципальными программами и планом мероприятий по реализации стратегии. В муниципальном образовании также должны быть разработаны прогнозы социально-экономического развития на долгосрочный и среднесрочный периоды, бюджетный прогноз.

В законе ничего не говорится о концепциях социально-экономического развития муниципальных образований. Кроме того, в статье 39 закона указано, что стратегия и план мероприятий по ее реализации могут разрабатываться по решению органов местного самоуправления¹.

Кластерные стратегии и программы в соответствии с законом могут быть включены в документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне Российской Федерации, макро-региона и субъекта РФ. На уровне региона кластеры с необходимостью включаются в стратегию социально-экономического развития субъекта РФ, прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период, бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период, план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, государственные программы субъекта РФ, схему территориального планирования субъекта РФ.

При этом План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ содержит: этапы реализации стратегии – 3 года (для первого этапа реализации стратегии и текущего периода бюджетного планирования) и 3–6 лет (для последующих этапов); цели и задачи социально-экономического развития субъекта РФ, приоритетные для каждого этапа; показатели реализации стратегии и их значения (для каждого этапа); комплексы мероприятий и перечень государственных программ субъекта РФ, обеспечивающие достижение целей; иные положения, определенные руководством региона.

Современное комплексное развитие регионов как эффективных социально-экономических систем требует не только модернизации и оптимального размещения предприятий, использования эффективных форм кооперации, создания конкурентоспособ-

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" // http://base.garant.ru/70684666/1/#block_100.

ных *экономических кластеров*, но и сбалансированного пространственного развития территорий с учетом природно-ресурсного, производственного и кадрового потенциала, уровня хозяйственной освоенности, экологического состояния, исторических предпосылок, менталитета населения, хозяйственной ёмкости и культурной освоенности ландшафтов.

Поэтому для регионов и крупных городов России первоочередными полисистемными задачами (с учетом мировой практики *обновления городов*) следует считать разработку проектов создания *социально-производственно-экологических зон* нового типа (XXI века), включающих *концептуальные схемы* и основные механизмы реализации *стратегий развития* (региона, района или города) с широким привлечением *профессиональной общественности (форсайт)*.

Проекты должны включать развитие необходимой инфраструктуры, оптимальное реструктурирование и модернизацию существующих крупных промышленных зон предприятий (в том числе – оборонных), экологических объектов, жилых микрорайонов и пустырей, создание эффективных транспортно-логистических систем и рекреационно-экологических зон.

Эта цель достигается решением *следующих задач*:

1. Поиск, отбор и анализ имеющихся градостроительных архитектурно-планировочных, экологических, транспортных и других информационных материалов по объектам на территории выделенной производственно-экологической зоны.

2. Проведение необходимых комплексных обследований на местности с целью оформления заключений о состоянии и ресурсных возможностях различных участков территории.

3. Разработка комплексной Концепции создания производственно-экологической зоны нового типа (XXI века) на территории с учетом обновления и реструктуризации промышленных зон и предприятий, жилых микрорайонов, экологических объектов и пустырей, рекреационно-экологических участков.

Основными этапами проекта могут быть:

Этап 1. Поиск, отбор и анализ имеющихся градостроительных архитектурно-планировочных, экологических, транспортных и других информационных материалов по объектам на территории, выделенных жилой и производственно-экологической зон.

Этап 2. Создание рабочих групп, разработка заданий и проведение необходимых специализированных и комплексных обследований.

дований на местности с целью оформления заключений о состоянии и ресурсных возможностях различных объектов и участков территории.

Этап 3. Привлечение необходимых специалистов и разработка материалов комплексной Концепции создания пилотной производственно-экологической зоны нового типа (XXI века) на территории с использованием инновационных транспортных систем и развязок.

Этап 4. Составление итогового отчёта, презентация и публичное обсуждение комплексной Концепции создания пилотной производственно-экологической зоны нового типа.

Этап 5. Подведение итогов общественных обсуждений и разработка рекомендаций по реализации проекта.

Исполнителями и участниками работ по проекту могут быть целевые рабочие группы (включающие социотехноструктуры, «фабрики мысли», бесприбыльные корпорации и т.д.) из специалистов органов регионального и муниципального управления, градостроительных организаций, преподавателей и студентов вузов, работников промышленных предприятий и консалтинговых организаций, представителей ассоциаций промышленников и предпринимателей, научных общественных и академических организаций (в том числе – Российской Академии наук (РАН), Российской Академии архитектуры и строительных наук (РААСН), Всероссийского общества охраны природы (ВООП), Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), Международной академии информатизации, Российской инженерной академии (РИА), Российской Академии транспорта (РАТ) и др.), членов экологических клубов, учащихся и преподавателей гимназий и колледжей, активистов КТОСов, волонтеров и т.д.¹.

¹Лизунов В.В. От производственных кластеров к социально-экономическим системам // Динамика систем, механизмов и машин. Мат-лы IX Международной IEEE научно-технической конференции (11–14 ноября 2014 г.). – 2014. – № 5. С. 116–123. URL – http://elibrary.ru/title_about.asp?id=50500, с. 122;

Лизунов В.В. От производственных кластеров к социальному партнерству и культурному ландшафту // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2014. – № 19, с. 98.

Основные выводы по разделу

В ходе проведенного исследования проведен исторический анализ комплексных работ, посвященных пространственной кооперации и конкуренции, которые являются основными факторами, определяющими конкретные эффективные формы территориальной организации производства (приоритет У. Айзарда). Отмечены различия между научными школами европейских государств и Северной Америки.

Показано, что экономическими географами и экономистами в СССР также велись обсуждения *комплексного подхода*, как метода научных исследований и плановых разработок, и *комплекса*, как объекта планирования и управления (идеи Н.Н. Колосовского 1930-х годов), был разработан «метод энерго-производственных циклов» (ЭПЦ). В дальнейшем рассматривалось сочетание более детальных производственных цепочек и селитбы (населенных мест), сформировалось понятие территориально-производственных комплексов (ТПК).

В послевоенные годы понятие ТПК стало применяться как для характеристики развития сложившихся административно-территориальных образований, так и для описания схем размещения и вариантов развития производств в регионах. К примеру, М.К. Бандманом предложено различать два типа ТПК – традиционные и программно-целевые. В современных работах (И.В. Пилипенко) сравнивается *современная концепция кластеров* с теорией программно-целевых ТПК в СССР в период крупномасштабного освоения природных ресурсов Сибири. Однако они не являются прообразами кластеров, как маршалловы *промышленные узлы* и итальянские *промышленные округа*, поскольку создавались, как правило, на пустом месте и имели *жесткую схему* организации связей предприятий.

Показано, что *производственные кластеры*, характеризующиеся гибкой схемой организации производства («постфордизм») и внутренней конкуренцией (заставляющей их постоянно совершенствоваться и вводить инновации), в настоящее время стали считаться наиболее эффективной формой региональной пространственной организации производства. Они образуются там, где уже сформировалась определенная предпринимательская среда.

Проведен анализ областей использования понятия «кластер», а также характеристики, факторы и условия формирования *экономического кластера*, используемые для определения конкурентоспособности региона или страны (М. Портер).

Показано, что современная экономика и управление рассматривают создание *кластеров* как комплексный механизм развития, обеспечивающие рост конкурентоспособности региона на основе инноваций и синергетических эффектов территориальной *самоорганизации* и *партнёрства*, обеспечивающих формирование *инновационного сообщества* как субъекта развития территории. Кластеры создают особую форму инноваций – *совокупный инновационный продукт*, поскольку *спонтанная концентрация* разнообразных научных и технологических новшеств заменяется *оптимальной системой* распространения и реализации новых знаний и технологий.

В разделе представлены: классификация кластеров, необходимые изменения в промышленной политике, стадии *идеального развития* регионального кластера (М. Стоппер), особенности и современные проблемы формирования кластеров в России, описанные рядом отечественных авторов (Н.И. Ларина, А.И. Панченко, М.В. Винокурова, И.С. Ферова, А.Б. Пушкаренко, В.И. Филатов, В.З. Ямпольский, В.А. Крюков, В.В. Карпов., В.В. Лизунов и др.). Проведен анализ *«спонтанных» кластеров – протокластеров*, образованных вокруг ключевых отраслей промышленности (химической, нефтегазовой, металлургии, машиностроения, информатики и др.), *инструментов кластерной политики* в виде интеграции всех основных действующих форм социально-экономического развития регионов: программ поддержки малого бизнеса, технопарков, промпарков, особых экономических зон, центров «трансфера» технологий; инвестиционных и венчурных фондов; национальных и региональных проектов; целевых и адресных инвестиционных программ и т.д.

Особое внимание обращено на *«ядро кластера»*, под которым понимается одно или несколько предприятий, конкурентоспособных на мировом рынке, *«кластерные инициативы»* – проекты и программы активных субъектов (акторов), разрабатывающих и реализующих программы формирования и развития кластеров, *«кластерный консалтинг»* – предоставление услуг специалистов и экспертов по оценкам, прогнозам и реализации различных этапов кластерных проектов, *«кластерный менеджмент»* – преподавание

теоретических основ и практическая реализация управления кластерными инициативами, а также комплекс образовательных и консультационных мероприятий с привлечением ведущих специалистов и заинтересованных сторон, в формате которого могут быть: рабочие группы; семинары и совещания, «круглые столы», конференции; тематические публикации; экспертизы, образовательные курсы и пр. Задачами рабочих групп такого типа – «*фабрик мысли*» (социотехноструктур) на региональном и муниципальном уровнях должны быть: выявление, диагностика и моделирование потенциальных кластеров; разработка, согласование и оптимизация программ их развития; координация взаимодействия кластеров; снятие ведомственных и отраслевых ограничений.

Проведен подробный анализ роли кластеров в инновационном развитии и конкурентоспособности регионов. Показана особая роль в функционировании и развитии кластера как единого организма его *инфраструктурных элементов*, создаваемых за счет обобществления ресурсов или расширения функций участников кластера, «эффектов масштаба», «креативного» капитала, методов «*спин-офф*» («*раскручивания*» *бизнеса*), специфического сочетания отношений соперничества и сотрудничества (конкуренции и кооперации) во взаимодействиях участников кластера, в том числе *положительных внешних эффектов – экстерналий* (А. Маршалл) как воздействия *рыночной трансакции* на третьих лиц, не опосредованных рынком, и связанных с распространением достижений в рамках близлежащих территорий, оказывающих при этом положительное влияние на развитие региона, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Проведено исследование места и роли кластеров в современном подходе к стратегическому планированию в России, в том числе – анализ нормативно-правовых документов, в том числе Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «*О стратегическом планировании в Российской Федерации*».

Проведено сравнение с практикой использования в советской планово-директивной экономике в целях социально-экономического развития территории комплекса из трех стратегических документов: «Схемы развития и размещения производительных сил» (взаимосвязь «индустрия-природа»), «Схемы сохранения и создания рабочих мест» (взаимосвязь «человек-индустрия»), «Схемы расселения» (взаимосвязь «природа-человек»), имеющими перспективный и ретроспективный периоды в 15 лет.

Показано, что кластерные стратегии и программы в соответствии с 172-ФЗ могут быть включены в документы стратегического планирования, разрабатываемые на уровне Российской Федерации, макрорегиона и субъекта РФ. На уровне региона кластеры включаются в стратегию социально-экономического развития субъекта РФ, прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период, бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период, прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период, план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, государственные программы субъекта РФ, схему территориального планирования субъекта РФ.

При этом План мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ содержит: этапы реализации стратегии – 3 года (для первого этапа реализации стратегии и текущего периода бюджетного планирования) и 3–6 лет (для последующих этапов); цели и задачи социально-экономического развития субъекта РФ, приоритетные для каждого этапа; показатели реализации стратегии и их значения (для каждого этапа); комплексы мероприятий и перечень государственных программ субъекта РФ, обеспечивающие достижение целей; иные положения, определенные руководством региона.

Утверждается необходимость при современном комплексном развитии регионов как эффективных социально-экономических систем не только проведения модернизации и оптимального размещения предприятий, а также использования эффективных форм кооперации, создания конкурентоспособных *экономических кластеров*, но и сбалансированного пространственного развития территорий с учетом природно-ресурсного, производственного и кадрового потенциала, уровня хозяйственной освоенности, экологического состояния, исторических предпосылок, менталитета населения, хозяйственной ёмкости и культурной освоенности ландшафтов.

Предложено для регионов и крупных городов России первоочередными полисистемными задачами (с учетом мировой практики *обновления городов*) считать разработку проектов создания *социально-производственно-экологических зон* нового типа (XXI века), включающих *концептуальные схемы* и основные механизмы реализации *стратегий развития* (региона, района или города) с широким привлечением *профессиональной общественности (форсайт)*.

Проекты должны включать развитие необходимой инфраструктуры, оптимальное реструктурирование и модернизацию существующих крупных промышленных зон предприятий (в том числе – оборонных), экологических объектов, жилых микрорайонов и пустырей, создание эффективных транспортно-логистических систем и рекреационно-экологических зон. Представлен перечень задач, этапы, предполагаемые исполнители и участники работ.

Основным выводом раздела является то, что наряду с рыночными процессами и явлениями, сопровождающими переход к товарному ведению хозяйства в России, крупные корпорации и производственные кластеры в настоящее время становятся ключевыми элементами региональных социально-экономических систем и являются базой для эффективной реализации конкурентоспособных стратегий сбалансированного социально-экономического развития территорий. Проведен подробный исторический и содержательный анализ, описаны необходимые условия и предложены механизмы их формирования и реализации.

2.3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ¹

Возросшие геополитические риски в совокупности с замедлением экономического роста в России диктуют необходимость перехода от экстенсивного пути развития к интенсивной модернизации экономики. За десятилетия трансформации национальной экономики произошли более чем существенные структурные изменения в промышленном комплексе. В отсутствие инвестиций некогда развитый промышленный комплекс претерпел моральный и физический износ, произошло изменение хозяйственных укладов. На сегодняшний день промышленный комплекс не способен обеспечить необходимый объем выпуска и качество продукции для удовлетворения возрастающих потребностей национальной экономики.

Необходимость возрождения мощностей отечественной промышленности (в качественном и количественном аспектах) не представляется возможным без инновационных решений в области организации промышленного производства на территории. Перво-

¹ Исследование выполнено при поддержке Совета молодых ученых ИЭОПП СО РАН.

степенной задачей в этом процессе является раскрытие богатого природного и человеческого потенциала, который сосредоточен в сибирских регионах. При этом достижение данного результата должно отталкиваться от современного уровня научного осмысления вопросов региональной промышленной политики, от которого зависит результативность принимаемых государственных решений.

Дело в том, что российская экономика обладает своими институциональными особенностями, которые не всегда учитываются при принятии решений на государственном уровне. Специфика российской модернизации заключается в частом игнорировании теоретического наследия и возможностей научной интеграции в погоне за модными инновациями. Всякое решение должно соответствовать принципу корреспондентности и когерентности – быть эмпирически подкрепленным и не противоречить ранее установленным фактам. Несоблюдение этих принципов привело к тому, что государственными деятелями были упущены из виду результаты, достигнутые при внедрении различных теоретических положений в практику региональной промышленной политики.

Концептуальные основы региональной промышленной политики

Вопросы региональной промышленной политики продолжительное время являются объектом изучения российских и зарубежных авторов, объединенных между собой в научные направления и школы. Основой данных научных направлений послужили работы классиков теории организации промышленного производства: теории экономического районирования Н.Н. Колосовского, теория кластеров Р. Портера и теория полюсов роста Ф. Перру.

Теория полюсов роста рассматривает развитие промышленности через доминирование одних экономических агентов над другими. Перру считал, что в условиях конкуренции социальные и экономические отношения базируются на неравенстве, возникающим в результате неравномерного распределения ресурсов и поддерживаемым рядом капиталистических стимулов¹. Страте-

¹ Perroux F., Labadie J. Information: A Factor of Economic Progress // Diogenes. – 1958. – Vol. 6 (21). – P. 26–49.

гия доминирования способствует созданию полюсов или точек роста, которые приводят к поляризации территории. В рамках полюса роста происходят процессы интеграции и локализации, способствующие достижению экономической эффективности в рамках отдельной отрасли. Отношения конкуренции, по мнению Перру, в рамках локализованной мезоединицы замещаются кооперацией и способствуют росту производительности. Данная концепция являлась аргументом экономических реформ конца 40-х годов XX века во Франции, именуемых «дирижизмом». Последствия данных реформ трактуются неоднозначно, но на сегодняшний день взгляды Перру развились в концепцию индикативного государственного планирования, представителями которой являются А.Г. Аганбегян¹, Р.С. Гринберг², И.В. Макарова³, В.С. Ефимов⁴ и др.

В советской России аналогом полюсов роста выступили территориально производственные комплексы (ТПК). Под ТКП понималась система производственных предприятий, расположенных в пределах ограниченных территорий, которые связаны между собой производственными связями⁵. Производственные связи объединяются в промышленные узлы, которые являются частью ТКП. Промышленный узел представляет собой концентрацию предприятий различной отраслевой принадлежности на локализованном пространстве. В виду того, что ТКП (по своей природе) является результатом государственного планирования, то специализация развития региона должна определяться ресурсно-сырьевым потенциалом и возможностью достижения наивысшего эффекта от масштаба за счет комбинирования технологических процессов.

¹ Аганбегян А.Г. О новой промышленной политике // ЭКО. – 2012. – № 6. – С. 4–22.

² Гринберг Р.С. Структурная политика – безальтернативное средство модернизации российской экономики // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 9–18.

³ Макарова И.В., Коровин Г.Б. Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 31. – С. 2–13.

⁴ Ефимов В.С., Ефимов А.В. Промышленная политика и возможности импортозамещения для Сибири и Дальнего востока // ЭКО. – 2015. – № 2. – С. 14–27.

⁵ Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: Мысль., 1969. – 336 с.

Несмотря на то, что генезис ТПК пришелся на плановую экономическую систему, метод районирования продолжает вызывать интерес в условиях преобладания рыночных отношений, чему свидетельствует ряд работ российских ученых, посвященных неоиндустриализации: А.И. Татаркина¹, О.И. Романовой² и А.В. Гребенкина³

В условиях рыночной экономики, особое значение приобрела теория конкурентных преимуществ М. Портера. Теория конкурентных преимуществ акцентируется на анализе производств, отраслей и их совокупностей, способных сгенерировать процесс кластеризации⁴. Портер дает очень широкое определение кластера, как «географической концентрации взаимосвязанных предприятий, поставщиков и связанных с ними учреждений в конкретной области»⁵. Понятие кластера сильно граничит с определением ТПК, но между данными экономическими явлениями присутствует существенное различие. Кластер это стихийно образовавшаяся зона по примеру полюса роста, но за малым исключением. Во-первых, внутри самого кластера продолжает существовать конкуренция между фирмами, а, во-вторых, внутри кластера осуществляется инновационный процесс⁶.

В российском экономическом дискурсе теория конкурентных преимуществ нашла свою интерпретацию в работах

¹ Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: теоретические основы, практика реализации // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 6. – С. 19–23.; Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика и механизм её реализации: системный подход // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19–31.

² Романова О.А. Неоиндустриализация как фактор повышения экономической безопасности старопромышленных регионов // Экономика региона. – 2012. – № 2. – С. 70–80.

³ Гребенкин А.В. О трансгрессивном подходе к региональной промышленной политике // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 51–99.

⁴ Porter M. The Competitive Advantage of Nations. New York: The Free Press. 1990. – P. 857.

⁵ Porter M. Location, Competition, and Economic Development: Local Clusters in a Global Economy // Economic Development Quarterly. – 2000. – Vol. 14. – P. 15.

⁶ Розанова Н.М. Политика поддержки конкуренции и промышленная политика в зарубежных странах // TERRA ECONOMICUS. – 2006. – № 1. – С. 32–47.

О.И. Жданова¹, О.В. Горшенева², Н.М. Розанова³ и др. Согласно российским ученым, процесс кластеризации может быть инициирован с помощью внешнего управленческого воздействия со стороны государства. В результате этого в ряде регионов России были разработаны стратегии и планы промышленного развития территорий, в основу которых заложен кластерный подход.

Однако на сегодняшний день в теории и практики отсутствует единое мнение об использовании кластерного подхода в региональной промышленной политике. До сих пор возникают многочисленные споры о возможности «искусственного» создания кластеров и их роли в экономическом развитии.

Развитие концептуальных основ региональной промышленной политики возможно на основе неинституционального подхода, который органически включает теоретическое наследие прошлого в современные исследования, учитывая большее количество факторов и ограничений. Возможности неинституционализма связаны, в первую очередь, с использованием в анализе категорий «институт» и «транзакционные издержки». Рассмотрение «дирижирования» во Франции и районирования в СССР приводит к выводу, что их результативность достигнута благодаря возможности снижения уровня транзакционных издержек в процессе производственной локализации. Автор теории транзакционных издержек Р. Коуз отмечал: «чтобы осуществить рыночную транзакцию, необходимо определить, с кем желательно заключить сделку, оповестить тех, с кем желают заключить сделку, о ее условиях, провести предварительные переговоры, подготовить контракт, собрать сведения, чтобы убедиться в том, что условия контракта выполняются, и так далее. Эти операции порой влекут за собой чрезвычайно большие издержки»⁴. При существовании географической и социальной близости транзакционные издержки будут минимизироваться. Иссле-

¹ Жданова О.И. Кластер как инструмент промышленной политики региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 9. – С. 60–67.

² Горшенева О.В. Кластеры: сущность, виды, принципы организации и создания в регионах // TERRA ECONOMICUS. – 2006. – № 4–2. – С. 75–80.

³ Розанова Н.М., Костенко Е.Д.. Инновационные кластеры и кластерная политика государства: провалы рынка vs провалы государства // TERRA ECONOMICUS. – 2014. – № 1. – С. 41–52.

⁴ Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: Новое издательство. 2007. – С. 109.

дованию влияния промышленной политики на уровень транзакционных издержек посвящены работы А.Е. Шаститко¹, Л.И. Лугачева², В.Г. Логинова³, М.Х. Балкизова⁴ и др.

С точки зрения неoinституционализма, основной целью промышленной политики является создание институциональной среды, благоприятствующей локализации и интеграции фирм. Институциональная среда представляет собой совокупность основополагающих социальных, политических и экономических правил, определяющих рамки поведения экономических агентов. Д. Норт отмечал, когда транзакции сопровождаются издержками, институты приобретают значение в качестве координирующего механизма, снижающего уровень транзакционных издержек⁵. Институциональная среда в большей мере, чем просто ресурсы или власть способствуют осуществлению процесса локализации и интеграции. Но генезис локальных институтов порой противоречит институтам высшего порядка и легитимированным нормам, тем самым образуя «неуправляемые зоны». Таким образом, результативность региональной промышленной политики отталкивается от учета существующих институциональных условий при выборе форм развития промышленности, а также реализации связанных с ними стратегий и программ.

Однако недостаток знаний об институциональных условиях на отдельно взятых территориях ограничивает возможности использования современных теоретических положений (в частности кластерного подхода) при реализации региональной промышленной политики, ориентированной на реализацию целей модернизации национальной экономики.

¹ Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Промышленная и конкурентная политика: проблемы взаимодействия и уроки для России // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 18–32.

² Лугачева Л.И., Мусатова М.М. Институты регионального промышленного развития // ЭКО. – 2006. – № 6. – С. 113–125.

³ Логинов В.Г., Мельников А.В. Этнические и институциональные аспекты освоения природных ресурсов севера // Экономика региона. – 2013. – № 1. – С. 96–104.

⁴ Балкизов М.Х., Боков А.А. Развитие институционально-экономического механизма промышленной политики // TERRA ECONOMICUS. – 2012. – № 4–3. – С. 20–22.

⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнер. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 26.

Региональная промышленная политика через призму согласования интересов социальных групп

В исследовании институциональных условий региональной промышленной политики, характерных для большинства сибирских регионов, мы прибегли к институциональному подходу, согласно которому региональная промышленная политика представляет собой социально-экономический механизм формирования институциональной среды, в который вовлечены различные социальные группы.

Дело в том, что в процессе разработки правил, социальные группы оказывают давление на государство с целью продвижения собственного интереса. В этом смысле, вслед за американским экономистом Г. Беккером, стоит именовать данные группы «группами давления»¹. Согласно Г. Беккеру, группы давления, обладая организационными преимуществами, получают выгоды от установления благоприятствующих им правил. Для получения государственной поддержки фирмы и их объединения могут инвестировать часть своего дохода в политиков (путем прямого подкупа или поддержки избирательных кампаний), в финансирование научных исследований и в средства массовой информации, формируя общественную потребность в правилах. Например, в 2010 году в Омской области стартовала информационная программа по формированию благоприятного общественного мнения относительно проекта «ПАРК». В результате Правительством Омской области были внесены поправки в Стратегию и приняты программы финансовой поддержки четырех кластеров. При этом был определен ограниченный перечень аффилированных лиц, имеющих доступ к данным программам. Однако к 2015 году частично внедрен в действие лишь один из кластеров, несколько проектов были заморожены.

Таким образом, можно сформулировать основную гипотезу исследования: правила, определяющие характер государственной поддержки промышленных предприятий, выступают источниками власти, позволяющими социальным группам воспроизводить свои социально-экономические позиции.

¹ Becker G. Public Policies, Pressure Groups, and Dead-Weight Costs // Journal of Public Economics. – 1985. – Vol. 28. – P. 329–347.

Анализ принимаемых программ по реализации региональной промышленной политики в Кемеровской¹, Новосибирской², Омской³, Тюменской⁴ областях показывает, что они, с одной стороны, реализуют определенные интересы групп давления (федеральных государственных корпораций, локальных бизнес-сообществ), с другой стороны, базируются на политических идеологиях. Если первое положение определяется преобладающими хозяйственными укладами, то второе положение зависит от уровня политической культуры.

Мы предполагаем, что при реализации региональной промышленной политики на уровне субъектов РФ происходит столкновение различных экономических интересов групп давления с преобладающими политическими идеологиями. Комбинация этих интересов и идеологий зависит от институциональных условий, свойственных конкретной территории, а их согласованность, в свою очередь, определяет степень результативности региональной промышленной политики. Таким образом, целью нашего исследования является выявление институциональных условий, при которых региональная промышленная политика приводит к согласованию интересов социальных групп.

Представляется, что интересы социальных групп зависят от форм преобладающих отношений, которые связаны с имеющимися у индивидов представлениями о ценности. Французский социолог Л. Тевено предложил называть данные представления «порядками значимого», которые, применительно к региональной промыш-

¹ Программа экономического и социального развития Кемеровской области на период 2007–2012 гг. / Администрация Кемеровской области. – URL: <http://www.ako.ru/Ekonomik/program.asp?n=1> (12.03.2015).

² Государственная программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности в Новосибирской области на 2015–2020 годы» / Министерство промышленности, торговли и развития предпринимательства Новосибирской области. – URL: <http://www.minrpp.nso.ru/page/1408> (12.03.2015).

³ Государственная программа Омской области «Развитие промышленности Омской области» / Омская Губерния. – URL: <http://mec.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/MEC/industry/> (12.03.2015).

⁴ Государственная программа Тюменской области «Развитие промышленности, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности» до 2020 года / Официальный портал Тюменской области. – URL: https://www.admtymen.ru/ogv_ru/gov/administrative/invest_department/programs/ (14.03.2015).

¹ Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. – 2001. – №1. – С. 112.

ленной политике, определяют характер организации хозяйственных связей. Проанализировав практики реализации региональной промышленной политики в ряде субъектов РФ с помощью контент-анализа СМИ¹, а также используя разработки отечественных социологов (Т.И. Заславская², В.В. Радаев³), нами предложена структура «порядков значимого», характерных для преобладающих на уровне регионов социальных групп (табл. 2.1).

Таблица 2.1

«Порядки значимого» в региональной промышленной политике

Порядок	Субъект	Форма отношений	Организация среды
Рыночный (экономическая выгода)	«новый» бизнес-слой	Денежная Конкуренция	Глобальный Рынок
Индустриальный (производительность)	«старый» бизнес-слой	Производственная кооперация	Картезианское пространство
Гражданский (коллективный интерес)	Население	Солидарность	Комфортная Среда
Либерально-политический (репутация)	«новые» политические элиты	Политическая конкуренция	Биполярная Среда
Консервативно-политический (уважение)	«старые» политические элиты	Доверие	Однополярная среда (личная близость)

1) рыночный порядок представлен «новым» бизнес-слоем, образованным в трансформационный период. Как правило, представители рыночного порядка оперируют рыночными идеалами и ориентируются на денежную форму взаимоотношений. Основным мотивом и ценностью выступает извлечение денежного дохода, при этом сфера деятельности имеет второстепенное значение;

¹ Выборочная совокупность составила более сотни материалов крупных федеральных и региональных печатных и интернет изданий, опубликованных в период 2010–2015 гг.

² Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 3–11.

³ Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. – 1995. – № 1. – С. 159–181.

2) индустриальный порядок сформирован «старым» бизнес-слоем, возникшим ещё во времена советской перестройки. Унаследовав советскую систему ценностей, представители данной социальной группы стремятся к кооперации и росту производственной эффективности;

3) гражданский порядок представлен населением, которое характеризуется инертностью и не оказывает существенного влияния на процесс и результаты региональной промышленной политики. Даже в случае общественных волнений (например, при строительстве кремневого завода в Омской области), население выступает инструментом в руках отдельных бизнес-групп при реализации давления на органы власти;

4) либерально-политический порядок репрезентируется в практиках «молодых» политических элит на уровне субъектов РФ. Представители либерально-политического порядка, как правило, реализуют политику, направленную на развитие политической и экономической конкуренции посредством стимулирования некоммерческого сектора и предпринимательской активности;

5) консервативно-политический порядок представлен сторонниками традиционных политических ценностей. Представители данного порядка в большей мере склонны предоставлять преференции своему окружению, тем самым ограничивая экономическую и политическую конкуренцию.

Перечисленные порядки представляют собой «идеальные типы», описывающие практики взаимодействия социальных групп при реализации региональной промышленной политики. При этом мы предполагаем, что конфигурации данных порядков определяют формат реализации региональной промышленной политики через описанные ранее модели организации промышленного производства на территории (рис. 2.2).

	Рыночный	Индустриальный
Либеральный	Портеровский Кластер	Российский Кластер
Консервативный	Полюс роста	ТПК

Рис. 2.2 Модели организации промышленного производства на территории в зависимости от конфигураций «порядков значимого»

Для доказательства данной гипотезы мы решили рассмотреть процесс трансформации региональной промышленной политики в Омской области, используя стратегию case study. Данная стратегия предполагает эмпирическое исследование отдельно взятого объекта (в данном случае протяженного события) в его историческом развитии¹. Выбор в качестве эмпирического объекта Омской области обусловлен типичностью данного региона с точки зрения региональной промышленной политики. Омская область является старопромышленным регионом, на территории которого находится большое количество крупных производственных предприятий (ОМО им. П.И. Баранова, ПО Полет, Омский завод транспортного машиностроения и т.п.). При этом Омская область обладает достаточным потенциалом для развития собственных производительных сил, который до сих пор является нераскрытым. В связи с этим обстоятельством, нами выделены исследовательские вопросы:

1) Как изменялась региональная промышленная политика в Омской области в период с 1992 до 2015 гг.?

2) В чьих интересах осуществлялась региональная промышленная политика в Омской области?

3) Какие факторы повлекли к низкой результативности региональной промышленной политики в регионе?

В качестве методов сбора эмпирической информации использовались анализ документов (материалы региональных и федеральных СМИ) и экспертный опрос (опрошено 20 информантов, в том числе 8 экс-чиновников, 6 бизнесменов, 2 представителя НКО, 3 депутатов и 1 журналист).

Институциональная трансформация региональной промышленной политики в Омской области

В результате проведенного исследования были выявлены периоды трансформации региональной промышленной политики в Омской области и определены характерные для них институциональные условия.

¹ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. – СПб.: Интерсоцис, 2006. – С. 65.

Первый период (1991–1995 гг.) ознаменовался началом трансформационных процессов в российском обществе. Переход от планово-административной экономической системы к рынку обусловил генезис практики региональной промышленной политики как способа воздействия государства на экономическое развитие территорий. Если раньше государственные органы власти осуществляли непосредственное управление промышленным комплексом региона, то после приватизации собственность обрела сложную структуру. На фоне этого стал зарождаться новый бизнес-слой, который постепенно накапливал экономическую и политическую власть в регионе. Органам власти пришлось налаживать связи с новыми контрагентами, выстраивая систему устойчивого взаимодействия. При этом консервативная власть балансировала между двумя группами интересов: «старым» бизнес-слоем, который обеспечил возможность сохранения власти, и «новым» бизнес-слоем, который способствовал финансированию политических программ в обмен на политическую ренту.

Второй период (1995–1999 гг.) характеризуется изменением сформированных отношений между властью и бизнесом. Накопив достаточное количество политического и экономического капитала, «новый» бизнес-слой стал вытеснять своих конкурентов, постепенно создавая олигополию на рынке. В свою очередь, «старый» бизнес-слой стремился к продвижению лояльных политиков в органы законодательной и исполнительной власти. В этих процессах принимали активное участие силовые структуры, которые способствовали физическому и экономическому устранению нелояльных к консервативной власти экономических агентов. Как следствие, многие крупные предприятия значительно сократились в своих масштабах, тогда как отдельные компании получили административную неприкосновенность и стали полюсами экономического развития.

Третий период (1999–2007 гг.) сопровождался структурными изменениями в области политических идеологий. Приход к власти В.В. Путина обусловил смену политических и экономических элит на федеральном, а затем и на региональном уровне. В данный период происходила централизация бюджетной и налоговой системы, определяющая зависимость региональной промышленной политики от распоряжений вышестоящего уровня. Консерва-

тивная власть номинально провозгласила себя либеральной и содействовала передаче крупных промышленных активов в собственность столичных регионов.

Четвертый период (2007–2012 гг.) сопровождался волной модернизации, призванной обеспечить качественное перерождение промышленного комплекса регионов. После перехода собственности к столичным бизнес-элитам, они столкнулись с моральной и физической изношенностью имущества. Это определило вектор региональной промышленной политики стимулирования инвестиций и инноваций как способа качественного и количественного обновления имущественного комплекса. Ключевое значение в этом процессе определял кластерный подход как признанная государством форма организации промышленного производства на территории, способная обеспечить желаемый экономический эффект. Примечательно, что изначальная концепция кластеризации базировалась на теории конкурентных преимуществ, согласно которой основной движущей силой экономического развития является конкуренция. Однако при реализации принятых программ и стратегий, их авторы столкнулись с невозможностью создания конкурентной среды в условиях наличия устойчивых, сложившихся за длительный период трансформации, хозяйственных связей между промышленными предприятиями. Предприятия отказывались вступать в рискованные сделки с непроверенными экономическими агентами и отдавали предпочтение менее выгодным, но проверенным партнерам.

Пятый период (2012 - н.в.) обусловлен переходом региональной промышленной политики как процесса стимулирования стихийной кластеризации к управляемому и подконтрольному образованию локализованных промышленных зон. По причине оппортунистических практик со стороны представителей «нового» бизнес-слоя, не приводящих к развитию производительных сил на территории, во главу региональной промышленной политики были поставлены интересы «старого» бизнес-слоя, облеченных в форму концепции новой индустриализации.

Каждый из периодов трансформации может быть охарактеризован набором условий, которые опосредуют механизм взаимодействия социальных групп на предмет выбора оптимальных моделей организации промышленного производства (рис. 2.3).

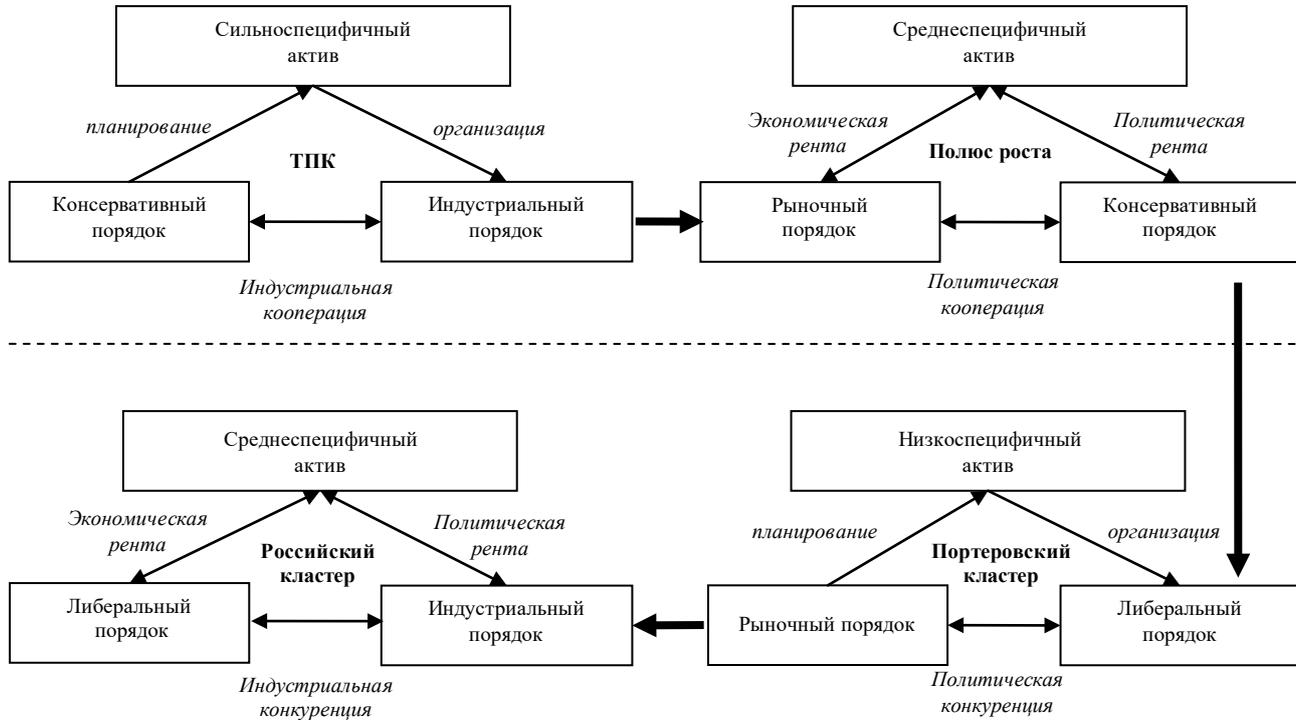

Рис. 2.3. Механизм трансформации региональной промышленной политики

Начало трансформации опосредовано общими институциональными изменениями в российском обществе, в частности образованием нового класса собственников, которые получили возможность управления и извлечения экономической ренты за счет механизма политической кооперации с консервативной властью. Результатом такого взаимодействия стало снижение специфичности активов, повлекшее за собой переход от планирования к самоорганизации рынка.

Развитие рыночного механизма координации привело к образованию политической конкуренции и формированию либеральных политических элит, которые получили возможность изменения «правил игры» в интересах бизнес сообщества. Однако возросшие оппортунистические практики привели к деградации технологических укладов, тем самым обуславливая необходимость самоорганизации.

Образование организаций саморегулирования при одновременном изменении федеральной политики в области модернизации опосредовали переход к индустриальной конкуренции¹. Основной характеристикой данного механизма выступает борьба хозяйствующих субъектов за политическую ренту, дающую возможность отдельной фирме или отрасли получать монопольное преимущество. Политические элиты, в свою очередь, получают возможность извлекать экономическую ренту, которая выступает средством воспроизводства власти.

Исходя из анализа, мы можем заключить, что низкая результативность промышленной политики в Омской области обусловлена противостоянием групп давления, приводящим к выбору неоптимальных (с точки зрения преобладающих институциональных условий) моделей организации промышленного производства на территории. В табл. 2.2 представлена совокупность условий, определяющих возможность реализации тех или иных моделей (табл. 2.2).

¹ Кислицын Д.В. Политика господдержки предприятий в период кризиса 2008–2009 годов: критерии отнесения к «системообразующим» // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 84–99.

Таблица 2.2

Условия реализации региональной промышленной политики

Поведенческие предпосылки		Специфичность активов	Модели организации
Ограниченная рациональность	Опportunистическое поведение		
		+	Полюса роста
+	+		Портеровский кластер
+		+	Российский кластер
	+	+	ТПК

Поведенческие предпосылки определяют характер взаимодействия между бизнес-группами и политиками по отношению к активам, которые обладают различной специфичностью. При этом изменение степени специфичности активов опосредует практики взаимодействующих групп и, как следствие, трансформацию региональной промышленной политики.

Реализация ТПК не представлялась возможной по причине наличия ограниченной рациональности субъектов, осуществляющих планирование производственной деятельности. Ещё нобелевский лауреат по экономике Г. Саймон указывал на то, что «модель мира субъекта, принимающего решение, включает только мельчайшую долю всех необходимых характеристик реального мира, а его выводы извлекают только мельчайшую долю информации, которая присутствует в его модели»¹.

Стимулирование полюсов роста, в свою очередь, приводит к неравномерному развитию территорий и не обеспечивает равного доступа к ресурсам заинтересованным группам. Государственная поддержка отдельных отраслей или предприятий может быть результатом предварительного сговора между политиками и бизнес элитами, в результате чего региональная промышленная политика может привести к ограничению конкуренции.

Представляется, что портеровский кластер является наиболее подходящей моделью организации промышленного производства, при которой рыночная конкуренция приводит к согласованию интересов социальных групп и к оптимальному рас-

¹ Simon H. Theories of Decision-Making in Economics and Behavioral Science // American Economic Review. – 1959. – № 3. – P. 272.

пределению ресурсов. Однако её результативность предполагает допущение, что активы (как предмет соглашений между экономическими агентами) будут обладать низкой степенью специфичности. Обязательным условием существования портфельного кластера является наличие конкуренции, при которой каждый из участников модели имеет возможность выбирать с кем и когда ему взаимодействовать и в любой момент имеет право отказаться от транзакции. В российских условиях такое вряд ли возможно по причине тесной технологической зависимости промышленных предприятий, при которой всякое нарушение условий контракта приведет к остановке производственного процесса.

В связи с этим органами государственной власти выбрана модель российского кластера, в которой рыночная конкуренция частично замещается производственной кооперацией. Однако практики реализации кластерного подхода в региональной промышленной политике на уровне регионов демонстрирует несоответствие фактического механизма взаимодействия заинтересованных групп эталонной теоретической модели организации промышленного производства. Это приводит к образованию нетипичных транзакций между экономическими агентами.

Практики реализации кластерного подхода в региональной промышленной политике

При исследовании практик создания кластеров в Омской области нами сделан акцент на специфичности активов. Слабоспецифичные активы легко заменимы и не требуют особой технологии, тогда как сильноспецифичные активы, как правило, выполняются под заказ и не имеют аналогов. Кроме того, при определении практик реализации модели российского кластера важно выделить частоту транзакций, которые могут быть разовыми и регулярными. Например, строительство производственного цеха считается разовой транзакцией, так как она не повторится в дальнейшем, тогда как закупка необходимого сырья подразумевает непрерывное взаимодействие между контрагентами.

Отталкиваясь от сравнения различных транзакций, мы обозначили наиболее распространенные практики субъектов региональной промышленной политики в ходе реализации модели российского кластера (рис. 2.4).

		Специфичность активов		
		Слабая	Средняя	Сильная
Частота взаимодействия	Случайно	Саморегуляция	Государственно-частное партнерство	
	Регулярно		Фундаментальная трансформация	Образование интегрированных структур

Рис. 2.4. Практики реализации модели российского кластера

В зависимости от соотношения специфичности активов и частоты возникающих на их счет транзакций, нами выделяются следующие группы практик реализации российской модели кластера.

В первую очередь следует отметить наиболее распространенные практики реализации модели российского кластера – вертикальную интеграцию. Особенно явно данные практики прослеживаются на крупных промышленных предприятиях, вступающих в регулярное взаимодействие на предмет поставки специфических комплектующих и материалов. Вертикальная интеграция предполагает рассредоточение технологической цепочки производства промышленной продукции, предполагающей специализацию отдельного предприятия на выполнение определенного вида работ. Например, в производстве ракет «Ангара» задействован целый комплекс российских предприятий, каждое из которых осуществляет отдельную операцию. Омское производственное объединение «Полет» долгое время специализировалось на сборке блоков ракет, обладая уникальной технико-технологической базой. Следует понимать, что в случае технологического сбоя или невыполнения контракта стратегическая (с точки зрения национальной безопасности) отрасль могла перестать существовать из-за отсутствия альтернативной технологической базы. В связи с этим ПО «Полет» был интегрирован в Холдинг им. Хруничева, перейдя под его непосредственное управление.

Не менее распространенной является практика фундаментальной трансформации. Данный термин был введен Нобелевским лауреатом О. Уильямсоном для обозначения ситуации, при которой

между двумя и более контрагентами возникает тесная экономическая зависимость, при которой они, сохраняя свою самостоятельность, обмениваются гарантиями о сотрудничестве¹. При этом данные гарантии могут обладать большей значимостью по сравнению с возможной экономической выгодой в результате смены контрагента. Несмотря на упущенные экономические выгоды, многие предприятия страхуются от возможного оппортунистического поведения путём заключения с контрагентами отношенческого контракта. При этом любая попытка предложить предприятиям более выгодные экономические условия будет обречена на провал, так как издержки расторжения отношенческих договоренностей могут быть выше ожидаемых финансовых выгод.

Относительно случайных транзакций, где предметом взаимодействия является высоко или среднеспецифичный актив, следует сказать, что они реализуются исключительно при участии государства в форме государственно-частного партнерства. Как правило, участие государства аргументируется высокими затратами на производство актива и его стратегическим значением. Примерами подобных активов могут служить крупные производственные предприятия, объекты транспортной и иной инфраструктуры. Государственно-частное партнерство в России реализуется, в основном, через систему государственных контрактов, которая находится на стадии зарождения и имеет ряд недостатков. Как отмечают российские ученые, низкая эффективность государственно-частного партнерства обусловлено «провалами государства» в части организации торгов и последующего контроля над результатами деятельности контрагентов². Государство может пытаться сократить величину транзакционных издержек путем прямого регулирования (по примеру ТПК). Но следует помнить, что по мнению Р. Коуза: «правительственная административная машина сама по себе работает не без издержек. <...> прямое правительственное регулирование не всегда дает лучший результат, чем простое предоставление проблемы на волю рынка или фирмы»³.

¹ Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Каткало; пер. с англ. Ю.Е. Благова и др. – СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. – С. 119.

² Радыгин А.Д., Энтов Р.М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 4–30.

³ Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. М.: Новое издательство. 2007. – С. 112.

К четвертой группе практик реализации российской модели кластера при осуществлении региональной промышленной политики относится создание условий по обеспечению рыночной саморегуляции. Ангажированность «новых» политических элит неизбежно приводит к попыткам реализации модели портеровского кластера, в основе которой заложен принцип самоорганизации. Возникновение кластеров невозможно без формирования эффективной институциональной среды по причине заведомо высокого уровня транзакционных издержек. При этом само функционирование кластера предполагает необходимо снижения данного уровня до минимума. Осуществление инновационного процесса и функционирование сложной системы контрактных отношений представляется невозможным без наличия формальных и неформальных правил.

Модернизация системы региональной промышленной политики в Омской области

Для повышения эффективности модели российского кластера, необходимо внести в неё «институциональную среду», как опосредующий фактор (рис. 2.5).

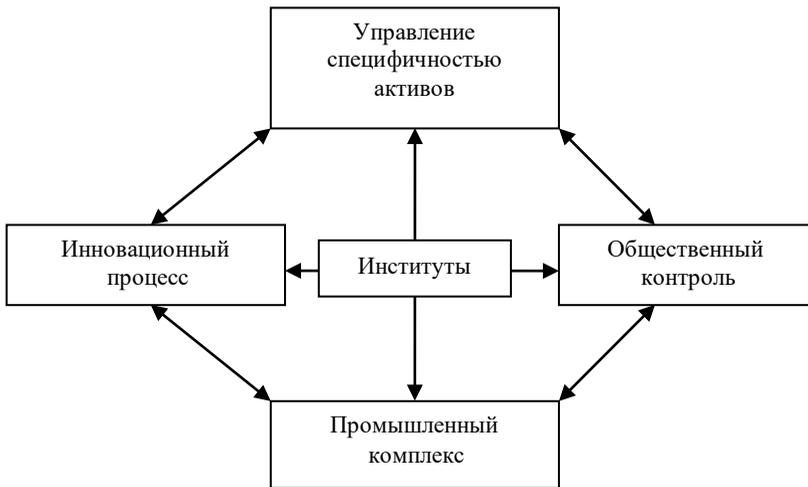

Рис. 2.5 Система государственного управления промышленными кластерами

Ключевое место в системе государственного управления промышленными кластерами занимает регламентация специфичности активов. Управление специфичностью активов предполагает ориентацию региональной промышленной политики на выработку стандартов качества как наиболее выгодную конкурентную стратегию. Стандарты качества обеспечивают унификацию продукции, представляя собой свод правил и требований к процессам и условиям производства и к конечной продукции. Представляется, что внедрение стандартов приведет к соответствию выпускаемой продукции требованиям со стороны заинтересованных лиц и предоставит фирмам возможность участия во взаимодействии в случае их соответствия признанным директивам. При этом нормы и стандарты качества должны распространяться на все производственные части кластера с целью выработки единой производственной политики. Весь этот процесс должен сопровождаться максимально возможной автоматизацией, позволяя обеспечить массовость производства и точность технологического процесса. Принимаемые стандарты качества следует гармонизировать с международными принципами технического регулирования. Исходя из стандартов Международной организации по стандартизации (ИСО) следует, что качество – это степень, с которой совокупность собственных характеристик (отличительных свойств) выполняет требования сторон. Таким образом, выработанные стандарты должны отвечать требованиям заинтересованных социальных групп и соответствовать их интересам.

Базируясь на данном определении качества, существует явная возможность выработки стандартов, ограничивающих экспорт зарубежных аналогов и стимулирующих развитие промышленного комплекса за счет взаимосвязи показателей качества с процессами управления инновациями. Стандарты качества должны быть тесно связаны с управлением инновациями, что позволит обеспечить устойчивость промышленного комплекса. Инновационный процесс способствует расширенному воспроизводству стоимости за счет стремления хозяйствующих субъектов повысить качество выпускаемой продукции. Поскольку основной целью бизнес сообщества в условиях рынка является получение прибыли, то в роли критерия экономической эффективности выступает прибыль на единицу затрат ресурсов при одновременном обеспечении конкурентоспособности продукции (т.е. повышении её качества). Рост эффективности в условиях технического нормирования и

надзора возможен благодаря внедрению новых производственных технологий. Государство при этом имеет возможности для косвенного стимулирования хозяйствующих субъектов к инновационной деятельности за счет стимулирования спроса на промышленную продукцию и содействия некоммерческому партнерству.

Связь стандартов с некоммерческим партнерством обеспечивается посредством активного вовлечения организаций саморегулирования в процессы регламентации и контроля качества. Представляется, что вовлечение организаций саморегулирования в данные процессы приведет к снижению оппортунистических практик за счет влияния на степень готовности фирм к неправомерным действиям. Оппортунист всегда сталкивается с проблемой выбора: он может выбрать следование закону или частным убеждениям. При этом выбор фирм между стратегиями поведения обусловлен не только индивидуальным расчетом, но и социальными факторами. Ещё Дж. Бьюкенен указывал на то, что фирма, которая взаимодействует только с небольшим количеством контрагентов, склонна исходить из следования закону. В то время как та же фирма, если она взаимодействует с большим количеством контрагентов, будет исходить из частных интересов и совершать оппортунистические практики¹.

Когда оппортунисты взаимодействуют с большим количеством контрагентов, возникает ситуация, при которой они не способны вступать с ними в коммуникацию. В больших группах каждый из экономических агентов при прочих равных условиях стремится пренебрегать правилами. Подобный эффект возникает в связи с отсутствием возможности коммуникации между экономическими контрагентами и их принципиальным недоверием друг к другу. Однако данный эффект не наблюдается при персонализированном взаимодействии, где выбор потенциального оппортуниста оказывает существенное влияние на все последующие трансакции с контрагентами. Склонность фирмы следовать частному интересу может найти свою реализацию лишь в случаях, когда существует сговор с целью пренебрежения законодательством. Подобный сценарий не возможен при активном участии организаций саморегулирования, которые способны контролировать и санкционировать действия фирм. Таким образом, сти-

¹ Buchanan J. Ethical Rules, Expected Values, and Large Numbers // Ethics. – 1965. – Vol. 76. – P. 1–13.

мулирование некоммерческого сектора позволяет обеспечить надежность региональных промышленных комплексов.

Организации саморегулирования осуществляют как внутренний контроль (за своими членами), так и внешний (за деятельностью других участников). Государство при этом делегирует часть своих функций (в частности функцию контроля) и заинтересовано в направленном адресном стимулировании активности некоммерческого сектора.

Но одно только создание институциональной среды не гарантирует успеха – важно обеспечить её действенность. Эффективность институциональной среды во многом определяется её внутренним единством, конгруэнтностью формальных и неформальных правил. На уровне региона это ставит задачу придания принимаемым решениям не только легального, но и легитимного характера. Без поддержки населением региона никакой кластер не может нормально функционировать. На практике часто отождествляется мнение законодательного органа власти с мнением большинства. Хотя ситуация с созданием комплекса «ПАРК» в Омской области показывает, что это не всегда так. Важно обеспечить большую вовлечённость широкой общественности на стадии обсуждения и выработки решений региональной промышленной политики. В частности, при создании в Омской области промышленных кластеров необходимо использовать все имеющиеся средства (прежде всего СМИ) для разъяснения жителям региона полезных следствий такого образования. Только добившись одобрения и поддержки со стороны населения (т.е. легитимации) государственных решений кластер может эффективно функционировать.

В результате исследования мы предлагаем ряд выводов, определяющих основные научные результаты.

Во-первых, нами разработан авторский подход к исследованию институциональных условий реализации региональной промышленной политики. В экономическом дискурсе впервые была применена концепция «экономики соглашений» Л. Тевено, согласно которой региональная промышленная политика представляет собой процесс согласования интересов социальных групп, сопровождающий механизм взаимодействия власти, бизнеса и общества. Согласно данному подходу, принимаемые институты (как правила игры, создающие условия для реализации моделей организации промышленного производства на территории) явля-

ются результатом противодействия групп давления и политических идеологий.

Во-вторых, на основе анализа эмпирического материала предложена классификация «порядков значимого», определяющих логику региональной промышленной политики в российских регионах. В исследовании выделено пять «порядков значимого», каждый из которых образован формой социально-экономических отношений и способов организации среды, присущих субъектам региональной промышленной политики.

В-третьих, определено, что при различных конфигурациях «порядков значимого» зависит выбор моделей организации промышленного производства на территории. При этом успешность реализации той или иной модели зависит от преобладающих институциональных условий, в рамках которых происходит взаимодействия политических элит и бизнес групп. В связи с этим реализация кластерного подхода напрямую обусловлена набором институциональных условий.

В-четвертых, определены периоды трансформации региональной промышленной политики Омской области, каждый из которых характеризуется уникальными институциональными условиями. Было выявлено, что условия реализации региональной промышленной политики задаются набором поведенческих предпосылок (рациональностью экономических агентов и их склонностью к оппортунистическому поведению) и специфичностью активов, вокруг которых осуществляется взаимодействие экономических агентов. Установлено, что на современном этапе развития региональной промышленной политики доминирующей моделью организации промышленного производства является российский кластер.

В-пятых, выявлены практики реализации российского кластера в сибирских регионах. В исследовании осуществлена группировка практик реализации российского кластера в зависимости от степени специфичности активов, вокруг которых осуществляется взаимодействие экономических агентов. Определено, что практика реализации модели российского кластера в сибирских регионах приводит к образованию нетрадиционных организационных форм, в том числе фундаментальной трансформации и вертикально-интегрированных структур. Реализация модели российского кластера с учетом институциональных условий, присущих российским регионам, требует преодоления ограничений, связанных с

чрезмерной специфичностью активов и высоким уровнем оппортунистического поведения со стороны региональных бизнес групп.

В-шестых, разработана система государственного управления промышленными кластерами, в основу которой заложена система стандартов, приводящих к снижению уровня специфичности активов. Активная роль в предлагаемой системе отводится некоммерческим организациям, которые осуществляют контроль над деятельностью экономических агентов и координируют функционирование кластера.

Представляется, что проведенные исследования станут полезными для органов государственной власти субъектов Российской Федерации при разработке программ развития промышленных комплексов и принятии решений в области институциональных преобразований на территории.

2.4. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ И КЛАСТЕРНОГО РАЗВИТИЯ

Нормативно-правовое регулирование промышленной политики на федеральном уровне

Современный этап развития государственности Российской Федерации (2014–2015 гг.), характеризующийся резким осложнением политико-экономической ситуации в мире в целом и по отношению к России, в частности, обуславливает безотлагательность принятия кардинальных мер на правительственном уровне по скорейшей переориентации национальной экономики с преобладающей минерально-сырьевой составляющей на максимальное задействование иных внутренних резервов для наполнения федерального и региональных бюджетов. Многообразие ресурсов РФ предполагает широкий выбор возможных вариантов и путей преобразования отечественной экономики, наиважнейшими из которых представляются направления, основанные на инновационном развитии и кооперации промышленности, науки и образования.

Выход на новый уровень модернизации экономики РФ невозможен без грамотно выстроенной стратегии промышленного и кластерного развития, которое имеет под собой серьезную нормативно-правовую основу. По мнению Н.В. Ковалевой, выдающиеся

экономические успехи Российской империи второй половины XIX – начала XX веков, благодаря которым аграрная страна в короткие сроки превратилась в промышленную державу, во многом обусловлены адекватным правовым регулированием общественных отношений в сфере промышленного производства¹. Именно поэтому сегодня, в целях повышения экономической безопасности России, перехода от доминирования экспорта энергоресурсов к экспорту преимущественно промышленных товаров и инновационной высокотехнологичной продукции, замены импортных продуктов высококачественными отечественными аналогами, – необходимо комплексное формирование законодательной базы о промышленной политике как на федеральном, так и на региональном уровне.

Начало созданию такой базы было положено принятием 31 декабря 2014 г. федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» (далее – закон о промышленной политике)². До этого правовое регулирование отношений в области промышленного производства осуществлялось фрагментарно, частично, по отдельным вопросам (например, по проблемам обеспечения промышленной безопасности, научно-технического развития)³. Справедливости ради следует отметить, что во многих субъектах РФ, начиная с конца 1990-х годов, были приняты свои региональные законы о промышленной политике (например, в Брянской, Владимирской, Кировской, Орловской, Пензенской, Тульской областях, Санкт-Петербурге и др.).

Согласно ст. 3 указанного выше закона под промышленной политикой понимается комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала Российской Федерации, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции. Приня-

¹ Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX начале XX веков: автореферат дисс... к.ю.н. – Нижний Новгород, 2006. – 25 с.

² Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 41.

³ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3588; федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 35. – Ст. 4137.

тые ранее законы субъектов РФ с аналогичным или схожим названием трактовали региональную промышленную политику в различных аспектах – прежде всего как систему разнообразных мер (правовых, экономических, социальных, информационных, технологических, научно-технических, образовательных, организационных и иных – набор в каждом регионе имел некоторые отличия). Подходы к определению стратегической цели разработки и реализации промышленной политики в законах субъектов РФ сформулированы были по-разному:

а) самое узкое значение – повышение эффективности функционирования промышленности (например, в актах Республики Адыгея, Владимирской, Самарской областей);

б) более широкое во взаимосвязи повышения эффективности работы промышленности, исходя из социально-экономических интересов региона (в Алтайском, Забайкальском краях, Оренбургской, Рязанской областях);

в) как составная часть социально-экономической политики региона (в Кемеровской области);

г) как часть не только региональной, но и федеральной политики – в сфере социально-экономического (в Новгородской области) или – промышленного развития Российской Федерации (в Чеченской Республике, в Ярославской области).

В отличие от законов субъектов РФ, в федеральном акте сделан акцент на важности всестороннего развития потенциала российской промышленности, что предполагает структурную модернизацию производства для создания высокотехнологичной, конкурентоспособной на внутреннем и мировом рынке промышленной продукции, эффективное использование материальных, финансовых, трудовых и природных ресурсов, повышение производительности труда, обеспечение роста человеческого капитала, усовершенствование производственной инфраструктуры, включая улучшение транспортного сообщения на всей территории РФ.

Исходя из смысла ст. 2, закону от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ предначертано стать основой (ядром) правового регулирования в сфере промышленной политики, поскольку все остальные федеральные законы и иные нормативно-правовые акты РФ, включая региональные, должны приниматься с учетом его положений.

Закон о промышленной политике закрепил определения ряда важных понятий как существовавших ранее, так и появившихся в последние годы. Некоторые из них подчас весьма неоднозначно

трактуются в научной литературе, поэтому так важно было дать легальное объяснение таким терминам, как: промышленный кластер, инжиниринговый центр, интегрированная структура оборонно-промышленного комплекса, индустриальный (промышленный) парк, специальный инвестиционный контракт и др.

Так, по мнению законодателя, промышленный кластер представляет собой совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного или нескольких субъектов РФ (п. 13 ст. 3). При этом возможность применения мер государственного стимулирования допускается лишь в случае создания специализированной организации, которая должна будет осуществлять организационно-методическое, информационное и экспертно-аналитическое обеспечение развития промышленного кластера (ст. 20).

Помимо введения единой терминологии закон регламентирует общие вопросы управления промышленным комплексом на всей территории РФ, определяя права и обязанности хозяйствующих субъектов, федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления. В апреле 2015 г. в Государственную Думу РФ внесен законопроект, предусматривающий возможность передачи Правительством РФ и федеральными органами исполнительной власти отдельных своих полномочий в сфере промышленной политики органам государственной власти субъектов РФ. Соответственно, у регионов появится больше прав по выработке самобытной, в наибольшей степени отвечающей требованиям конкретного субъекта РФ, промышленной политики. В свою очередь, согласно ч. 2 ст. 7 закона о промышленной политике субъекты РФ вправе передавать отдельные полномочия в сфере промышленной политики муниципалитетам.

Важными мерами системы государственного стимулирования промышленной деятельности выступают финансовая (в виде налоговых льгот, бюджетных субсидий, займов, грантов, финансовой аренды, заключения специального инвестиционного контракта и пр.) и информационно-консультационная (посредством государственной информационной системы промышленности; организации проведения выставок и ярмарок; финансирования создания каталогов, справочников, баз данных, сайтов в «Интернете») поддержка, содействие в укреплении кадрового потенциала промышленных предприятий, а также в выходе на зарубежные рынки.

В силу важности для нашей страны анализируемой сферы экономической деятельности и безусловного наличия специфики предмета и метода правового регулирования отношений в сфере промышленности есть серьезные основания полагать, что закон от 31 декабря 2014 г. не только выстроил фундамент для создания единой модели правового регулирования промышленного развития в РФ (как на федеральном, так и региональном уровне), но и заложил основы формирования новой самостоятельной отрасли российского права – «промышленное право». Последнему, в отличие от гражданского, предпринимательского и хозяйственного права, присуща бóльшая степень императивности, что характерно для публичных отраслей права. Как справедливо заметил А.А. Погодин, в переходный период особое значение придается административно-правовым инструментам управления промышленностью в связи с необходимостью смены существующей системы государственного регулирования новой, отвечающей современным реалиям рыночной экономики¹. Иными словами, именно государство призвано стать активным субъектом формирования и реализации новой промышленной политики в Российской Федерации.

Пытаясь использовать себе на благо довольно негативную внешнеполитическую и внешнеэкономическую конъюнктуру в связи с применением разного рода санкций против РФ из-за ее позиции по украинскому вопросу, Россия аккуратно, но решительно стала применять ответные меры к зарубежным государствам и начала более активно проводить протекционистскую политику, направленную на защиту своего внутреннего рынка и национальных товаропроизводителей. Ключевыми направлениями данной политики явились разработка и реализация комплекса мер по поддержке и развитию отечественной промышленности.

15 апреля 2014 г., то есть практически сразу после введения против России первых санкций, Правительством РФ было принято постановление № 328 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности"»². Стратегическая цель программы – создать в России конкурентоспособную, устойчивую,

¹ Погодин А.А. Административно-правовое регулирование деятельности промышленных хозяйствующих субъектов в современных условиях: автореферат дисс... д.ю.н. – М., 2003. – С. 3–5.

² Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (часть IV). – Ст. 2173.

структурно-сбалансированную промышленность, способную к эффективному саморазвитию на основе интеграции в мировую технологическую среду, разработки и применения передовых промышленных технологий, нацеленную на формирование и освоение новых рынков инновационной продукции, эффективно решающую задачи обеспечения экономического развития и обороноспособности страны.

Распоряжением Правительства РФ от 1 августа 2014 г. утвержден план реализации государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»¹. В частности, до 31 декабря 2016 г. должны быть разработаны проекты нормативных документов по регламентации создания и эксплуатации индустриальных парков.

В целях защиты внутреннего рынка от незаконного ввоза, производства и оборота промышленной продукции, в том числе контрафактной, – указом Президента РФ от 23 января 2015 г. № 31 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту промышленной продукции»² была создана Государственная комиссия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции, которая должна обеспечить согласование деятельности органов исполнительной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях по данному направлению. Наряду с этим аналогичные комиссии должны быть образованы в каждом российском регионе под председательством главы исполнительной власти субъекта РФ.

Таким образом, на федеральном уровне идет постоянная работа по формированию нормативно-правовой базы о промышленной деятельности в России и успешной реализации Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году³, предполагающего эффективное использование всех ранее созданных инструментов

¹ Распоряжение Правительства РФ от 1 августа 2014 г. № 1447-р «Об утверждении плана реализации государственной программы Российской Федерации "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности"» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 32. – Ст. 4567.

² Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 4. – Ст. 643.

³ Распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 5. – Ст. 866.

промышленной политики прежде всего для обеспечения импортозамещения и поддержки экспорта по широкой номенклатуре несырьевых, в том числе высокотехнологичных, товаров.

В общих чертах иерархия и краткая характеристика нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере промышленной деятельности, может быть представлена следующим образом (см. приложение 1).

Наиболее обширный массив нормативно-правовых актов создается федеральными органами исполнительной власти (министерствами, федеральными службами и агентствами), поскольку именно они осуществляют юридическое, экономическое и организационное обеспечение реализации государственных функций и задач по развитию отечественной промышленности. Поскольку законодательством четко не регламентирован объем компетенции данных органов, нередко они принимают нормативные акты по сходным вопросам, в силу чего возникают противоречия между этими юридическими документами, ведущими к проблемам в их правильном толковании и, соответственно, правоприменении. Поэтому надлежит решать проблему межведомственной координации органов, уполномоченных на принятие решений в сфере промышленности.

Следует признать, что федеральное законодательство в сфере промышленности не отличается четкой структурой и внутренней непротиворечивостью. В целях повышения эффективности реализации государственно промышленной политики необходимо провести работу по устранению правовых коллизий и восполнению пробелов в регулировании промышленной деятельности, для чего целесообразно осуществить кодификацию законодательства в данной сфере.

Региональная специфика правового регулирования промышленной политики и кластерного развития

Принятие закона 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» должно инициировать разработку и совершенствование нормативно-правового регулирования отношений в сфере промышленности на региональном уровне.

В Омской области отсутствует единая законодательная база по развитию региональной промышленности. До настоящего времени не приняты ни закон о промышленной политике в Ом-

ской области, ни концепция развития промышленности в регионе. Соответствующие вопросы разрешаются в рамках отдельных актов, формулирующих общее видение органов государственного и муниципального управления перспектив развития территории, например, в Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 года¹, в распоряжениях Правительства Омской области от 10 июля 2013 г. № 117-рп «О формировании и развитии приоритетных отраслевых кластеров и их секторов на территории Омской области» и от 11 марта 2015 г. № 31-рп «О Плане приоритетных действия Правительства Омской области по социально-экономическому развитию Омской области на 2015 г.», в законах Омской области от 25 декабря 2014 г. «О государственно-частном партнерстве в Омской области»², от 11 декабря 2012 г. «О государственной политике Омской области в сфере инвестиционной деятельности»³, от 13 июля 2004 г. «Об инновационной деятельности на территории Омской области»⁴ и др.

Основной упор в настоящее время региональные органы исполнительной власти делают на первоочередную поддержку приоритетных кластеров, что представляется весьма односторонним решением проблем социально-экономического развития Омской области в целом и ее промышленности, в частности. Нельзя заниматься приведением в порядок одной, пусть и главной улицы города и при этом ожидать, что все остальные будут сами собой обустроиваться аналогичным образом. Несмотря на скудость организационных и бюджетных ресурсов нельзя упускать из внима-

¹ Указ Губернатора Омской области от 24 июня 2013 г. № 93 «О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 года» // Омский вестник. – 2013. – № 30. – 28 июня.

² Закон Омской области от 25 декабря 2014 г. № 1698-ОЗ «О государственно-частном партнерстве в Омской области» // ГСПИ. Официальный интернет-портал правовой информации. Дата опубликования: 29.12.2014. Номер опубликования: 5500201412290011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5500201412290011>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

³ Закон Омской области от 11 декабря 2012 г. № 1497-ОЗ «О государственной политике Омской области в сфере инвестиционной деятельности» (ред. от 25.12.2014) // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. – 2012. – № 6 (79). – Ст. 4929.

⁴ Закон Омской области от 13 июля 2004 г. № 527-ОЗ «Об инновационной деятельности на территории Омской области» (ред. от 26.02.2015) // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. – 2004. – № 2 (39). – Ст. 2206.

ния другие отрасли и предприятия промышленности, не входящие в перечень приоритетных отраслевых кластеров. Нужно мыслить на перспективу и разработать программу, регулирующую комплексное развитие промышленности региона, а не отдельных ее частей – только это позволит осуществить широко-масштабное и комплексное реформирование традиционных отраслей промышленности и создать новые инновационные отрасли и кластеры, совокупность потенциалов которых в последующем запустит процессы инновационного саморазвития экономики Омской области.

При этом важно обеспечить стратегическое мышление, по крайней мере, у тех представителей органов государственной власти и бизнес-структур, которые разрабатывают соответствующие целевые решения, что позволит вывести их на принципиально новый уровень управления экономикой¹.

Соответственно, нужен закон, который бы устанавливал единую нормативно-правовую платформу для комплексного и целостного развития всех компонентов региональной промышленности, а не отдельных, хотя и наиболее стратегически важных, перспективных промышленных кластеров.

В этой связи интересен анализ зарубежного опыта инновационного развития старопромышленных регионов (Рурской области в Германии, Детройта и Питтсбурга в США, Манчестера и Ливерпуля в Великобритании и др.)², успешно осуществляющих процессы реструктуризации экономики и неоиндустриализации на своей территории, в результате превратив ее в современный технологический кластер. Модель инновационного развития Германии доказала эффективность применения в конкурентной борьбе таких инструментов экономической и технической политики, как: ориентация на высокие технологии, трансфер технологий; кластерная политика, нацеленная на стимулирование кластеров на обмен инновационными технологиями между производст-

¹ Иванов Г.Г., Орлов С.Л. Стратегическое планирование экономики и важнейшие приоритеты развития России // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 2. – С. 38, 39.

² Соболев А.О. Зарубежный опыт инновационного развития старопромышленных регионов и возможности его использования в России // Вопросы экономики. – 2015. – № 1 (32) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/01/10/>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

вом, наукой и образованием; коммерческие соглашения о передаче технологий¹.

На первом этапе превращения Омской области в территорию с высоким уровнем социально-экономического благополучия (а в нашем случае – также и в современный высокотехнологичный кластер) степень государственного участия в регулировании отношений в сфере промышленной деятельности должна быть достаточно высокой, что выражается в выработке концепции (стратегии) развития промышленности региона, создании необходимой нормативно-правовой базы, формировании благоприятного инвестиционного климата и различных моделей государственно-частного партнерства.

Только после этого вмешательство государства в процесс эволюции отраслевых производственных кластеров может быть существенно ослаблено. Однако трудно согласиться с позицией ученых, полагающих, что при предоставлении организациям промышленности и промышленной инфраструктуры большей степени самостоятельности в выборе перспектив дальнейшего своего становления «государство будет играть лишь роль контролера за соблюдением отраслевых стандартов, норм и правил», которые при этом будут разрабатываться непосредственно частными компаниями².

Во-первых, если речь идет об отраслевых нормах, правилах, стандартах, то они, по определению, должны утверждаться соответствующими федеральными или региональными органами исполнительной власти. Во-вторых, российские предприниматели в своей деятельности ориентируются преимущественно на получение максимальной и сиюминутной прибыли, вложения в долгосрочные проекты и модернизацию производства (особенно в условиях высоковолатильной внешней среды) их интересуют мало (даже высокодоходные хозяйствующие субъекты не спешат с обновлением основных средств, что подтверждают факты растущей доли износа основных фондов: на конец 2013 г. – по России она

¹ Бурганова Л.А. Трансфер технологий в Германии (на примере химической промышленности) // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 4. – С. 31–35.

² Гетманцев А.С. Химический комплекс России: состояние инвестиционной среды и пути ее улучшения // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 3. – С. 29.

составила 46,3 %, в Омской области – 41,1 %¹). Поэтому в некоторых случаях лишь государство имеет реальные рычаги воздействия на хозяйствующих субъектов, например, установив обязательность обновления основных фондов в связи с повышением требований к обеспечению экологической безопасности производственных объектов под угрозой применения серьезных санкций за нарушение природоохранного законодательства.

В-третьих, зачастую предприятия, особенно малого и среднего бизнеса, не располагают информацией о наиболее вероятных тенденциях изменения спроса со стороны потребителей, поэтому государство должно оказать им содействие, стимулируя производство в желательном направлении. Например, по данным международной аналитической компании Bain&Company, в число наиболее вероятных трендов развития мировой экономики на период до 2020 г. войдут: устаревание имеющейся инфраструктуры и необходимость использования моделей государственно-частного партнерства для привлечения инвестиций для ее замены; увеличение спроса на продукцию военно-технического назначения стран Азии; развитие человеческого капитала в связи с углублением международного разделения труда, предполагающее модернизацию систем образования, здравоохранения, социального обеспечения и т.д. Сегодня уже появляются инновации, которые в странах с развитой экономикой коренным образом изменяют образ жизни, труда и времяпрепровождения, стимулируя появление следующего поколения предпринимательских стартапов, чтобы вывести новые продукты и услуги на рынок. Такие технологии, как 3D-принтеры, знаменуют новый этап в производстве товаров, позволяющий изготавливать меньшие партии высококачественной индивидуальной продукции для конкретного потребителя и по более низким ценам². Исследование Bain&Company весьма актуально и для России, оно также может быть использовано в Омской области для поиска новых точек роста региональной экономики с помощью мер прямого и косвенного государственного стимулирования деятельности в сфере промышленности. Следует

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 382–383.

² Bain & Company, Inc. The Great Eight. Trillion-Dollar Growth Trends to 2020. 2011. – 44 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bain.com/publications/articles/eight-great-trillion-dollar-growth-trends-to-2020.aspx>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

отметить, что условия предоставления такого стимулирования должны быть закреплены в нормативно-правовых актах.

Помимо закона о промышленной политике, в Омской области необходимо принятие программы (концепции, стратегии) и плана развития промышленного сектора, поскольку сегодня такое требование установлено п.1 ч.3 ст.4 федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ.

Очевидно, что разработка плана развития региональной промышленности и системы индикаторов успешности его выполнения должна осуществляться Правительством Омской области. В отношении подготовки концепции промышленной политики возможны три альтернативы: утверждение в форме областного закона, указа Губернатора Омской области либо постановления Правительства Омской области. Все три варианта используются в разных субъектах РФ: в Калининградской области действуют закон «О промышленной политике Калининградской области» и постановление Правительства Калининградской области «О Концепции промышленной политики Калининградской области»¹, в Орловской области оба документа приняты в форме законов², в Самарской области наряду с законом об основах промышленной политики постановлением Губернатора Самарской области утверждена концепция промышленной политики³.

¹ Закон Калининградской области от 2 июля 2012 г. № 134 «О промышленной политике Калининградской области» // Калининградская правда (вкладыш «Официальный вестник Правительства Калининградской области»). – 2012. – № 118. – 10 июля; Постановление Правительства Калининградской области от 27 августа 2014 г. № 567 «О Концепции промышленной политики Калининградской области» // Калининградская правда (вкладыш «Официальный вестник Правительства Калининградской области»). – 2014. – № 165. – 10 сентября.

² Закон Орловской области от 6 августа 1998 г. № 75-ОЗ «О промышленной политике в Орловской области» (ред. от 11.10.2010) // Орловская правда. – 2010. – № 153. – 16 октября; Закон Орловской области от 1 декабря 2011 г. № 1305-ОЗ «О Концепции промышленной политики Орловской области на период до 2020 года» (ред. от 13.10.2014) // Орловская правда. – 2011. – № 180. – 3 декабря.

³ Закон Самарской области от 11 февраля 2004 г. № 10-ГД «Об основах промышленной политики в Самарской области» (ред. от 08.12.2014) // Волжская коммуна. – 2004. – № 26. – 12 февраля; Постановление Губернатора Самарской области от 8 мая 2014 г. № 111 «Об утверждении Концепции промышленной политики в Самарской области на период до 2020 года» // Волжская коммуна. – 2014. – № 120 (28972). – 13 мая.

Думается, что Омской области следует принять концепцию промышленной политики в форме закона, поскольку это будет способствовать, с одной стороны, более фундаментальной проработке вопросов государственного участия в развитии региональной промышленности, с другой, более тесному взаимодействию законодательной и исполнительной власти, повышению их ответственности за принимаемые решения. Закрепление концепции развития промышленности Омской области в законе свидетельствует о том, что данный вид регулируемых в нем отношений относится к наиболее значимым, ключевым общественным отношениям, выражает потребности и интересы населения конкретной территории. Кроме того, такой подход снизит вероятность внесения органами исполнительной власти в законодательный акт конъюнктурных изменений и, соответственно, нивелирования его стратегического значения для развития промышленности Омской области. Концепция промышленной политики должна выработаться и утверждаться на период не менее пяти лет.

Закон, закрепляющий концепцию промышленной политики в регионе, принимается на основе и в соответствии с законом субъекта РФ о промышленной политике и не должен ему противоречить.

Разумеется, такой вариант обладает некоторыми недостатками, по сравнению с утверждением концепции промышленного развития актом главы государственной власти субъекта РФ или коллегиального органа исполнительной власти субъекта РФ (например, Указом Губернатора Омской области или постановлением Правительства Омской области).

Во-первых, существенно снижается мобильность внесения в случае необходимости поправок в закон о концепции промышленной политики. При определенных обстоятельствах оперативность изменения общего курса развития промышленного комплекса или отдельных его отраслей (кластеров) способна сыграть решающую роль в сохранении конкурентоспособности отечественной промышленной продукции, в частности, и региональной экономики в целом. Причинами могут послужить, к примеру, масштабные политико-экономические потрясения в стране и в мире, крупные стихийные бедствия регионального масштаба, невероятные научно-технические открытия.

Во-вторых, ряд вопросов, решаемых в концепции промышленной политики, подчас имеют ненормативный характер. Речь идет прежде всего о включении в текст закона анализа текущего

состояния в сфере промышленности, что для данного вида нормативно-правовых актов несвойственно. Однако для того, чтобы эффективно выстроить стратегию действий по достижению желаемых результатов, нужно сначала скрупулезно осмыслить текущую ситуацию и имеющиеся ресурсы – это как раз и характерно для таких юридических документов, как концепции и стратегии. В силу того, что термин «стратегия» используется в Омской области в подзаконных нормативно-правовых актах (например, в указе Губернатора Омской области «О Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2025 года»), то целесообразно для закона избрать другое обозначение, а именно – концепция.

Понятие «концепция» (от лат. *conceptio* – понимание, система) означает: понятие, образ понятия, способ понимания, соображения и выводы¹; систему взглядов на что-либо, основную мысль²; замысел, теоретическое построение; то или иное понимание чего-нибудь³; определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности⁴; система взглядов и способов достижения целей, общее понимание явлений⁵.

Несмотря на некоторые различия в формулировании анализируемого понятия, оно включает в себя две основные составляющие:

а) систему взглядов, основных подходов к пониманию и оценке сущности определенных явлений;

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том второй. – Спб., М.: Изд. М.О. Вольфа, 1881. – С. 156.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 294.

³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1: А-Кюрины / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. — Стб. 1455.

⁴ Большой энциклопедический словарь. – Заглавие с экрана (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/slovar/bus/term/58978/>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

⁵ Словарь бизнес-терминов. – Заглавие с экрана (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.klerk.ru/slovar/bus/term/58978/>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

б) систему базовых принципов, приемов, средств, способов, инструментов, определяющих пути развития и механизмы достижения поставленных целей.

Следовательно, термин «концепция» вполне может быть использован в названии регионального закона, поскольку предполагает формирование стратегии действий в сфере региональной промышленной политики и кластерного развития на определенный период. В частности, для составления перечня видов экономической деятельности (или видов промышленных кластеров), которые имеют определяющее значение для экономики субъекта РФ и поэтому нуждаются в создании особых условий для приоритетного развития, предпочтительно именно законодательное определение критериев выбора важнейших, ключевых направлений развития промышленной деятельности. Это также будет препятствовать проявлениям личной заинтересованности и возможности злоупотребления своими должностными полномочиями со стороны отдельных государственных служащих, способствовать снижению коррупционной составляющей в принятии исполнительными органами государственной власти решений о выборе отраслей промышленности (а впоследствии – конкретных предприятий) для применения мер государственной поддержки.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 39 Устава (Основного закона) Омской области представленные Губернатором Омской области программы социально-экономического развития утверждаются в форме областного закона. Поскольку программы, стратегии, концепции – документы однотипного содержания, то это еще один дополнительный аргумент в поддержку принятия закона «Концепция (или Стратегия) промышленной политики Омской области».

В последние годы в странах с развитой экономикой происходит постоянное расширение мер прямого государственного воздействия на процессы интенсификации инновационной активности (по некоторым оценкам, доля государства в общем размере затрат на инновационное развитие составляет от 30 до 60 %), используя для этого правовые и экономические методы. Например, в США растет финансирование государством исследований, ориентированных на интересы частных фирм, укрепляются государственные гарантии для инновационных структур, меняется банковская политика и пр. Иными словами, усиливается роль госу-

дарства в формировании новой экономики знаний, по сравнению с частными организациями¹.

В силу важности форсирования инновационного развития как одного из средств диверсификации экономики и повышения ее конкурентоспособности в России сегодня серьезное внимание уделяется законодательному стимулированию данного процесса. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» предусматривает финансирование государственной программы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика», включающую в себя ряд подпрограмм: стимулирование инноваций; формирование благоприятной инвестиционной среды; развитие малого и среднего предпринимательства; кадры для инновационной экономики и др.²

Признавая важность инноваций для подъема экономики Омской области и реализуя право субъекта РФ на собственное нормотворчество в данной сфере, 13 июля 2004 г. был принят закон «Об инновационной деятельности на территории Омской области», который установил основные цели, принципы и направления инновационной политики, закрепил формы и правовые механизмы государственной поддержки инновационной деятельности на региональном уровне.

Необходимо отметить, что на федеральном уровне аналогичного закона нет, вопросы поддержки инновационной деятельности в РФ разрешаются в различных нормативных актах, например: в федеральных законах «Об инновационном центре «Сколково»», «О науке и государственной научно-технической политике» (гл. IV.1), «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 20), «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ст. 22); в указах Президента РФ «О Совете при Президенте Российской Федерации по модернизации экономики и инновационному развитию России», «О премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых»; постановлениях Правительства РФ «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти в области государ-

¹Галочкина О.А., Чокаева Н.О. О государственном регулировании активности предпринимательских структур // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 4. – С. 40.

²Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 384-ФЗ «О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 49 (ч. I-V). – Ст. 6893.

ственной поддержки инновационной деятельности», «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»» и др.

С точки зрения обеспечения нормативно-правового регулирования промышленного развития в регионе и соотношения с возможным принятием закона о промышленной политике в Омской области, закон «Об инновационной деятельности на территории Омской области», с одной стороны, является актом более широкого содержания, поскольку нацелен на содействие инновационной активности в самых разных отраслях экономики. С другой стороны, он выступает необходимым элементом законодательной базы промышленного и кластерного развития в Омской области, так как очевидно, что прогресс в данной сфере невозможен без использования современных научно-технических открытий, передовых технологий, инновационных разработок.

Согласно ст. 2 закона об инновационной деятельности в Омской области, под государственной инновационной политикой Омской области понимается совокупность целей, направлений, форм деятельности органов государственной власти Омской области по развитию инновационной деятельности на территории Омской области. Это определение нуждается в уточнении, прежде всего – в редакционном.

Политика представляет собой определенный курс, стратегию, линию поведения, образ действий, направленных на достижение каких-либо целей. Соответственно, целеполагание является условием выработки политики государства в определенной сфере общественного устройства, но само по себе политикой быть не может. Поэтому целесообразно внести в закон об инновационной деятельности в Омской области изменения, изложив ст. 2 в следующей редакции: «Инновационная политика – система правовых, экономических, организационных, информационных, образовательных, научно-технических и иных мер, направленных на развитие инновационной деятельности на территории Омской области». Важно подчеркнуть, что инновационная политика – это не просто комплекс (совокупность, набор), а именно *система* – взаимосвязанных и согласованных друг с другом мер, что положительно отражается на эффективности их реализации на практике.

Региональный закон довольно оперативно отражает вносимые федеральным законодателем изменения. Так, после принятия федерального закона от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении

изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»», соответствующие поправки 12 сентября 2011 г. были внесены в ст. 2 закона «Об инновационной деятельности на территории Омской области».

Однако так происходит не всегда. Например, в соответствии со ст. 10 федерального закона от 5 апреля 2013 г. при планировании и осуществлении закупок заказчики должны руководствоваться принципом приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок прежде всего инновационной и высокотехнологичной продукции¹. Этому правилу, в определенной степени, противоречит положение п. 6 ст. 8 закона об инновационной деятельности в Омской области, устанавливающее право органов государственной власти региона на осуществление закупок товаров, работ, услуг в целях обеспечения государственных нужд Омской области на создание наукоемкой продукции.

Региональная норма значительно сужает содержание федеральной, поскольку, во-первых, предоставляет право, а не возлагает обязанность на государственные органы совершать закупки для государственных нужд на основе выбора преимущественно инновационных и высокотехнологичных товаров и услуг, а во-вторых, ограничивает возможность проведения закупок для обеспечения государственных нужд только для создания наукоемкой продукции.

При разработке регионального закона о промышленной политике следует устранить коллизии между федеральными нормативно-правовыми актами и актами субъекта РФ.

Кроме того, на федеральном и на региональном уровне нужно методично стимулировать спрос на новые технологии, поскольку распространенная практика закупок за рубежом готовой продукции, как справедливо предостерегает В.И. Еременко, может привести к потере Россией технологического суверенитета². Для этого надо активнее использовать систему налоговых льгот и прочих преференций для всех субъектов промышленной и инновационной

¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 6.04.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

² Еременко В.И. Российское законодательство о промышленной политике // Законодательство и экономика. – 2015. – № 3 (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.lawecon.ru/zakonodatelstvo/articles/24/1355/>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

деятельности, что, в свою очередь, благоприятно скажется на росте показателей по передовым научно-техническим разработкам, изобретениям и открытиям, запатентованных российскими учеными.

Формирование законодательной базы о промышленной политике и кластерном развитии в Омской области

Традиционные теории о повышении конкурентоспособности экономических систем, связанные с ростом экономической эффективности деятельности отдельных предприятий, сегодня утрачивают былую привлекательность. В настоящее время все большую актуальность приобретают подходы, делающие основной упор на развитии крупных территориально-производственных комплексов (кластеров) или даже «наднациональных объединений»¹.

Во многих европейских странах на государственном уровне реализуются программы формирования и поддержки кластеров (например, в Дании, Великобритании, Португалии, Финляндии)². Немало сторонников «кластеризации» экономики появилось и в России³, особенно в отношении целесообразности создания разного рода кластеров на региональном уровне⁴.

¹ Одним из наиболее влиятельных ученых в вопросах повышений конкурентоспособности фирм в современной экономической литературе является М. Портер (См.: Портер М. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2005. – 608 с.).

² Савинова О.В., Мухина Д.А. Концепция кластерной промышленной политики развития региона // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. – Вып. 28. – С. 506.

³ Криворотов В.В., Калина А.В., Байраншин А.Ю. Обеспечение конкурентоспособности территориально-производственного комплекса: методология исследования // Вестник УрФУ. – 2012. – № 3. – С. 30–42.

⁴ Так, переход к новой модели пространственного развития российской экономики предполагает создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий. – См.: п. 4 Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489; Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации, утв. Минэкономразвития РФ 26 декабря 2008 г. № 20615-ак/д19 // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113283;dst=0;ts=C815636A1C07F4F7D3269A70A6E37BE6;rnd=0.7145760286059546>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

Региональный кластер, по мнению ряда ученых, – это промышленный кластер, в котором фирмы-члены кластера находятся в географической близости друг к другу¹. А.В. Воробьев считает, что понятие регион является близким по смыслу к понятию кластера; соответственно, региональная экономика имеет серьезные предпосылки для формирования кластерной политики в условиях отдельно взятой административной территории для создания структуры кластеров по предметным, товарным направлениям – приоритетным для социально-экономического развития региона².

Для того, чтобы на территории Омской области сформировался современный высокотехнологичный промышленный кластер, необходимо создание целостной законодательной базы о промышленности, включающей разработку, принятие и последовательную реализацию закона о промышленной политике в Омской области, концепции, а также программы (плана, стратегии), определяющих комплексное развитие всех отраслей промышленности региона.

Во многих субъектах РФ, начиная с 1990-х пошел процесс разработки законов, концепций о промышленной политике или ее основах. При этом в разных регионах, в силу отсутствия на федеральном уровне соответствующего основополагающего нормативно-правового акта, были сформированы разные подходы к определению названия, структуры и содержания регионального закона о промышленной политике³.

Органы государственной и муниципальной власти Омской области должны помочь предприятиям и организациям разной отраслевой принадлежности наладить взаимодействие между собой, сначала на уровне региона, а в последующем – на межрегиональном и международном уровнях, включая направления расширения кластера в узкоспециализированных и непрофиль-

¹ Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? // Word Link. – 1992. – № 5. – July/Aug. – P. 24–25.

² Воробьев А.В. Региональные особенности кластерного подхода в трансформационной экономике // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – № 2. – С. 37–38.

³ Башкирцев А.С., Маковкина С.А. Элементы формальных институтов в организации региональной промышленной политики // Вопросы управления. – 2013. – № 1 (22) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2013/01/11/>, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

ных отраслях промышленности. Им нужно обеспечить совершенствование и развитие промышленной инфраструктуры, а также создание инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности и региональной информационной системы промышленности.

Важным направлением работы органов государственной и муниципальной власти на региональном уровне, особенно в условиях экономических санкций и ограничения возможностей получения кредитов в зарубежных банках, следует считать осуществление стратегического планирования инвестиционной деятельности, предполагающего формирование портфеля инвестиционных проектов, что сделает возможным симметричное развитие Омской области, с учетом имеющихся на территории ресурсов. В силу специфики экономической системы региона, в которой значительное место занимает промышленный сектор, нужно выработать стратегию ее развития в условиях быстро трансформирующейся внешней и внутренней среды, а также использовать новые методы управления инвестиционными процессами и оценки инновационной и инвестиционной привлекательности Омской области.

Кроме того, необходимо преодолеть возрастающее устаревание основных фондов, машин и оборудования, поскольку оно имеет своим негативным последствием снижение фондоотдачи, рост издержек производства и количества неконкурентоспособных отраслей промышленности. Насущная проблема для промышленности заключается в дефиците инвестиционных ресурсов, которые требуются для технического и технологического перевооружения производства.

Государство должно пересмотреть свою позицию в отношении банков и прочих финансовых организаций, не спешащих кредитовать реальный сектор экономики. В федеральное законодательство должны быть внесены поправки, предусматривающие существенное ослабление налогового бремени как непосредственно для предприятий, реализующих программы модернизации собственного производства, так и для кредитных организаций, предоставляющих предприятиям финансирование обновления основных фондов.

Однако органы государственной и муниципальной власти Омской области также не должны оставаться в стороне от процессов стимулирования товаропроизводителей к инновационному

техническому обновлению морально и физически устаревшей материальной базы промышленного производства, поскольку степень наполняемости регионального и местного бюджетов напрямую зависит от успешности функционирования на территории Омской области хозяйствующих субъектов.

Федеральным законом о промышленной политике предусмотрен ряд мер финансовой поддержки субъектов деятельности в сфере промышленности: в форме предоставления субсидий из федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов; в форме налоговых льгот; из средств государственных фондов развития промышленности, создаваемых Российской Федерацией или субъектами РФ (ст. 10, 11).

Необходимые условия и порядок предоставления данных мер, в пределах предоставленных им законодательством полномочий, вправе определять органы региональной и муниципальной власти и управления, исходя из специфики и потребностей конкретной территории.

В числе непереносимых требований должны быть указаны, в первую очередь, обязательство получателя финансовой поддержки по стопроцентному и своевременному введению в эксплуатацию приобретенного оборудования. Для российского предпринимателя недостаточно закупить новое оборудование – его надо научиться эффективно использовать. По некоторым оценкам, каждой второй компании не удалось запустить на полную производственную мощность закупленное оборудование в силу недостатка средств для установки, запуска и поддержания машин в рабочем состоянии¹, а также нехватки квалифицированных кадров.

Во-вторых, должен быть постоянный мониторинг эффективности использования предоставленных из регионального (муниципального) бюджета средств. В региональном законе скрупулезно нужно прописать процедуру осуществления регулярного контроля органами власти расходования бюджетных средств. Здесь, с одной стороны, нельзя допустить какое-либо государственное вмешательство в оперативную хозяйственную деятельность промышленных предприятий. С другой стороны, важно не пропус-

¹ Нестеров Е. Модернизация промышленности. – Загл. с экрана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.up-pro.ru/library/modernization/modernization_teh/modernizacija-prom.html, свободный (дата посещения: 1.06.2015).

тить моменты нецелевого расходования выделенных государством ассигнований. Поэтому периодические отчеты об исполнении получателем условий выделения ему стимулирующих мер необходимо регулярно размещать как на сайте соответствующего государственного органа или органа местного самоуправления, так и на сайте предприятия.

В-третьих, заслуживает внимания предложение В.В. Шлычкова об установлении заданного норматива по созданию на предприятии высокотехнологичных рабочих мест (относящихся к пятому и шестому технологическим укладам) – если не в качестве критерия оценки работы органов государственной и муниципальной власти, то, во всяком случае, – в качестве показателя эффективности предоставленных субъекту деятельности в сфере промышленности мер государственного стимулирования¹. Этот показатель определяется по отношению к среднесписочной численности работников предприятия-получателя финансовой поддержки. Косвенным образом данный критерий указывает на способность региональных властей осуществлять на подведомственной территории результативную промышленную политику и разумно, с максимальной пользой для населения Омской области, расходовать бюджетные средства.

Если говорить об общей структуре областного закона о промышленной политике, то она должна включать следующие элементы:

– преамбулу (поясняет мотивы, политико-экономические обстоятельства, в связи с которыми принимается закон, какие цели и задачи он преследует).

– разделение на главы (общие положения; меры стимулирования деятельности в сфере промышленности; территориальное развитие промышленности).

Такая структура определена федеральным законом и ее следует признать целесообразной, поскольку каждая глава имеет свое генеральную тему. Между тем региональные законы, даже принятые после опубликования федерального закона о промышленной политике, такой подход не восприняли, что не совсем правильно.

¹ Шлычков В.В. Об отдельных аспектах процесса модернизации российской экономики // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 81.

Раздел (глава) «Общие положения» содержит традиционные статьи, определяющие:

- предмет, сферу правового регулирования. Здесь, в частности, важно прописать механизм взаимоотношения с законом о концепции промышленной политики;

- основные термины и понятия;

- цели, задачи и принципы промышленной политики;

- основные направления промышленной политики в Омской области;

- субъекты формирования промышленной политики и ее реализации;

- полномочия Законодательного Собрания Омской области в сфере промышленной политики;

- полномочия Губернатора Омской области и Правительства Омской области в сфере промышленной политики;

- полномочия уполномоченных исполнительных органов Омской области;

- полномочия органов местного самоуправления Омской области в сфере промышленной политики;

- порядок взаимодействия между различными субъектами по вопросам формирования и реализации промышленной политики.

Целесообразно создание разного рода координационных или совещательных органов (состоящих только из представителей государственных органов, либо с привлечением лиц из рядов научной, педагогической общественности, руководителей предприятий), например, Совета по промышленной политике в Омской области при губернаторе в целях координации действий органов государственной исполнительной власти с органами местного самоуправления, а также субъектами, осуществляющими деятельность в сфере промышленности, и организациями, входящими в состав инфраструктуры поддержки промышленной деятельности. Положение о таких советах утверждается Губернатором Омской области.

Раздел «Меры стимулирования деятельности в сфере промышленности» определяет основные меры и формы финансовой, организационной, имущественной, налоговой, информационно-аналитической, консультационной, научно-технической поддержки, а также меры по содействию в развитии кадрового потенциала, привлечению инвестиций, осуществлению внешнеэкономической деятельности.

Для повышения эффективности реализации региональной промышленной политики целесообразно регулярно проводить мониторинг состояния различных отраслей промышленности, эффективности предоставленных мер стимулирования, выявления причин нерационального использования бюджетных средств.

Кроме того, перспективным для развития промышленности региона представляется инициирование органами государственной и муниципальной власти различных исследований. Так, мониторинг потребностей и пожеланий разного рода субъектов (граждан разных возрастов; юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в какой-либо продукции (потребительского, производственно-технического назначения и т.п.) позволит выявить перспективные направления развития и наиболее полной загрузки производственной мощности региональных кластеров. В качестве одного из инструмента такого мониторинга можно рекомендовать проведение областных конкурсов, олимпиад на лучшую идею в области создания инновационного товара (услуги).

Принятие закона о промышленной политике в Омской области не терпит промедления, поскольку продиктовано требованиями федерального законодательства. Кроме того, его реализация будет способствовать созданию благоприятных условий для функционирования региональных промышленных предприятий – как входящих в определенный промышленный кластер, так и осуществляющих свою деятельность вне производственно-территориальных объединений. Ситуация на внешнеполитической арене, связанная с применением к России экономических санкций и ее ответных мер, оказывающая положительное влияние на рост отечественной промышленности, не будет длиться бесконечно, поэтому органам власти необходимо принять неотложные меры по разработке и последовательной реализации региональных нормативно-правовых актов о промышленности, чтобы вывести экономику региона на качественно новый, инновационный путь развития.